

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК

3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 9 5 8

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

член-корреспондент Академии наук СССР

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

БОРЬБА С РАБСТВОМ-ДОЛЖНИЧЕСТВОМ В ВАВИЛОНИИ И ПАЛЕСТИНЕ

Статья посвящается славному юбилею академика
В. П. Волгина, вся научно-исследовательская и научно-
организационная работа которого содействовала процветанию
советской исторической науки.

Катастрофически развивается рабство-должничество в южном Междуречье на рубеже III и II тысячелетий до н. э.¹ О рабстве-должничестве, этой самой жестокой форме эксплуатации бедняка, сказал яркие слова Ф. Энгельс в своем классическом труде „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, повествуя о том, какова была светлая заря цивилизации у афинского народа.² Энгельс установил основные вехи пути развития, который привел в конце VII в. до н. э. представителей сельских общин Аттики к продаже своих детей и к самопродаже: „Появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары. И в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что с ними станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения“.³ Превращение продуктов в товары и власть продуктов-товаров над их производителем, а затем появление всеобщего товара — денег, представляющих новую общественную силу, — все это должно было оказать сильнейшее воздействие на население южного Междуречья. В особенности же тяжело и болезненно отозвалось господство этих новых экономических явлений на представителях аморейских племен, сравнительно недавно вышедших из условий древнего родо-племенного строя и попавших в качестве завоевателей в среду рабовладельческого общества, созданного шумерийской и аккадской народностями. Попав в неизвестные им до того условия товарного производства и денежного

¹ Всемирная история, т. I, 1955, стр. 216 и 292—293.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 114.

³ Там же, стр. 115.

хозяйства, имевших для них последствием страшное рабство-должничество, они начинают фетишизировать созданные ими же самими документы ставшего столь недавно им знакомого свирепого долгового права, как „долговое обязательство“ или „документ о кабале“. Эта фетишизация нашла, как я полагаю, свое яркое выражение в весьма своеобразной формулировке статьи 117 законов царя Хаммурапи, статьи, являвшейся наиболее, казалось, действенной мерой, преследующей смягчение бесчеловечного долгового права: об. стор. III: ⁵⁴šumma a-wi-lam ⁵⁵e-'il-tum ⁵⁶iš-ba-zu-ma ⁵⁷aššat-zu mâr-su ù mâr-at-zu ⁵⁸a-na kaspim id-di-in ⁵⁹ù lu a-na ki-iš-ša-a-tim ⁶⁰it-ta-an-di-in ⁶¹šattam III ^{kam} ⁶²bît ša-a-ma-ni-šu-nu ⁶³ù ka-ši-ši-šu-nu ⁶⁴i-ip-pi-šu i-na ni-bu-tim ⁶⁵ša-at-tim ⁶⁶an-du-ra-ar-šu-nu ⁶⁷iš-ša-ak-ka-an.

К сожалению, все известные мне переводы только что приведенной статьи законов Хаммурапи не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку они не объясняют без остатка все те трудности, которые таятся в тексте статьи. В связи с историей интерпретации статьи 117 законов Хаммурапи надлежит отметить, что исследователи данного текста до 1939 г. не видели никаких затруднений в ее понимании.¹ Так, например, в известной книжке В. Эйлерса „Стела законов Хаммурапи“, изданной в 1931 г., дан следующий безоговорочный перевод указанной статьи 117: „Если гражданина долговое обязательство захватило и он свою жену, своего сына или свою дочь [поэтому] продал или для заложничества отдает, то они обслуживают в течение трех лет дом их покупателя или их залогохозяина, в четвертом году их освобождение устанавливается.“²

В 1939 г. появилось исследование двух специалистов в области древневосточного права Драйвера (Driver) и Майлза (Miles), посвященное изучению статей 117, 118 и 119 законов Хаммурапи и отметившее вполне закономерное своеобразие некоторых моментов трех названных статей законодательного памятника великого вавилонского царя.³

В том же 1939 г. А. Пёбель (А. Pöebel) пытался в своем очерке грамматики аккадского языка установить сущность одной из глагольных форм, встречающихся в статье 117, а именно формы it-ta-an-di-in.⁴ Названную глагольную форму, правда, стремился определить уже в 1936 г. Гётце (А. Goetze),⁵ но, как мы увидим ниже, его определение

¹ Правда, следует указать, что интерпретация тесно связанных со статьей 117 статей 118—119 законов Хаммурапи также связана, как мы увидим ниже, с некоторыми затруднениями.

² W. Eilers. Die Gesetzesstele Chammurabis. Das Alte Orient, Bd. 31, H. 3/4, Leipzig, 1932, стр. 32.

³ Driver G. R. and Sir John Miles. Code of Hammurabi, §§ 117—119. Symbolae ad jura orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae, Leidän, 1939, стр. 65 сл.

⁴ А. Pöebel. Studies in Akkadian Grammar. 1939, стр. 44.

⁵ А. Goetze, Journ. of the American Oriental Society, 1936, v. LVI, стр. 322. Эти наблюдения вкраплены в большое исследование на стр. 297—331 названного тома журнала. Данное исследование содействовало установлению перфектума в аккадском языке (см. ниже, стр. 14).

оказалось неточным. В 1948 г. было опубликовано Т. И. Миком (Th. J. Meek) новое толкование статей 117, 118 и 119 свода законов Хаммурапи, использовавшее результаты вышеприведенных исследований.¹

Наконец, в 1952 г. В. Зоден (W. von Soden) издал свою грамматику аккадского языка, которая на основании учета всего засвидетельствованного материала максимально уточняет фонетическую характеристику различных глагольных форм, встречающихся в древневавилонских текстах.²

К сожалению, известные мне переводы законов Хаммурапи последних лет не учитывают вышеприведенные исследования 1939 и 1948 гг. и дают поэтому интерпретацию важнейших статей 117, 118 и 119 свода законов вавилонского царя, соответствующую по существу той интерпретации, которую предложили в свое время Шейль, Винклер и т. д.³

Обращаясь теперь к моей интерпретации статей 117—119 законов Хаммурапи, я буду исходить из тех наблюдений, которые были сделаны при изучении этих статей древневосточного свода законов выше названными исследователями. Основной из данных трех статей является первая — статья 117, которая содержит наиболее эффективное постановление против рабства-должничества среди прочих древних законодательств, направленных на борьбу с злоупотреблениями ростовщиков. Дело в том, что статья 117 законов Хаммурапи является одним из наиболее сильных аргументов в пользу утверждения проф. Я. М. Магази-

¹ Theophile J. Meek. A new interpretation of the code of Hammurabi §§ 117—119. Journ. of eastern Studies, 1948, т. VII, стр. 180 сл.

² W. von Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik. Analecta, Orientalia, Bd. 33, Roma, 1952.

³ Так, например, в полезном пособии „Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“, подготовленном И. М. Дьяконовым совместно с профессором Я. Н. Магазинером, дан перевод статей 117, 118 и 119 по старинке, без учета наблюдений, сделанных авторами вышеуказанных статей 1939 и 1948 гг. [Вестник древней истории (ВДИ), 1952, № 3, стр. 240]. Во введении к этому переводу „Законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“ И. М. Дьяконов ссылается на перевод Т. Миком законов Хаммурапи, включенный в американское издание Притчарда (1950 г.), которое охватывает переводы всех известных нам древневосточных законов (ВДИ, 1952, № 3, стр. 199). К сожалению, это издание мне было недоступно, так как оно, согласно сообщению, данному мне любезно И. М. Дьяконовым, пропало после 1952 г. в ленинградском книгохранилище — Библиотеке АН СССР, которое его выписало. По старинке переводит также Иосиф Клима статьи 117, 118 и 119 законов Хаммурапи на стр. 59 своей полезной в других отношениях монографии „Zakony Chamurapiho“ (Прага, 1954). Автор названной монографии мог по-новому подойти к определению глагольных форм §§ 117, 118 и 119, так как к его услугам были наблюдения над глагольными формами древневавилонского языка, собранными в грамматике аккадского языка В. Зоден, опубликованной в 1952 г. Правда, уже А. Унгнад [A. Ungnad. Byblonisch-Assyrische Grammatik. München 1926. (В дальнейшем: Ungnad. Grammatik)] установил основание для правильного определения формы ittandin, основного затруднения для интерпретации статьи 117 законов Хаммурапи, но тогда на установление Унгнада не было обращено должного внимания.

нера, что „законы Хаммураби о ростовщичестве представляют собой наиболее далеко идущую попытку ограничения ростовщичества, какая только была возможна для деспотического государства, не идущего на риск самоуничтожения“.¹

Как мы увидим ниже, интерпретация статьи 117 представит немало филологических затруднений, но в начале первой части она не содержит для исследователя, указывавшего на условия данного постановления, никаких грамматических неясностей. Точный ее перевод гласит: „Если ² мужа ³ долговое обязательство ⁴ схватило ⁵ его“. Вынесение прямого дополнения „мужа“ на первое место перед подлежащим „долговое обязательство“ предложения было, конечно, обусловлено тем, что на него падало особое ударение.⁶ Текст статьи тем самым подчеркивал, что решение закона, зафиксированное в ней, имеет силу лишь по отношению к полноправному вавилонскому гражданину,⁷ но отнюдь не к так называемому „мушкену“, который хотя и являлся свободным и принадлежал к классу рабовладельцев, но был тем не менее ограниченным в своих гражданских правах.⁸

¹ ВДИ, 1952, № 3, стр. 283.

² Строго говоря, следует перевести: „предположено“ (см.: A. Ungnad, Grammatik, § 32, d).

³ В переводе слова awilam, а тем самым и во всей первой части так называемой „протасис“ статьи 117 законов Хаммурапи допущена досадная неточность в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим. 1). В указанном примечании дается дословный перевод начала статьи 117: „Если человек — долг (e'ilum) схватил его“. Подобный перевод является неправильным, так как слово „человек“ стоит в данном контексте не в именительном падеже — „awilum“, а в винительном — „awilam“.

⁴ Это слово (e'iltum) вряд ли можно перевести как „долг“, следуя переводу в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим. 1). Дело в том, что долг сам по себе не мог захватить человека, а лишь обязательства, связанные с долговым документом, т. е. долговое обязательство. Согласно П. Кошакеру, в его „Babylonisch-Assyrisches Bürgschaftsrecht“ (Leipzig—Berlin, 1911 стр. 131), указанный термин обозначал документ, устанавливавший личную ответственность должника своим телом за просроченный долг. Безольд (С. Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926, стр. 4в) приводит словоупотребление данного термина и как „документ“.

⁵ В целях точной передачи вавилонского текста я перевожу претерит, т. е. глагольную форму, характерную для вводной части статей законов Хаммурапи, русским прошедшим временем, а не настоящим или будущим, как это до сих пор имело место в наших переводах семитических законов южного Междуречья. Мое предположение является тем более мотивированным, что по существу вавилонское župhta не соответствует нашему „если“ — союзу, стоящему в начале условного придаточного предложения с глаголом в настоящем или будущем времени.

⁶ Ungnad, Grammatik, § 66, с.

⁷ Я уже в двадцатых годах высказывал положение, что awilum — „муж“ в законах Хаммурапи обозначал полноправного гражданина. То же самое утверждает Эйлерс (Eilers) в своем переводе законов Хаммурапи, изданного в 1931 г., а Мик (Т. I. Meek, Journ. Near. East. Studies, V, 1946, стр. 66, прим. 19) видит в awilum — seignior.

⁸ К положению „мушкену“ см.: Всемирная история, т. I, стр. 296. Здесь дано примечание И. М. Дьяконова, являвшимся одним из редакторов первого тома, что

Мы видим, таким образом, что первая часть начала статьи 117 действительно не содержит никаких затруднений со стороны грамматики. Недоумение же двух выше названных английских ученых, Драйвера и Майлза, в их исследовании, посвященном статьям 117—119 законов Хаммурапи, было обусловлено необычной связью глагола „схватывать“ с именем существительным „обязательство“ (obligation). Они указывают на то, что „глагол, для которого e'iltum является подлежащим, а именно iṣbazu «схватил» является странным (peculiar), ибо нормально он требует конкретное подлежащее, в то время как имя существительное здесь абстрактное“.¹ Пример подобного „нормального“ словоупотребления ṣabātu — „схватывать“ авторы находят в статье 151,^{31, 43, 51}, где подлежащим указанного глагола выступает bēl ḥubullim — „владыка процентного долга“, который схватывает своих должников, как задолжавшего мужа, так и задолжавшуюся жену.

Вместе с тем надлежит подчеркнуть, что глагол ṣabātu по отношению к должнику имеет, согласно свидетельству некоторых древневавилонских писем, вполне определенное значение — задержание его, очевидно, для представления суду. Таким примером является следующее письмо: „Так [сказал] ты: «Он имеет на нем серебро». Что касается Шамашдаяна, на котором он имеет серебро, [то] там, где ты его увидишь, схвати его и свидетелей представь ему. Не опускай свою руку [т. е. не будь небрежным]!“.²

Авторы также отмечают словоупотребление ṣabātu как захват личности должника для передачи его суду.³ Тем не менее они полагают, что в статьях 117 и 119 подобное значение ṣabātu не применимо, ибо в таком случае „скорее заимодавец, нежели e'iltum, был бы подлежащим глагола iṣbazu“. Поэтому они предлагают, что ṣabātum здесь применено метафорически к обязательству, как в другом месте — к болезни.⁴

Но данное предположение обоих авторов является вряд ли приемлемым, поскольку глагол „схватывать“ в вавилонских текстах отнюдь

мушкену являлись лицами, связанными с царским хозяйством. Это положение он развивал в ВДИ (1952, № 3, стр. 266). Оно опровергается письмом [сановника царства Мари Бахдилима, сообщавшего, что наводнение затопило некоторую часть земли, принадлежавшей мушкену, но не затронуло полей дворца. Из этого письма Бахдилима следует, стало быть, что мушкену не сидели на земле дворца, т. е. на царской земле (см.: J. R. Kupper. Correspondance de Bahdi-Lim, т. VI. Serie Archives Royales de Mari, Paris, 1954, № 3, строки 8—10 лицевой стороны и 1—2 оборотной стороны)].

¹ G. R. Driver and J. Miles, ук. соч., стр. 66.

² A. Ungnad. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie. Leipzig, 1914, № 125²¹⁻²⁸. (В дальнейшем: Ungnad, ВВ).

³ Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 67, прим. 11) ссылаются на результаты изысканий двух других исследователей.

⁴ Там же, стр. 67 (со ссылкой в прим. 12 на тексты, в которых различные болезни выступают подлежащим глагола ṣabātu).

не метафорически применяется по отношению к болезни. Дело в том, что для вавилонца болезни являются такими же олицетворениями злых сил, как и любой демон. Так, например, в одном из вавилонских магических текстов заклинаются наряду со злым Утукку, Лабарту, Лабасу и другими демонами также и болезнь сердца, болезнь живота, болезнь головы и болезнь зубов.¹ Наряду с болезнями мог „схватить“ человека и „страх“, который в сознании вавилонцев имел, очевидно, свое олицетворение, подобно „панике“ у греков. Кроме „страха“, и „голод“, согласно свидетельству текстов, „схватывал“ человека,² но и „голод“ представлялся вавилонцу в виде олицетворенной злой силы, так как он „поднимался“ подобно мечу, диким зверям и чуме, чтобы уменьшить число людей.³

Надо полагать поэтому, что и e'iltum — „долговое обязательство“ в представлении составителя статей 117 и 119 являлось олицетворением злой силы, угнетавшей людей и, следовательно, перед нами — та фетишизация, о которой я выше говорил (см. стр. 7). Действительно, формулировка начальных строк статей 117 и 119, в которых действующим лицом выступает долговое обязательство, а должник — страдающим, являет собой любопытную аналогию для „товарного фетишизма“, о котором говорит Маркс, отмечая, что продукт человеческого труда, становящийся товаром, „превращается в чувственно-сверхчувственную вещь“.⁴ Маркс отмечает, что товарная форма, выражающаяся в отношении стоимостей продуктов труда, — „лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами“. Для нахождения аналогии этому следовало бы, согласно Марксу, „забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук“.⁵ Отмеченная мною своеобразная формулировка статей 117 и 119, выставленная действующей силой не самого человека, а правовое обязательство, гесп. документ, зафиксировавший последнее, дает мне основание утверждать, что во время правления Хаммурапи долговые обязательства, будучи продуктами деятельности людей, тем не менее стали представляться самостоятельными существами, одаренными собственной волей и собственным разумом. Хаммурапи и его советники в деле создания его свода законов могли легко найти аналогию для своего осознания

¹ В. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, Bd. II. Heidelberg, 1925, стр. 222.

² См. к применению глагола „схватывать“ в связи со „страхом“ и „голодом“. С. Bezold, ук. соч., стр. 234а.

³ В. Meissner, ук. соч., Bd. I, 1924, стр. 424.

⁴ К. Маркс. *Капитал*, т. I. Изд. 5-е, М., стр. 30.

⁵ Там же, стр. 32.

правового обязательства, обратившись к области религиозного мира, которая для них, представителей первой из докапиталистических формаций, была областью еще далеко не „туманной“, а областью вполне конкретной и реальной для их мировоззрения. Они же почитали статуи богов в святилище храмов, идола, созданные человеческой рукой, но тем не менее они видели в них существа, обладавшие и разумом и волей, властвующие над людьми и стоящие в определенных отношениях друг к другу.

Подобная фетишизация сделки долгового обязательства, или документа, фиксирующего ее, являлась, как я уже выше указал, результатом ознакомления амореев области Вавилон с бесчеловечным долговым правом страны, в которой они волей судьбы оказались. Они здесь с ужасом узнали о существовании принудительного взыскания долгов вплоть до превращения свободного человека, имевшего несчастье стать должником, в жалкого раба. Дальнейшее изучение текста статьи 117, а также статей 118 и 119 докажет с еще большей убедительностью наличие фетишизации долгового обязательства со стороны составителей свода законов Хаммурапи. На самом деле подобное отношение к правовому документу выявит со всей определенностью правильное решение вопроса о том, кто же был действующим лицом при продаже или отдаче на отработку долга жены и детей должника. Надлежит, правда, подчеркнуть, что вопроса о действующем лице при продаже жены и детей должника до сих пор не существовало. Все исследователи без какого-либо колебания полагали, что сам должник продавал своих членов семьи.¹ Вопрос ставился некоторыми исследователями лишь по отношению к действующему лицу при отдаче на отработку долга жены и детей должника. Тем не менее вопрос должен быть поставлен и относительно действующего лица при продаже семьи должника.

Дело в том, что отождествление должника с продавцом его жены и детей сталкивается с трудностями как грамматического, так и юридического характера. Первое затруднение обусловлено переменной подлежащего в изложении статьи без какого-либо указания в дальнейшем тексте на это обстоятельство. В законах же Хаммурапи появление нового подлежащего может быть установлено или по данным осмысления контекста, или по прямому указанию. Так, в статье 102 мы читаем, что „купец (тамкар) разносчику (шамаллум) деньги для... дал, там, куда он отправился (т. е. шамаллум), он потерпел неудачу, (то) капитал² купцу возвращает“. Перемена подлежащего устанавливается здесь и общим контекстом и положением шамаллума, который, согласно свидетельству статьи 100, отправлялся в путь, а тамкар оставался на месте.

---

¹ Для примера см. хотя бы перевод Эйлерса статьи 117, приведенный мною выше (стр. 3—4).

² Буквально „голова серебра“, т. е. „капитал“.

Я позволю себе привести еще пример перемены подлежащего в статье 124. Мы читаем здесь: „Если муж (другому) мужу серебро, золото или другую какую-либо вещь перед свидетелями на хранение отдал (и) он ему (это) отрицал“. Для каждого читателя текста статьи является очевидным, что отрицал факт сдачи перечисленного добра не тот, кто сдал добро на хранение, а тот, кто его принял на хранение.

Нет надобности, я полагаю, в приведении еще других примеров подобного рода среди статей законов Хаммурапи.¹ Изучающий законы вавилонского царя с этой точки зрения легко убедится, что можно без какого-либо колебания установить перемену подлежащего во всех статьях, где это имело место. Как общий контекст, так и прямые указания дают возможность отметить перемену подлежащего, что же касается статьи 117, то мы не находим в ней никаких данных, свидетельствующих о перемене подлежащего первых ее вводных строк.

Таким образом, из данных самого текста статьи 117 нельзя сделать вывод, что „должник“, являвшийся дополнением во вводном предложении статьи,² стал бы в следующем соподчиненном предложении подлежащим, превратившись из лица страдающего в лицо действующее. Против подобного предположения говорит также и существенный юридический момент. Дело в том, что должника статей 117 и 119 уже „захватило“ долговое обязательство, потому что он, очевидно, просрочил время возвращения долга. Тем самым он попадал в иное положение, чем то лицо, „на котором“, согласно терминологии статей 48, 151 и 152, „долг (*hubullum*) существует“, т. е. обычный должник. „Долг“ (*hubullum*) в статье 151 не „схватывал“ человека, а „схватывал“ его сам „хозяин его долга“ (*bēl hubullišu*).

Согласно статье 48, „муж, на котором существовал долг“, продолжал обрабатывать свое поле и платил сам проценты за долг своему заимодавцу. Согласно статье 152, муж и жена, „на которых установился долг“, сами удовлетворяли требования заимодавца. Согласно статье 113, „муж, который имеет на другом муже зерно или серебро“, тем не менее не имеет права без разрешения на то своего должника взять зерно из его житницы или его кладовой. Стало быть, человек, взявший заем, сохранял свою гражданскую действительность, если он не просрочил момент возвращения долга, обусловленный заемной сделкой. Мужа же, пропустившего срок возвращения взятой в долг суммы, „схватывало“ долговое обязательство, и он переставал быть для общества действительным лицом. Дело в том, что *ṣabātu* — „схватывать“ — в качестве юридического термина было связано с задержанием, арестом захваченного

¹ Ср. примеры подобного рода в статьях 9, 17, 20, 35, 60, 65, 66, 146—149, 162—164, 165, 175, и т. д.

² Надежит отметить, что слово „муж“ в статьях 117 и 119 поставлено в винительном падеже в противоположность статье 148, в которой „муж“, являющийся должником, поставлен в именительном падеже. Об этом см. ниже (стр. 11).

лица. Так, составитель одного из писем династии Хаммурапи, перечислив список своих „судей“, жалуется: „В воротах Арарру он схватил меня, ввел меня и запер“.¹

Вполне понятно, что лицо, подвергнутое подобному аресту, лишалось тем самым свободы своих действий и задержавшие узурпировали право его распоряжаться своим имуществом, как об этом свидетельствует одно из древневавилонских писем. В нем его автор сообщает своему адресату, что некий Варадилишу, которому он дал для передачи третьему лицу две трети мины серебра, указанную сумму не передал, поэтому составитель письма обратился к адресату со следующим требованием: „Схвати Варадилишу! Серебро и его доход, большой и малый, заставь его взвесить! Из этого 14 сиклей твоего серебра возьми! Остаток пришли мне“.² Приведенный текст письма на самом деле свидетельствует о том, что „схваченное“ лицо теряло свое право распоряжения своим имуществом и что этим правом завладел тот, кто его „схватил“.

Надлежит еще особо отметить, что составитель письма непосредственно перед своим требованием к адресату схватить названного Варадилишу подчеркивает, что „две трети мины серебра я имею на Варадилишу“. Подобная формулировка применяется в законах Хаммурапи по отношению к должнику, как это мы выше видели, например, в 113 статье: „Если муж на муже зерно или серебро имеет“. Следовательно, можно Варадилишу рассматривать в качестве должника и тем самым аргументировать с помощью приведенного письма в пользу положения, что „схваченный“ долговым обязательством не мог выступать в качестве действующего лица. Поэтому в статье 115 не должник передавал заимодавцу своего члена семьи в качестве заложника, а сам заимодавец „его [т. е. должника] заложника брал в залог“.³

Подводя итог всему выше сказанному, надлежит сделать вывод, что муж, которого схватило долговое обязательство в статьях 117 и 119 не мог выступать в качестве действующего лица, а в таком случае оставалось, казалось бы, единственным предположением, что в статьях 117 и 119, подобно статьям 114 и 115, действующим лицом является сам заимодавец. На самом деле, вполне допустимым являлось а priori предположение, что не кто иной как заимодавец в статьях 117, 118, 119 продавал или отдавал в кабалу жену и детей или рабов „мужа“, которого захватило долговое обязательство.

¹ Ungnad, BB, № 92₁₁₋₁₂. См. там же письмо № 125, упомянутое мною в прим. 2 на стр. 7, о том, что заем сам по себе не лишал должника гражданских прав, а предполагал лишь его долговое обязательство (см.: Driver and Miles, ук. соч., стр. 67).

² Ungnad, BB, № 126, 27—33.

³ См. также статью 114: „Если муж на муже зерно или серебро не имеет, его заложника взял себе в залог“.

Но это, казалось бы, столь вероятное предположение отпадает теперь, как я полагаю, после нового и вполне убедительного истолкования глагольной формы *ittandin*, которая связана в статьях 117 и 118 с термином *kiššatum* — „кабала“. ¹ До 1939 г. в переводах статей 117 и 118 глагольная форма *ittandin* интерпретировалась как медиальная форма основной породы, т. е. так называемая форма „1₂“ или „Gt“. ² В 1939 г. была опубликована выше названная работа А. Пёбеля, посвященная исследованиям в области аккадской грамматики. ³ В одном из этих исследований он обратил внимание на интерпретацию глагольной формы *ittandin* статей 117 и 118, так как его не удовлетворяло обычное возведение ее к форме 1₂, т. е. к медиальной форме основной породы. Его не удовлетворяла также и аргументация Гётце ⁴ в пользу подобного истолкования глагольной формы *ittandin*. Последнюю Гётце возводил к первоначальной форме *intaddin* и указывал на то, что удвоение среднего радикала было впоследствии заменено диссимиляцией путем назализации. ⁵ Пёбель же подчеркнул, что диссимиляция „dd“ в „nd“ не засвидетельствована в языке эпохи династии Хаммурапи. ⁶ Поэтому он видит в *ittandin* претерит формы IV₂, т. е. второй формы страдательного залога от глагола *nađānu* — „давать“, ⁷ и переводит как „он был отдан“. ⁸ Предложенное Пёбелем истолкования *ittandin* осталось почти незамеченным, ⁹ так как слишком укрепилось в сознании исследователей старое осмысление указанной глагольной формы. Мы выше видели, что переводы законов Хаммурапи и 1952 и 1954 гг. прошли мимо наблюдения, которое сделал Пёбель уже в 1939 г. Настолько убедительным казалось старое толкование *ittandin* — „он отдан“, что даже Драйвер и Майлз, посвятившие в 1939 г. специальное исследование статьям 117—119, ¹⁰ не сочли нужным поставить вопроса о значении *ittandin*, усматривая в этом, очевидно, ненужную трату времени. Гётце же, будучи знакомым с наблюдением Пёбеля 1939 г., продолжал еще в 1948 г. настаивать на ста-

¹ В строках 60 и 70 III столбца оборотной стороны стелы законов Хаммурапи.

² Пёбель (Pöebel, ук. соч., стр. 43) приводит еще толкование этой глагольной формы, как 1₃, т. е. расширенную через n-медиальную форму основной породы.

³ См. прим. 4 на стр. 4.

⁴ A. Goetze. Journ. of the American Oriental Society, v. LVI, 1936, стр. 322.

⁵ ZA, стр. 322 и прим. 86.

⁶ Pöebel, ук. соч., стр. 42.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ По своему значению, как известно, страдательный залог и его медиальная форма полностью совпадают.

⁹ Мик (Meek) в своем исследовании 1948 г (см. прим. 1 на стр. 5) указывает на стр. 181b на то, что он „всегда“ интерпретировал *ittandin* как претерит IV₂. К этому утверждению он прибавляет: „Я недавно открыл, что Пёбель интерпретирует это таким же образом.“

¹⁰ Оно названо в прим. 3 на стр. 4.

ром толковании ittandin и пытался опровергнуть новое толкование.¹ Полностью признал справедливость истолкования Пёбелем глагольной формы ittandin Мик в своем вышеуказанном исследовании 1948 г. „Новая интерпретация кодекса Хаммурапи §§ 117—119“.² Автором обстоятельно изучены глагольные формы, а также термины, встречающиеся в изучаемых им статьях. На основании результатов их изучения, он заканчивает свою работу переводом трех названных статей.

Надлежит тем не менее отметить, что в исчерпывающем, казалось бы, изучении глагольной формы ittandin упущен все же один, по моему мнению, существенный момент, а именно: оставлен без внимания вопрос о возможности описки в написании указанной глагольной формы. На самом деле вопрос о возможности подобной описки должен быть поставлен интерпретатором глагольной формы ittandin, так как текст стелы законов Хаммурапи, а также дошедших до нас копий на глиняных табличках являлся, к сожалению, не всегда безупречным. Вместе с тем надлежит в извинение резчиков, увековечивших законы великого царя на вечном камне, указать на то, что описки в громадном большинстве были обусловлены сходством некоторых клинописных знаков друг с другом, содействовавшим их смешению. Так в §§ 34 и 111 были смешаны между собой похожие знаки „di“ и „ki“, в §§ 47, 120 и 229 — „lu“ и „ku“, а в § 47 — еще „su“ и „zu“, в § 63 — „ša“, и „na“, в §§ 111, 140 и 254 — „ni“ и „kak“, и т. д. К опискам подобного рода принадлежит и замена знака „ša“ знаком „ta“, которая имеет место в ряде статей. Между прочим, знак „ša“ заменен „ta“ в статье 171 в глагольной форме iš-ša-ak-ka-an, превращая тем самым требуемый контекстом страдательный залог в неуместный здесь действительный.³ Надлежит отметить, что в подобном же контексте статья 117 дает правильную форму iššakan, а это говорит в пользу тщательности того резчика, которому была поручена работа над столбцом, включавшим текст статей 117—119.

Обращаясь теперь непосредственно к вопросу о возможности описки в глагольной форме it-ta-an-di-in статей 117 и 118, следует признать, что единственной допустимой опиской в этом конкретном случае была бы замена знака „an“ знаком „ad“. При предположении подобной описки имела бы в первоначальном тексте изучаемых статей глагольная форма ittaddin, т. е. претерит, расширенной через „n“ медиальной

¹ Мик (Меек, ук. соч. стр., 181) приводит частное сообщение Гётце, в котором последний указывает на два довода, противоречащие, по его мнению, интерпретации, которую предложил Пёбель. Я ниже коснусь этих аргументов.

² См. прим. 1 на стр. 5.

³ Эйлерс в своем переводе свода законов Хаммурапи, отметив на стр. 41, прим. 1, повторение сохранившимися двумя копиями § 171 данной описки оригинала, приходит к весьма отрицательной оценке значения этих копий для критики текста стелы законов вавилонского царя.

формы основной породы¹ глагола *paḏānu* — „давать“ — „он дал“. Но предположение о замене резчиков знака „ad“ знаком „an“ является весьма невероятным, если мы примем во внимание резкое графическое отличие между двумя названными знаками. Правда, в статье 120 знак „lim“ заменен в слове *a-wi-lim* — „человек“ далеким от него в графическом отношении знаком „lum“, но такая описка была обусловлена наличием слова *awilum* — „человек“ в одной из предшествующих строк текста.² Глагольная форма *ittandin* не имеет в окружающем контексте статей 117 и 119 графически близкую ей форму глагола *paḏānu*, а поэтому и этот аргумент в пользу описки отпадает. Если же мы примем во внимание, что *ittandin* включено в текст как статьи 117, так и статьи 118, нельзя считать, что резчик, увековечивший на стеле это слово, мог совершить ошибку.

Рассеяв таким образом сомнения в отношении чтения интересующего нас *ittandin*, остается теперь проверить правильность интерпретации его, сделанной Пёбелем в 1939 г. на основании достижений последних лет в области изучения аккадского языка. Учитывая результаты новейшего известного мне исследования аккадского глагола,³ надлежит признать, что они, по существу, подтверждают правильность наблюдения Пёбеля. На самом деле устанавливается, что глагольная форма *ittandin* выражала страдательный залог, являясь перфектом IV породы⁴ или претеритом расширенной через „n“ медиальной формы IV породы глагола *paḏānu* — „давать“.⁵ Выбирать между перфектом и претеритом не приходится, ибо в контексте статей 117 и 118 может быть речь лишь о претерите, но не о перфекте.⁶

Стало было, *ittandin* означало: „он был дан“ „он был отдан“;⁷ установив для себя бесспорность данного его значения, я могу поставить теперь перед собой вопрос о грамматическом подлежащем пассивной глагольной формы *ittandin*. В известной специальной литературе пытались уже ответить на этот вопрос и Пёбель и Мик, но их ответы,

¹ См.: Soden, ук. соч., табл. 22 глагольных парадигм.

² Унгнад в своей транскрипции законов Хаммурапи (J. Kohler und A. Ungnad. *Hammurabi's Gesetz*, Bd. II. 1909, стр. 13, прим. 5) отмечает замену „lim“ знаком „lum“ в статье 7: „lum“ является ошибкой каменотеса, обусловленной частым упоминанием *a-wi-lum*».

³ Это исследование включено в грамматику аккадского языка Зодена (см. прим. 2 на стр. 5).

⁴ Перфект установлен в аккадском языке сравнительно недавно. Одним из исследователей, способствовавших его установлению, был Гётце в своей работе, названной в прим. 5. на стр. 4.

⁵ Soden, ук. соч., табл. 22 глагольных парадигм.

⁶ О претерите в предложениях после *šumma* см. Soden, ук. соч., § 161, d, стр. 212 и § 80, стр. 104—105 (о перфектуме).

⁷ Медиальные формы IV породы по своему значению не отличаются от основной формы IV породы. См.: Ungnad, *Grammatik*. 2-е изд., München, 1949, §§ 41 и 42.

по моему мнению, не решают указанной проблемы. На самом деле не может не вызвать сомнения утверждение Пёбеля, что подлежащим *ittandin* является прямое дополнение предшествующей глагольной формы *iddin*. Для большего удобства критического рассмотрения предложенного Пёбелем решения вопроса о подлежащем *ittandin* — „он был отдан“ я приведу целиком его перевод начала статьи 117: „Если муж влез в долги и поэтому продал свою жену, своего сына или свою дочь, или же если (его жена, его сын или его дочь) была отдана в кабалу“.¹ Этот перевод начала статьи 117 не может быть принят ввиду того возражения, которое уже было выдвинуто мной в связи с вопросом о подлежащем предшествующей *ittandin* глагольной формы *iddin*. Дело в том, что и интерпретация Пёбеля предполагает перемену подлежащего, а на подобную перемену, как я выше отметил, дает указания в статьях законов Хаммурапи дальнейший их текст. Я тщательно искал таких указаний, решая вопрос о подлежащем глагольной формы *iddin*, и теперь не могу найти их при определении подлежащего, связанного с *ittandin*. Наоборот я устанавливаю в дальнейшем тексте 117 статьи моменты, явно противоречащие переводу Пёбелем начальных строк статьи.

Действительно, в следующих строках статьи мы читаем: „3 года дом покупателя их или закабалителя их они обслуживают; на четвертый год свобода их будет установлена“. Мы видим, стало быть, что дальнейший текст статьи вполне последовательно отмечает множественное, а не единственное число членов семьи, которые продавались или отдавались в кабалу: „покупатель“ называется не „покупатель ее“, а „покупатель их“, „закабалитель“ не „закабалитель ее“, а „закабалитель их“; не „она будет обслуживать“, а „они будут обслуживать“, не „свобода ее“, а „свобода их“ будет установлена. Что же касается перевода Пёбелем начала статьи 117, то, согласно ему, для кабалы не „они были отданы“, а „она была отдана“.

Если же, действительно, имела место перемена подлежащего и в качестве последнего вместо должника стали бы выступать жена и дети должника, то несомненно составитель текста статьи отметил бы эту перемену множественным числом соответствующей глагольной формы и вместо *ittandin* — „он был отдан“ стояло бы *ittandinū* — „они были отданы“.

Определение подлежащего, предложенное Пёбелем для пассивной глагольной формы *ittandin*, не удовлетворяет и Мика. Он также указывает на то, что следует отождествить подлежащее для *ittandin* с подлежащим для *iddin*,² т. е. отказывается от предложения перемены подлежащего. Подлежащим же как активной формы *iddin*, так и пассивной

¹ P o e b e l, ук. соч., стр. 44.

² M e e k, ук. соч., стр. 182а.

ittandin, является, согласно его утверждению, тот „муж“, которого схватило долговое обязательство. Исходя из данного предположения, Мик дает следующий перевод статьи 117: „Если обязательство вступает в силу против сеньора и таким образом продал [услуги] своей жены, своего сына или своей дочери, или же он был обязан служить, они будут работать [в] доме своего покупателя, или хозяина обязательства в течение трех лет, а свобода их восстанавливается в четвертый год“.¹

Стало быть, согласно приведенному переводу статьи 117, сам должник должен был отрабатывать свой долг в доме заимодавца, и Мик, автор перевода, даже полагал, что тем самым его интерпретация статьи заслуживала предпочтения перед всеми другими, так как наличие в нем условия закабаления самого должника находилось, по его мнению, в полном соответствии с правовыми навыками того времени. Я же полагаю, что именно момент наличия в статье 117, при интерпретации Мика, условия закабаления самого задолжавшегося главы семьи не может не вызвать сильнейшего сомнения в закономерности интерпретации названного ученого.

На самом деле Мик не обратил в достаточной степени внимания на факт борьбы законодательства Хаммурапи с рабством-должничеством, грозившим лишить его армию большого количества воинов.² Поэтому законы царя преследовали цель спасти самого главу семьи, являвшегося воином ополчения, от кабальной службы в хозяйстве ростовщика, предоставляя последнему для отработки долга труд членов семьи должника. Об этом свидетельствует не только статья 117, но и ряд других статей свода законов вавилонского царя. Так, в статьях 114 и 115 отмечается, что „муж“, имеющий на другом „муже“ „зерно или серебро“, „его заложники забирал в залог“. Случай же захвата самого задолжавшего главы семьи в качестве заложника указанными статьями не предусматривался.

Неопровержимо, как я полагаю, доказывает стремление законодательства Хаммурапи охранить главу семейства от кабальной службы статья 116. Это не менее яркое свидетельство, нежели статья 117, о борьбе великого царя за ограничение ростовщичества. Содержание статьи 116 следующее: „Если заложник умрет в доме своего залогодержателя вследствие побоев или истязаний, то, по изобличении хозяином заложника своего тамкара [т. е. заимодавца], если [это] сын мужа, должно предать смерти его сына, если [это] раб, он должен уплатить треть мины серебра и потерять все, данное ему взаймы“.

¹ Меек, ук. соч., стр. 183б,

² О борьбе законов Хаммурапи с рабством должничеством см.: В. В. Струве. История древнего Востока. М., 1941, стр. 98 сл.; Я. М. Магазинер, ВДИ, 1952, № 3, стр. 280 и 282 сл.; Всемирная история, т. I, стр. 296 сл.

Из текста статьи следует с несомненностью, что самому домохозяину не грозила участь „заложника“ в доме своего заимодавца, ибо в статье идет речь о возможности смерти вследствие дурного обращения не его самого, а членов его семьи, как свободных, так и не-свободных. В статье же 229 и 230, связанных с применением закона талиона, ответственность за деяния главы семьи несут не только члены его семьи, но и он сам: „Если строитель, построив мужу дом, не укрепит свою работу, так что дом, который он построил, обвалится и причинит смерть хозяину дома, то этого строителя должно предать смерти. Если он причинит смерть сыну хозяина дома, то сына этого строителя должно предать смерти“.

Следовательно, в данных двух статьях предусматривается ответственность за свои деяния и самого главы семьи, и она была бы, наверное, предусмотрена и в статье 116, если закон царя Хаммурапи разрешал бы применение жестокого долгового права по отношению к полноправному вавилонскому гражданину, бойцу его ополчения. Очевидно, статьи 114, 115, 116 и 117 свода законов Хаммурапи свидетельствуют об освобождении царем самого главы семейства от кабальной службы в хозяйстве своего заимодавца¹ ради сохранения военной мощи вавилонского государства.

Но не одни статьи свода законов царя Хаммурапи свидетельствуют о данной победе, одержанной на фронте борьбы с рабством-должничеством. О ней красноречиво свидетельствует и тот факт, что среди частноправовых документов времени Хаммурапи и его ближайших преемников отсутствуют долговые записи, требующие отработку со стороны не одних только членов семьи, но и самого задолжавшегося главы семьи.²

В Ларсе, в столице противника Хаммурапи эламтянина Римсина, дело обстояло иначе, нежели в современном ему вавилонском государстве. Документы из Ларсы свидетельствуют о безраздельном господстве ростовщиков, добывавших себе рабов в своем родном городе среди своих же граждан.³ Правда, Мик указывает, что в древнеавилонских сделках имеются примеры долговых записей, в которых требовалась кабальная служба в хозяйстве заимодавца и со стороны самого

---

¹ Статья 54, правда, допускает возможность продажи и самого главы семейства, если последний своим небрежным отношением к ирригационным сооружениям приво-дил к гибели урожая целого комплекса полей. В таком случае его имущество и его самого продавали, а полученные деньги делили между собой его пострадавшие соседи. Данное постановление статьи 54 рассматривают Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 75) „в качестве наказания за преступления, а не в качестве обратного получения долга“.

² Driver and Miles, ук. соч., стр. 74.

³ См.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 98; Всемирная история, т. I, стр. 292 сл.; Driver and Miles, ук. соч., стр. 74.

2 Палестинский сб., вып. 3

должника, но все эти документы восходят не к вавилонскому государству, а к Ларсе времени Римсина.¹

Я прихожу, таким образом, к выводу, что в Вавилонии времени Хаммурапи и его ближайших преемников полноправный гражданин, впавший в задолженность, был защищен от кабальной службы в хозяйстве ростовщика, ссудившего его зерном или серебром.² Поэтому и интерпретация Мика 117, согласно которой сам должник отдавался заимодавцу в кабалу, для меня не является приемлемой. Тем более, что данной интерпретации противоречит и последующий текст статьи, определяющий ростовщика не как *kašiši-šu* — „закабалителя его“, а как *kašiši-šunu* — „закабалителя их“. Следовательно, отдавалось в кабалу не одно лицо, т. е. сам должник, а несколько лиц, т. е. члены семьи должника, которые, согласно предшествующему тексту, могли также продаваться и покупатель которых назывался *ša'āmānu-šunu* — „покупатель их“. Правда, Мик пытается устранить это затруднение для своей интерпретации статьи 117 предположением описки, заменой *šunu* — „их“ первоначального *šu* — „его“.³ Но надлежит признать, что введение резчиком лишнего знака в увековечиваемый им текст почти не встречается в надписи стелы законов Хаммурапи, а поэтому предположение Мика является весьма мало вероятным.

На основании всего выше сказанного в связи с вопросом о подлежащем пассивной глагольной формы *ittandin* — „он был отдан“, я имею право высказать положение, что его подлежащим не может быть „муж, которого схватило долговое обязательство“, т. е. сам задолжавшийся глава семьи. Само собой понятно, что подлежащим не мог быть в данном случае и ростовщик-заимодавец, а поэтому последний не мог быть подлежащим активной глагольной формы *iddin* — „он отдал“. Выше же я доказал, что подлежащим *iddin* — „он отдал“ не мог быть сам должник, поскольку „его схватило долговое обязательство“.

Если, таким образом, ни должник, ни заимодавец не могли быть подлежащим ни *iddin*, ни *ittandin*, остается единственная возможность отождествления подлежащего этих двух глагольных форм с подлежащим первого предложения статьи, а именно с *e'iltum* — „долговое обязательство“. Нас при этом не должно смущать то обстоятельство, что

¹ Мик (Meek, ук. соч., стр. 182а, прим. 15) ссылается на материал, собранный Драйвером и Майлзом (Driver and Miles, ук. соч., стр. 74), но этот материал целиком относится к Ларсе времени правления Римсина. Очевидно, Мик не мог найти среди документов из городов северной части южного Междуречья времени Хаммурапи долговые записи, подтверждающие его точку зрения.

² К такому же выводу пришли также Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 75), утверждающие, что в кодексе Хаммурапи не было предусмотрено условия, согласно которому должник отвечал бы „своей собственной личностью“ за ликвидацию задолженности.

³ Meek, ук. соч., стр. 182.

слово e'iltum — женского рода, а глагольные формы всех трех предложений имеют префиксы 3-го лица единственного числа мужского рода. Дело в том, что в древнеавилонском языке префикс 3-го лица единственного числа женского рода заменяется, как правило, префиксом 3-го лица единственного числа мужского рода.¹

На основании положения о тождестве подлежащего во всех трех предложениях начала статьи 117 надлежит перевести статью следующим образом: „Если мужа долговое обязательство схватило,² жену его, сына его или дочь его оно продало³ или за кабальную службу⁴ оно было отдано, три года дом покупателя их или закабалителя их они обслуживают, в четвертый год освобождение их устанавливается“.

Теперь мне остается объяснить причину того, что „долговое обязательство“ в третьем предложении статьи перестает быть „действующей силой“ и становится „страдающим“. Я предлагаю для данного явления следующее объяснение: в первом случае „долговое обязательство“, схватившее должника, не обеспечившего своевременную отдачу долга, продавало членов его семьи какому-нибудь лицу, нуждавшемуся в рабочей силе, и ростовщик получал тем самым на основании долгового обязательства немедленно отданную в долг сумму. Во втором же случае, когда члены семьи должника отдавались заимодавцу на три года в кабалу, „долговое обязательство“ не возвращало немедленно заимодавцу сумму долга. Последняя погашалась лишь после трехлетней службы жены и детей должника в хозяйстве кредитора. Поэтому необходимо было „отдать“ „долговое обязательство“ за другой документ, документ, предусматривавший отработку просроченного займа членами семьи должника „в доме своего закабалителя“.

Результаты изучения статьи 117 дают мне до некоторой степени возможность правильного понимания следующей статьи 118, которая по существу является продолжением статьи 117, поскольку в ней отсутствует обычное для статей законов Хаммурапи вступление. Так, я уже в моем истолковании первых трех строк статьи 118⁵ имею преимущество перед тем переводом этих строк, который был предложен Миком. Он дает следующий перевод начала статьи, единственной гла-

¹ Ungnad. Grammatik, § 31, c; Soden, ук. соч., § 75, h, стр. 99.

² Местоименный суффикс, приставленный к глагольной форме „оно схватило“ вследствие выделения прямого дополнения, не переводится.

³ Буквально „за деньги оно отдало“, а это выражение служит в законах Хаммурапи обозначением акта продажи. См. примеры, приведенные Унгнадом (Ungnad. Hammurabi's Gesetz. Bd. II, стр. 152a).

⁴ К значению термина kiššatum см.: Koschaker. Hammurapi-Studien. Leipzig, 1917, стр. 48, прим. 7; Bezold, ук. соч., стр. 151b.

⁵ III столбец оборотной стороны 68—70 стелы законов Хаммурапи.

гольной формой которого было *ittandin*, стоявшего интерпретаторам статьи 117 столь большого труда: „Если раб или рабыня для кабальной службы был отдан“.¹

Перевод Мика вызывает мое сомнение допущением перемены подлежащего в глагольной форме *ittandin*, хотя статья 118 является, как подчеркивает сам Мик, лишь подразделением предшествующей статьи 117.² На самом деле, в статье 117, согласно мнению Мика, подлежащим глагольной формы *ittandin* является сам должник, а в статье 118 ту же роль играет теперь раб или рабыня должника. Я же полагаю, что *ittandin* должно иметь и в той и другой статье одно и то же подлежащее, так как в тексте статей я не нахожу указаний на перемену подлежащего. Если таковым выступает в статье 117 „долговое обязательство“, то последнее играет ту же роль и в статье 118. Поэтому я перевожу начало названной статьи соответствующим образом: „Если [это] раб или рабыня,³ [а] оно [т. е. долговое обязательство] за кабальную службу было отдано.“⁴

Не меньшее затруднение для правильного понимания статьи 118 доставляет интерпретация глагольной формы *u-še-te-ik* в дальнейшем тексте статьи.⁵ Большинство из исследователей истолковывали эту глагольную форму как настоящее время от каузатива глагола *etequ* — „продвинуться“, „проходить мимо“,⁶ хотя уже в 1909 г. Унгнад определил эту глагольную форму в качестве претерита каузативной породы названного глагола.⁷ Мику надлежит поставить в заслугу приведение убедительной аргументации в пользу определения времени *ušetik* как претерита, а не как настоящего времени. Он в первую очередь указывает на то, что в *ušetik* не имеет места удвоение среднего ра-

¹ Меек, ук. соч., стр. 183b.

² Там же, стр. 182b.

³ Я нахожу аналогию для первой строки статьи 118 во второй части статьи 116 (III столбец оборотной стороны, строки 46—50): „Если (это) сын мужа, его [т. е. заимодавца] сына убивают; если это раб мужа, одну треть мины серебра он [т. е. заимодавец] выплачивает“.

⁴ Транскрипция первых трех строк статьи 118 *šum-ma wardum u lu amtum a-na ki-iš-ša-tim it-ta-an-di-in*.

⁵ Транскрипция последних трех строк статьи 118: *tamqarum u-še-te-ik a-na kaspim i-na-ad-din u-ul ib-ba-gar*.

⁶ См., например, истолкование этой глагольной формы в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим.): „*ušetek*: эту форму следует понимать как Praesens-несовершенный вид; этот глагол не относится к условному предложению, где в языке этого времени ожидалась бы форма *ušetik*“. Надлежит к данному примечанию добавить, что характерным признаком для форм настоящего времени является удвоение среднего радикала.

⁷ См.: Унгнад, 1) *Hammurabi's Gesetz*, Bd. II, стр. 125b; 2) *Grammatik*, 2-е изд., § 30, стр. 39); здесь дается перевод контекста, в котором названная глагольная форма встречается. Правда, этот перевод не согласуется с тем переводом, который я предložу ниже.

дикала, которое наблюдается в древневавилонском языке в формах настоящего времени. Используя материал писем времени I вавилонской династии, Мик определяет настоящее время каузатива глагола *eteḫi* как *ušetek*, а претерит — как *ušetik*.¹ Написание же в статье 118 *u-še-te-ik*, а не *u-še-ti-ik* встречается иной раз и в формах претерита. Так, например, засвидетельствовано подобное написание претерита основной породы глагола *etēqu*: *e-te-ik* — „он продвинулся“.² Дальнейшему уточнению глагола *etēqu* в статье 118 содействовали Драйвер и Майлз, отметив, что *ušetik* в статье 118 является эллиптическим выражением для *adānam ušetik* — „он дал пройти времени, сроку“.³

Приняв данную интерпретацию значения *ušetiq*, я могу дать следующий перевод статьи 118 во всем ее объеме: „Если [это] раб или рабыня, оно [т. е. долговое обязательство] было отдано за кабальную службу и тамкар⁴ дал истечь сроку, [то] он продает [и] он [resp. она] не может быть требуем обратно“.

Срок, который подразумевается в статье, это, очевидно, тот промежуток в три года, который упоминается в предшествующей статье 117. В последней речь шла о свободных членах семьи, которые, согласно постановлению закона, должны были получать свободу после трех лет работы в доме заимодавца, так как они своим трехлетним трудом в хозяйстве ростовщика погашали задолженность главы своей семьи.⁵ Статья же 118 была посвящена кабальной службе раба или рабыни должника, которые своим трудом не отработывали сумму долга, а лишь проценты с нее. Поэтому заимодавец и имел право после трех лет кабальной службы раба или рабыни должника продать его или ее, если в течение трехлетнего срока он не получит обратно выданной в долг суммы серебра. Единственной льготой, предоставленной должнику по отношению к несвободным членам его семьи являлся запрет продажи их до срока, т. е. до истечения тех трех лет, которые являлись

¹ Меек, ук. соч., стр. 182—183а. См. также: Soden, ук. соч., табл. 17 глагольных парадигм.

² Ungnad, ВВ, № 222₁₃ и стр. 276.

³ Driver and Miles, ук. соч., стр. 72; Меек, ук. соч. стр. 183б. Мик полностью соглашается с Драйвером и Майлзом.

⁴ „Тамкар“ — „купец“ выступает в законах Хаммурапи в качестве типичного ростовщика; ср. хотя бы статьи 49 и 66.

⁵ Статья 117 законов Хаммурапи уничтожала по отношению к полноправным вавилонским гражданам то страшное кабальное холопство, которое свирепствовало у нас, в Московской Руси. Существование кабального холопства в парфянском обществе отмечает А. Г. Периханиян в своем исследовании „Рабовладение и землевладение в Парфии“ (ВДИ, 1952, № 4, стр. 25). Согласно свидетельству привлеченного автором документа из Дура-Европос, должник свершает у заимодавца рабскую службу „взамен процентов“ со взятых в долг серебра „вплоть до времени возвращения ссуженной ему суммы“.

пределом времени отработки в хозяйстве займодавца свободных членов семьи должника.¹

Право выкупа несвободного члена семьи и после указанного срока предоставлялось должнику лишь по отношению к той своей рабыне, которая родила ему детей. Подобный случай предусматривался в статье 119, которая повторяет, в противоположность статье 118, вступление статьи 117.² Результаты изучения последней статьи дают мне возможность перевести статью 119 без какого-либо дополнительного исследования: „Если мужа долговое обязательство схватило, его рабыню, которая детей ему родила, оно продало, серебро, [которое] купец³ уплатил, хозяин рабыни выплачивает [и] рабыню свою выкупает“. Статья, правда, касается лишь рабыни, проданной займодавцем немедленно после того, как долговое обязательство схватило должника. Тем не менее несомненно, что льгота, предусмотренная статьей, распространялась на рабыню, родившую детей своему хозяину, и в том случае, если долговое обязательство было отдано за документ о казначейской службе в доме займодавца.⁴

Я пришел к концу моего исследования статей 117—119, которыми Хаммурапи, как наиболее дальновидный представитель господствующего класса, стремился бороться с рабством-должничеством, этой страшной язвой, разъедавшей современное ему общество. Он надеялся нанести решающий удар рабству-должничеству включением в свой свод законов статьи 117, предусматривавшей запрет закабаления самого главы семьи и ограничивавшей работу свободных членов его семьи тремя годами в хозяйстве их покупателя или их закабалителя. Своеобразная формулировка этой статьи, а также тесно с ней связанных статей 118 и 119 свидетельствует о том, что эти статьи восходят, действительно, к законодательному творчеству самого царя, фетишизировавшего, подобно своим соплеменникам, документы свирепого долгового права Шумера и Аккада. За авторство самого Хаммурапи названных статей говорит и то обстоятельство, что в законах, предшествовавших времени правления Хаммурапи, не встречается столь радикального решения вопроса о рабстве-должничестве. Из этого факта, конечно, не следует делать вывода, что в законах царя Исина Липитиштара, лет на 150 более

¹ Надо полагать, что эта льгота распространялась и на тех рабов, которые продавались кредитором в тот самый момент, когда долговое обязательство „схватило“ его должника. Свободные члены семьи должника, „проданные долговым обязательством“, через три года работы в хозяйстве своего покупателя освобождались, а рабы должника могли в течение трех лет выкупаться своим хозяином. После трех лет последний терял это свое право.

² Для удобства читателя я даю транскрипцию и этой статьи: *šum-ma a-wi-laṅi e-'i-il-tum iṣ-ba-zu-ma amat-zu ša maṅimes ul-du-šum a-na kaspiṅ it-ta-din kasap tamṅarum iṣ-ḳu-lu be-el-amtim i-ša-ḳal-ma amat-zu i-pa-ṅar.*

³ В данном случае лицо, купившее у займодавца рабыню должника.

⁴ См. стр. 19.

древних, нежели свод законов Хаммурапи, нельзя было бы установить также попытки наступления на жестокое долговое право, созданное шумерийской и аккадской народностями. Дело в том, что при одной из интерпретаций и, как я полагаю, единственно правильной интерпретации статьи 14 законов Липитиштара,¹ историк получает в лице этой статьи свидетельство об одном из случаев некоторого ограничения права займодавца на отработку должником заемной суммы.

Статья 14 законов Липитиштара входит в текст таблички Ниппурского архива, который был издан задолго до установления принадлежности его к своду законов названного царя Исина.² Поэтому данная статья стала за истекшие почти 40 лет предметом неоднократного изучения, которое, правда, не внесло никаких изменений в самый текст статьи, предложенный в свое время в *editio princeps*. Шумерийский текст статьи гласит следующим образом: „*tukum-bi arad-lú-ke, lugal-a-ni-ir nam-arad-da-ni ba-an-da-gur lugal-a-ni-ir nam-arad-da-ni a-rá-2-àm un-gi-en arad-bi al-búr-e.*“³

В противоположность самому чтению текста статьи, интерпретация ее у различных исследователей далеко не совпадает.⁴ Резко отличается от предшествующих интерпретаций и последнее, известное мне истолкование статьи. Оно было включено в выше упомянутый русский перевод „законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“.⁵ Переводчик, И. М. Дьяконов, дает следующую интерпретацию статьи: „Если раб человека для своего господина вернется в его рабскую службу [и] для своего господина его рабскую службу исполнит [?] вдвойне, [то] этого раба должно освободить“.

Автор перевода дополняет его примечанием, в котором он признает, что „смысл этой статьи темен“, а поэтому и прибавляет к своему истолкованию статьи некоторую разъяснительную аргументацию: „Наш перевод исходит из предположения, что раб исполняет службу за своего господина, попавшего в долговую кабалу. Эргативный падеж (падеж действующего лица переходного глагола) при слове „раб“ мы относим к глаголу *ungen*, а не к *bandagur*, который рассматривается нами как непереходный. Инфикс *-nda-* в глаголе *bandagur* должен относиться к слову *nam-arad-ani(-e)* (послелог *-e(da)*, которое не может быть прямым дополнением.“⁶

¹ См.: F. R. Steele. The code Lipit-Ishtar. Amer. Journ. of Archaeology, 1948, t. LII, стр. 438, стлб. XIII₁₈ и стлб. XIV₄.

² Таблетка была издана Лутцем в 1919 г.: Lutz. Selected Sumerian and Babylonian Texts. Publications of the Babylonian Section. Museum of Pennsylvania. University, 1919, № 101.

³ Я следовал транскрипции, которую дал Стиль (Steele, ук. соч., стр. 438).

⁴ Они перечислены у Стиля (Steele, ук. соч., стр. 426).

⁵ ВДИ, 1952, № 3, стр. 221.

⁶ Там же, стр. 221, прим. 20.

Но приведенная аргументация не может содействовать подкреплению предложенного автором перевода. Дело в том, что последний встречает на пути своего признания следующие два непреодолимых препятствия, обусловленных требованиями шумерийской грамматики. Первым из этих препятствий является невозможность отрывать подлежащее с послелогом -е от первой глагольной формы, которая следует за ним, в данном случае от глагольной формы bandagur.¹ Вторым не менее непреодолимым препятствием является невозможность связать глагольную форму ba-an-da-gur с именем существительным nam-arda-da-pi — „рабство его“, ибо в таком случае инфикс da был бы соединен с показателем класса неодушевленных явлений -b-, а не с показателем класса одушевленных явлений -п.²

Поэтому на основании указанных соображений перевод, предложенный И. М. Дьяконовым, должен быть отвергнут, да и он сам, пожалуй, чувствовал неприемлемость своего перевода статьи 14 Липитиштара. По крайней мере он в примечании предлагает еще второй перевод статьи, исходя из предположения, что глагол „bandagur“ является переходным. „Если [кабальный] раб вернет [работой] своему господину [сумму задолженности] по его рабской службе [т. е. сумму, за которую отслуживает] и докажет, [что он вернул] сумму по рабской службе вдвойне, [то] этот [кабальный раб] должен быть освобожден“.³

Этот перевод, как указывает и сам И. М. Дьяконов,⁴ близок к переводу Стиля, открывшего науке свод законов Липитиштара. Точная передача перевода Стиля⁵ гласит следующим образом: „Если раб мужа возместил свое рабство своему господину и было подтверждено, что он возместил] своему господину вдвойне, тот раб должен быть освобожден“. Данный перевод не противоречит вышеприведенным требованиям шумерийской грамматики и он поэтому в основных своих чертах может быть принят, хотя он и требует, как я полагаю, некоторых уточнений.

В интерпретации статьи 14 свода законов Липитиштара, предложенной мной, я стремлюсь отметить те намеки на данную юридическую ситуацию, которые оформитель статьи, говоривший на семитическом языке, пытался выразить на мертвом уже в то время шумерийском

¹ См. в своде законов царя Липитиштара статьи 9, 18, 25, 28, 30, 34—37, а также примеры в надписях Гудеи: Статуя Д, 5₂₋₇, Цилиндр А, 2₂₄₋₂₅, 15₂₀₋₂₂ и т. д.

² К классу одушевленных явлений и к классу неодушевленных явлений см.: A. Deimel. Sumerische Grammatik. 2-е изд., Rome, 1939, стр. 60₅; A. Falkenstein. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas, Bd. I. Rome, 1949, стр. 70, 194; Bd. II, 1950, стр. 42 сл.; E. Sollberger. Le système verbal dans les inscriptions „royales“ présargoniques de Lagas. Genève, 1952, стр. 64.

³ ВДИ, 1952, № 3, стр. 221, прим. 20.

⁴ Там же, стр. 221—222, прим. 20.

⁵ Steele, ук. соч., стр. 438.

языке, изученном им во время учебы в писцовой школе: „Если раб мужа хозяину¹ своему рабство свое у него² возвращал,³ когда он хозяину своему рабство свое вдвойне установил,⁴ (то) раб этот освобождается“.⁵

Стало быть и Липитиштар, пятый царь династии Исина, решил бороться с жестоким долговым правом, рожденным в среде рабовладельческого общества Шумера и Аккада. Он упразднил статьей 14 своего кодекса закон о том, что должник своей работой, своим трудом в доме заимодавца возмещал последнему не сумму долга, а лишь проценты с нее. Подобным законом и была обусловлена вся бесчеловечность древнего долгового права южного Междуречья, превращавшая раба-должника в вечного раба, подобно рабу-военнопленному или рабу иноплеменнику, купленному в чужой стране. Очевидно, этот закон, не знавший жалости к бедным представителям своего же общества, родился в южном Междуречье во время III династии Ура, когда были забыты гуманные принципы законодательства Урнамму, основоположника династии,⁶ и появились документы о самопродаже и продаже родителями своих детей без ограничения времени. Очевидно, эти рабы могли себя выкупать лишь путем внесения той суммы, за которую они попали в кабалу, а не путем отработки долга своим трудом в хозяйстве заимодавца, погашавшим лишь проценты займа. Поскольку же у бедняка единственной собственностью была его рабочая сила, то и освобождение становилось для него недостижимым.

Липитиштар пытался статьей 14 своих законов сделать для бедняка, попавшего в долговую кабалу, освобождение реальностью; он издает постановление, согласно которому раб-должник, отработавший свой долг в хозяйстве заимодавца, становился свободным, если „он устано-

¹ Буквально „царю“, т. е. шумерийцы не делали отличия между отношением царя к подданному и отношением господина к рабу в противоположность семитам, отличавшим *šarru* — „царь“ и *bēl* — „господин“. Ср. отличие в греческом языке между *basileus* и *despotēs*.

² Я полагаю, что замена дательного падежа так называемым „комитативным“ падежом преследовала цель указать, что раб-должник „возвращал свое рабство“, т. е. отработывал свой долг, обусловивший его рабство в доме своего заимодавца.

³ Значение глагола *gug* как „возвращать“, отмечает, например, Делич (F. Delitzsch. *Sumerisches Glossar*. 1914, стр. 109).

⁴ A. Deimel. *Sumerisches Lexicon*, № 85, стр. 200. Деймель дает для *gi-en* значение „делать крепким“, „закреплять“.

⁵ Согласно А. Пёбелю (A. Pöebel. *Grundzüge d. Sumerischen Grammatik*. 1923, § 577, стр. 234), глагольный префикс *al* выражает „пассивный оттенок переходного глагола“.

⁶ О защите „мужа с одним сиклем“ от посягательства со стороны „мужа с 1 миной, т. е. с 60 сиклями“, декларированной законодательством Урнамму, см.: M. Lambert, *Rev. d'Assyr.*, t. 48, 1954, стр. 149; E. Szlechter. *Rev. d'Assyr.* t. 49, 1955, стр. 169 сл.

вил для своего хозяина свое рабство вдвойне“, т. е. если он своим трудом вдвойне вернул своему хозяину сумму своего долга, основания своего рабства. Статья 14 кодекса Липитишгара, отвергавшая закон о погашении трудом раба-должника в хозяйстве ростовщика одних лишь процентов займа, являлась несомненно смягчением старого долгового права, но, правда, не слишком значительным. Дело в том, что для определения момента, когда должник „устанавливал для своего хозяина вдвойне свое рабство“, использовался, очевидно, утвержденный законом и обычаем тариф поденной платы батрака, который, конечно, был чрезвычайно выгодным для заимодавца и мог отодвинуть срок освобождения бедняка, томившегося в кабальной неволе, на долгие годы. Поэтому Хаммурапи нанес долговому праву Шумера и Аккада неизмеримо более сильный удар, определив срок пребывания раба-должника в хозяйстве заимодавца не объемом работы, а определенным количеством лет (3 года). Тем не менее надлежит признать статью 14 кодекса Липитишгара предтечей статьи 117 свода законов Хаммурапи, поскольку обе статьи раскрывают исследователю вехи истории борьбы с рабством-должничеством, которая велась в южном Междуречье во время династии Исина и в начале I вавилонской династии, т. е. в первой четверти II тысячелетия до н. э.

Учитывая соотношение между данными статьями, не может не вызвать недоумения заявление Стиля в его комментарии к своду законов Липитишгара, что статья 14 последнего не имеет никакой аналогии со статьями кодекса Хаммурапи, несмотря на то, что названный американский исследователь находит в статье 14 определение условий, необходимых для приобретения рабом свободы.¹

Не заметив аналогии для статьи 14 законов Липитишгара в кодексе Хаммурапи, Стилль не нашел аналогии для указанной статьи и в библейском законодательстве, хотя таковую он мог без труда установить среди постановлений библейского права, посвященных положению „рабов-евреев“. Действительно, под воздействием пророческого движения появляется в библейском законодательстве тенденция к смягчению долгового права. Уже к середине VIII в. до н. э. относится постановление, зафиксированное в книге Исхода 21₂₋₃ и входившее в состав собрания законов, которое было создано, по мнению ряда исследователей, в Израиле:² „Если купишь раба-еврея, пусть он работает [тебе] шесть лет, а в седьмой [год] пусть выйдет на волю даром. Если он пришел один, пусть один и выйдет, а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его“.

¹ Steele, ук. соч., стр. 447.

² См.: K. Budde. Geschichte der althebräischen Litteratur. Leipzig, 1909, стр. 96 сл. Автор, подобно многим другим, полагает, что Элохист сохранил это собрание законов (Исход, 21—23). Я считаю неуместным касаться в данном исследовании сложнейшей проблематики библейской критики.

Стало быть, законодательство Израиля, подобно законам Липитиштара и Хаммурапи, отменило постановление старого долгового права, согласно которому трудом кабального раба погашались одни лишь проценты с суммы займа. В противоположность статье 117 Хаммурапи законодательство Израиля допускало закабаление и самого должника наряду с его семьей. Надо полагать, что статья 14 Липитиштара предусматривала закабаление не только членов семьи, но и самого должника.¹

Дальнейшее смягчение долгового права было достигнуто библейским законодательством уже в иудейском царстве в результате реформ при царе Иосии, нашедших свое отражение в книге Второзакония. Здесь, в главе 15 (строки 12 сл.), дано развернутое постановление о рабах-евреях: „Если продается тебе брат твой, еврей или еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу. Когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего!“.

Данное постановление иудейского законодательства конца VII в. до н. э. вносило существенное дополнение к закону Израиля середины VIII в. до н. э. об освобождении раба-должника. Иудейский закон времени царя Иосии требовал от заимодавца снабжения отпускаемого им на свободу кабального раба некоторым имуществом, чтобы спасти его от необходимости новой самопродажи. Статья 117 законов Хаммурапи не требовала подобного дополнения, поскольку она предусматривала сохранение свободы за главой семьи, который мог тем самым восстановить свое экономическое благополучие и предохранить в дальнейшем членов своей семьи от нового закабаления. В особенности же примечательным для настоящего исследования является аргументация Второзакония в пользу своего постановления об освобождении раба-еврея после шести лет кабальной службы в доме заимодавца. Оно подкрепляется (Второзаконие, 15₁₈) следующим соображением: „Не считай этого для себя тяжким, что ты должен отпустить его от себя на свободу, ибо он в шесть лет заработал тебе подобно вдвойне нанятому батраку“.

Второзаконие предоставляет таким образом историку любопытную аналогию к статье 14 законов Липитиштара, приравнив шестилетний труд еврея-должника в хозяйстве заимодавца труду „вдвойне нанятого батрака“. Если, согласно Второзаконию, 6 лет отработки закабаленного должника-еврея были для заимодавца равноценны „вдвойне нанятому батраку“, то, очевидно, обычный срок найма батрака соответствовал трем годам. На подобный срок указывало и свидетельство книги про-

¹ Это следует, по моему мнению, из той активности кабального раба, которая засвидетельствована в статье 14 Липитиштара.

рока Исайи, 16₁₄: „... в 3 года, подобно годам батрака, мощь Моава будет принижена“.¹

Невольно возникает догадка, что срок в 3 года, которыми была ограничена кабальная служба членов семьи должника в статье 117 законов Хаммурапи, стояла в какой-то связи со сроком найма батрака на 3 года. Возможно, что вавилонский законодатель приравнивал, подобно Второзаконию, труд членов семьи должника в доме заимодавца труду батрака, с той только разницей, что он не требовал от них шести лет работы, а лишь три года, и он поэтому приравнивал их труд не труду „вдвойне нанятого батрака“.² Требуя только 3 года работы в доме заимодавца от членов семьи должника, статья 117 царя Хаммурапи, очевидно, отождествляла их полностью с батраками, т. е. со свободными людьми и тем самым отвергала для них момент взимания процентов. В таком случае статья 117 вавилонского царя была бы более радикальной нежели законодательство о рабстве должничестве, приписываемое греческой традицией египетскому царю Бокхорису и оказавшее, согласно той же традиции, воздействие на законы Солона о долговом праве. Дело в том, что царь Бокхорис, если верить греческой традиции, разрешал брать проценты с суммы долга и запрещал заимодавцам лишь „увеличивать основную сумму долга через проценты более чем в 2 раза“.³ Возможно, что в данном постановлении законодательства египетского царя Бокхориса мы имеем аналогию для статьи 14 царя Исина Липитиштара.

Прослеженная мной борьба с рабством-должничеством, как в Вавилонии, так и в Палестине, не привела к прочным результатам, ибо, согласно логике развития классовых обществ, в рабовладельческих обществах древнего Востока имела место в конечном итоге победа класса крупных рабовладельцев. Победа же последнего повлекла за собой возрождение самого жесткого кабального рабства, превращавшего народ в массу потенциальных рабов-должников.

¹ См.: Mayer-Salzberger. The status of labor in ancient Israel. Philadelphia, 1923, стр. 33. По мнению автора, сроком найма батрака были, вероятно, три года.

² Л. А. Липин любезно согласился дать в связи с моим исследованием свои весьма ценные соображения, разъясняющие значение срока в 3 года, установленные статьей 117 для обработки долга главы семейства свободными членами его семьи. Эта заметка будет напечатана в следующем номере „Палестинского сборника“.

³ См.: Диодор, История, I, гл. 79. Как известно, изложение Диодором истории Египта восходит к труду Гекатея Абдерита, автора, заслуживающего внимания.

ИЗ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙШИХ ЕГИПТИЗМОВ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА¹

- I. Στήθος — „грудь“, στόμαχος — „горло“, στοναχή — „вздых“.
II. Νηγῆτεος — слово неизвестного значения.
III. Νήδυμος ὕπνος — „сладкий сон“ и ὄναρ — „сновидение“.

I

В заключительной части книги автора „Египетские заимствования в греческом языке“ (стр. 205) было указано, что из числа египетских заимствований в греческом языке „к врачеванию, как связанному в свое время с чародейством, вполне очевидно относятся слова φάρμακον (колдовское) «средство лечения, зелье» и ἄχος — «колдовство, излечение»; к врачеванию, как общему поводу для заимствования, могут примыкать обозначения частей тела: στήθος — «грудь»“.

В настоящей статье автор возвращается к обсуждению истории слова στήθος — „грудь“, усматривая в ней момент сходства, в отношении судьбы грамматического рода, со словом στόμαχος — „горло“, а в разнице судьбы слова στοναχή — „вздых“ по отношению к роду видит подтверждение того, и семантически очевидного, предположения, что египетский прецедент первой составной части этого слова не может не быть отличен от прецедента первой составной части слов στήθος и στόμαχος.

В литературе о египетской лексике, по-видимому, еще не было высказываний о том, что причинность грамматического рода лексически объединенного сочетания двух существительных не ограничивается исключительно только родом определяемого существительного, но — по крайней мере в особом случае — может корениться в грамматическом роде второй составной части сочетания, входившей в него на правах определения первой части и таким образом выполнявшей служебную роль. Необычностью этого принципа и вызванной ею на первых порах

¹ См. также работы автора: Египетские заимствования в греческом языке. М—Л., 1953, 208 стр. (В дальнейшем: Египетские заимствования); Семантический антропоморфизм в словарных египтизмах греческого языка. Палестинский сборник, вып. 2 (64—65), 1956, стр. 12—30.

моей неспособностью в прошлом к его признанию объясняется запоздалость появления здесь этимологии существительного *στόμαχος* в смысле объяснения, в принципе согласованного с этимологией слова *στῆθος* и читавшегося в первоначальном варианте моей выше названной работы о египетских заимствованиях в греческом языке под одним общим заглавием с этим словом. И сейчас я решаюсь на нижеследующее высказывание в порядке рабочей гипотезы. Однако решаюсь на это я потому, что считаю нежелательным оставлять далее необъединенными равноправные составные части одной общей мысли, тем более, что эта мысль получает со стороны коптской лексикографии яркое подтверждение, несомненно заслуживающее упоминания.

Предпосылкой возникновения форм, отраженных в греческих словах *στῆθος* и *στόμαχος*, было, я склонен думать, то, что первая лексическая составная часть соответствующих египетских словосочетаний годилась, в отношении второй их составной части, в соединения самого широкого подбора.

Если это можно считать правильным, то предположение, к которому я крайне неохотно прибегнул в книге „Египетские заимствования“ (стр. 72 сл.), относительно присуждения двуязычной среде окончания среднего рода -ος слова *στῆθος* под влиянием *ῆθος* второй составной части словосложения, восходящего *š·t ḥštj, предпочтительно заменить следующим. Данное присуждение грамматического рода имело место не в двуязычной среде и не в отношении возникающего греческого слова *στῆθος* — „грудь“, под влиянием рода слова *ῆθος*, а уже на египетской языковой почве. Сочетание *š·t ḥštj — „место (нахождения) сердца“, воспринимаемое как нечто лексически объединенное, как сложное слово, уже обладало лексической характеристикой, соизмеримой в отношении причины с характеристикой однословных представителей египетской категории мужского рода. Это значит, что характеристика, распространяясь на все сочетание *š·t ḥštj как нечто целое, имела свою исходную точку в конечной, т. е. первоначально второй, составной части сочетания языка-прототипа. В процессе заимствования греками этого сочетания, воспринимавшегося в силу указанного объединения как слово мужского рода, данная лексическая характеристика могла быть по-гречески отражаема формой среднего рода как одним из способов реагирования на иноязычный мужской род, в отличие от женского рода, которого приходилось бы ожидать и в передаче, в том случае, если бы род равнялся по слову š·t, как составной части определительного словосочетания, распознававшейся в нем четко как определяемое. Иначе говоря, я предполагаю, что лексическая характеристика сочетания в целом могла в этом случае в действительности зависеть от лексической характеристики конца всего комплекса совершенно так же, как она от нее зависела, когда дело касалось слов, являвшихся и в прошлом лексически едиными.

Именно нормальность звукового соответствия нефлексивной части греческого слова στῆθος сочетанию $\acute{s} \cdot t \ h_3^t j$ должна и теперь послужить нам оперативной базой для полноты этимологического освоения слова στόμαχος, т. е. такого освоения, которое распространится и на проявленную в греческом окончании лексическую характеристику. Предпосылка надежды на успех в этом направлении заключается, я думаю, в том, что предположенный египетский прототип слова στῆθος состоит из сочетания слов неодинакового грамматического рода, т. е. в том, что в прототипе, кроме слова женского рода, содержалось, и притом на конце всего сочетания, также слово мужского рода. Выявить эту предпосылку как действенную не только в отношении слова στῆθος значит приблизиться к очевидности того, что фактором, обуславливающим грамматический род заимствования, в пределах атрибутивного словосочетания, могло явиться и определение в отличие от определяемого, как это было бы нормально. В этих целях я могу использовать еще только одну этимологию, которая прямо-таки напрашивается в смысле привлечения прототипа, содержащего в виде первой составной части то же слово $\acute{s} \cdot t$ — „место“, а в виде второй — слово, по-видимому, мужского рода.

Я имею в виду слово στόμαχος — „горло“. Мысль о нем была для автора уже в прошлом (когда писалась книга „Египетские заимствования“) настолько заманчива, что этимология слова στόμαχος, сходная с этимологией слова στῆθος, была включена в первоначальную рукопись названной книги о египетских заимствованиях, причем слова στῆθος, στόμαχος и ἦθος составляли, как отмечено выше (стр. 30), один общий заголовок. Слово στῆθος осталось включенным в работу только благодаря полноте благополучия звуковой стороны его объяснения, но в отношении рода пришлось прибегнуть к гипотезе. Слову στόμαχος после долгих колебаний было отказано в привлечении его тогда же, ввиду того, что с ним было связано добавочное затруднение, затрагивавшее, помимо лексической характеристики, также еще и звуковой состав второй половины слова.

Несмотря на то, что названное препятствие не устранено, я все же решаюсь сообщить свое объяснение на следующем двояком основании: 1) в отношении лексической характеристики слово στόμαχος вправе ждать для себя такой же разгадки, какая, очевидно, неизбежна для слова στῆθος; 2) что касается разгадки составных частей прототипа по существу, то я смею думать, что историко-звуковой момент не в силах опровергнуть то направление анализа греческого слова средствами египетской лексики, которое повелительно диктуется сопоставлением с коптским сочетанием $\text{MA } \text{POMK}$, читаемым в глоссе $\text{CATA } \text{POTN } \text{BPOC } \text{XOC}$ $\text{MA } \text{POMK}$ جَلع . В ней лемма равняется греческому существительному καταπότης — „глотка“ < „проглатыватель“, читаемому в свою очередь в глоссе глоссы Гесихия

βρόγχος·ρόφημα·ὁ λάρυγξ·ὁ καταπότης.

βρόγχος: „глотание“, „горло“, „глотка“.

Арабское слово означает „глотка“.

Глоссема **мд** **п̄омк**, очевидно, обеими составными частями семантически соответствует частям сочетания *š·t ʿm(k).

Сравните также наше слово „горло“, как означавшее первоначально „инструмент глотания“ (*грл-λλο > *грл-λλο > горло, ср. др.-инд. girati — „глотает“ и лит. gerklė, gurkl̃ys — „горло“).

Историю начального звукосочетания ст- слова στόμαχος можно восстановить в том же смысле, как и историю тех же начальных звуков слова στῆθος — „грудь“. Зубной согласный окончания женского рода [·t] сохранялся только в условиях непосредственности следования за ним либо одной из фарингальных артикуляций [h] и [ɛ], либо гортанной [h] (ЕЗГЯ, стр. 160 сл.). Следовательно, наша задача будет решена такой этимологией, которая одновременно даст почву как для предположения о том, что зубной [t] греческого слова восходит к придыхательному зубному [th], так и для предположения, что аспирация, содержащаяся в [th], была устранена по комбинаторной причине, т. е. вследствие диссимиляторного действия придыхания в остальном составе слова. Преемственное уравнение στῆθος < *š·t h̄stj подлежит признанию не в том смысле, что аспирация на греческой почве переменяла свое место, а в том смысле, что форме στῆθος, хотя бы кратковременно, предшествовал звуковой состав *σθῆθος и оба придыхательных зубных подошли под греческий закон регрессивной диссимиляции придыханий.

Какое соотношение существует между словом στόμαχος — „горло“ и словом στόμα — „уста, зев“, мне неясно, но я не вижу того соображения, в силу которого приходилось бы считать слово στόμα словообразовательным предшественником слова στόμαχος. Если египтологический анализ слова στόμαχος дает в отношении значения удовлетворительный результат, а в отношении истории звуков не может быть далеким от истины по свидетельству глоссы, воспроизводящей сходный состав, то, с другой стороны, относительно слова στόμα надо признать, что оно не поддается сходному анализу и что мы либо должны отказаться от предположения подобных составных частей, либо решиться рассматривать слово στόμα как обратное образование от στόμαχος. В первом случае мы должны признать относительно сочетания *š·t wpm, что нам неизвестны параллели, подтверждающие, что сохранение [·t] может быть приписано контакту со следующим [w]. Во втором случае способ возникновения слова στόμα нуждается в параллелях, но составляет предмет такого особого вопроса, который никак не задевает правомочности объяснения образования στόμαχος средствами египетской лексики.

Оба мои предположения, так же как и их комбинация, находят свое подтверждение в том, что по-коптски, как уже сказано, лексикографически засвидетельствовано сочетание **мд** **п̄омк** — „место глотания“

в значении „горло“. Это сочетание по существу нашей исследовательской цели не менее ценно для нас, чем тот случай, в котором мы имели бы доподлинное историко-звуковое воспроизведение коптами того египетского словосочетания, которое мы восстановили в виде *š·t ʿm(k). Ведь в сочетании ма Ꞗω̄мк — „горло“, „орган глотания“ < „место глотания“ мы имеем коптскую замену, на подобие ма ꞖꞖ ми — „место (> орган) испражнения“, всех трех элементов, входивших в состав восстановленного мной египетского сочетания *š·t ʿm как пробраза слова στόμαχος:

1) слово š·t — „место“ заменено его коптским эквивалентом ма — „место“;

2) слово ʿm — „глотать“ не заменено предшественником его коптского эквивалента ω̄мк — „глотать“ только потому, что оно уже совпадало с ним;

3) синтаксическое взаимоотношение между словом š·t как определяемым и словом ʿm как определением передано коптским показателем атрибутивности Ꞗ.

Слово στομαχή — „вдох“, очевидно, казалось состоящим с глаголом στεναχίζω, στενάχω и другими явно родственными словами в соотношении аблаута, но это соотношение я считаю продуктом аналогии от других случаев чередования гласных [e] и [o]. Этот случай аналогии имел, я думаю, самый ближайший прототип в образованиях στένω — „стенать“ и στόνος — „стенание“. Но подлинный источник образования στομαχή я усматриваю в египетском словосочетании štj — „бросать, выбрасывать“ и ʿnh. Последнему общепринято приписывать только значение „жить“ и „жизнь“. Но спрашивается, можно ли довольствоваться этим значением, когда речь идет об образовании anh·te:w — „испускать дух“? Ведь хотя ʿte:w ʿn o:nh означает „дыхание жизни“, сочетание anh·te:w — „испускать дух“ основано на значении „выдыхать ветер (= вдох)“. Соответственно: στομαχή — „выбрасывание вдоха“ = „выдыхание“. Вдыхание и выбрасывание вдоха — два смежных проявления того, что разумеем под вздохом. Слову „вздохать“ точно отвечает греческий глагол ἀναστενάζω, сложный с приставкой ἀνα- — „вз- = „вверх“. Поэтическое выражение того, что со вздохом сопряжен выдох, имеем в следующем стихе современной песни:

ἀναστενάζω, βγαίν' ἄχνος, μαυρίζει μου τὰ ρούχα.

Я вздыхаю, выходит дым, чернит мое платье.

II

Слово *νηγάτεος* встречается у Гомера только дважды. Илиада, 2,43 (речь идет об Агамемноне):

ἔγρετο δ' ἐξ ὕπνου, θείῃ δέ μιν ἀμφέχουτ' ὀμφή.
ἔξετο δ' ὀρθωθείς, μαλακὸν δ' ἔνδυε χιτῶνα
καλὸν νηγάτεον, περὶ δὲ μέγα βάλλετο φᾶρος.

Сон отлетел. Но еще разливался божественный голос
В воздухе. Сел Агамемнон и в мягкий хитон облачился,
Новый, прекрасный, и поверху плащ свой широкий набросил.

(Перевод В. В. Вересаева).

Илиада, 14, 185 (речь идет о Гере):

κρηδόμενῳ δ' ἐφόπερθε καλύψατο διὰ θεᾶων
καλῶ νηγάτέῳ* λαμπρὸν δ' ἦν ἥελιος ὤς.

Сверху богиня богинь покрывалом прекрасным оделась,
Только что сотканным, легким; бело оно было, как солнце.

(Перевод В. В. Вересаева).

Обнаружение этимологии уже оказывало нам помощь в определении значения гомеровского слова из числа тех, толкование которых является недостоверным или нечетким или тем и другим. Ср. в работе „Египетские заимствования“ стр. 51: *μέρμις* — *„пояс“ и стр. 38 сл.: *ἰφθίμη* (хвалебный эпитет женщин). К числу слов, нечеткость знания которых приводила к недостоверности их толкования, присоединяется теперь прилагательное *νηγάτεος*.

Об этом красноречиво свидетельствует разнообразие значений, сообщаемых в схолиях.

Схолии (G. Dindorf. Scholia Graeca in Homeri Iliadem, t. 1, стр. 73): *Σχόλια παλαιά: νηγάτεον*] *ἢ ἀγέννητον, ἢ λεπτόν, ἢ τὸ νεωστὶ γεγονός, νεογάτεόν τε ὄν. ἢ ὡσπερ παρὰ τὸ τείνω τατός, οὕτως γείνομαι, γατός, νεήγατος, καὶ ὑπερθέσει τοῦ Ἐ νηγάτεος* — „или нерожденное, или тонкое, или недавно возникшее, являющееся *νεογάτεον* [это воображаемая форма, заменяющая поясняемую в целях самого пояснения и отличающаяся от нее только тем, что слог *νη-* заменен *νεо-*]. Или совсем подобно тому, как от *τείνω* → *τατός*, так *γείνομαι* → *γατός, νεήγατος*, и, с перестановкой *Ἐ* → *νηγάτεος*“.

Там же, t. 2, Venetus A, стр. 309: *νηγάτεον*] *νεωστὶ κατεσκευασμένον* — „недавно устроенное“.

Лексикографы XIX в. дают только догадки, притом не выдерживающие языковедческой критики. Их толкования согласны с уже древним толкованием *νεωστὶ γεγόμενος* — „недавно возникший“: С. Capelle: „eigtl.“

neu od. eben geworden, neu gemacht, neu verfertigt“;¹ Pape: „neu geworden, neu gemacht“.²

Автор этимологического словаря, Буазак,³ предлагает, под вопросом, значение „beau“, забывая, что в обоих местах, где слово встречается, ему предшествует слово *καλός* — „прекрасный“.

Перевод В. В. Вересаева обусловлен зависимостью от словарей; его передача гласит: „новый“ и „только что сотканный“.

С первого же взгляда ясно, что понимание нашего слова зависит от двух моментов: 1) оно является производным от существительного и 2) существительное, от которого оно производно, нам неизвестно. Суффикс нашего слова *-άτεος* известен также из других слов. Из этого следует, что существительное, от которого настоящее прилагательное образовано, когда-то существовало в греческом языке. Его форма нам неизвестна. Ясно только, что в его состав входили звуки *νηη-*. За этими звуками могло следовать окончание, начинавшееся, вероятно, с гласного. Из того, что звуки *νηη-* отражали бы заимствование какого-то существительного, еще не следует, что все они входили в состав данного существительного. Относительно начального [п] мыслимо, что он отражал либо египетский артикль (на этот раз артикль множественного числа), либо египетский показатель атрибутивности предшествующего слова — показатель, который также звучал [п], либо, наконец, еще мыслимо, что [п] воспроизвело сросшийся с существительным предлог. Убедительной представляется в нашем случае вторая из названных возможностей.

То не засвидетельствованное в греческих текстах существительное, которое легло, в конечном итоге, в основу прилагательного *νηηάτεος*, я предлагаю отождествлять с египетским существительным *ḥt kꜣ* — „чеснок“, из которого возникло коптское существительное *ⲛⲏⲗ* (B), *ⲛⲃⲉ* (S) — „чеснок“. Передача египетского [k] греческим [g] известна нам уже из *Αἴγυπτος* < *ḥt kꜣ pth*. Начальный [п] греческого слова я отождествляю с тем [п], который по-египетски отмечал атрибутивность как таковую. Но не совсем уверен я в том, что начальный [п] был присужден существительному только передаточной средой в процессе заимствования. Если в коптской письменности обозначение садовника, культивировавшего чеснок, читается в виде написания *ⲥⲁⲛⲛⲏⲗⲉ*,⁴ хотя наши словари формы **ⲛⲏⲗⲉ* не знают, то это уже означает, что

¹ C. Capelle. Vollständiges Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden. 9-te Aufl., Leipzig, 1889.

² W. Pape, M. Senebusch. Handwörterbuch der griechischen Sprache, Bd. 2. Ausg., Braunschweig, 1888.

³ E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris—Heidelberg, 1907. (Есть перепечатка).

⁴ Ср.: O. Lamm. Kleine koptische Studien, 32 [1904]: Lauchgärtner, Lauchhändler, со ссылкой на Крама: W. E. Crum. Ostraca, Ad. 49.

по крайней мере в коптское время четкой границы между формой *нСе* и *нсе не было. Слово, обозначавшее соответствующую окраску с помощью суффикса *-άτεος*, не содержало во всяком случае такого начального [п], который не воспринимался бы как составная часть самого имени. Иначе функция суффикса *-άτεος* была бы дублирована.

Поскольку справедливость этого сопоставления зависит от данных в пользу или против отождествления звуков *-άτεος* с иноязычным элементом, лексическим или словообразовательным, следует отметить, что зубной согласный этого элемента не может в свою очередь входить в состав какого-либо египетского слова, ибо египетский зубной, глухой или звонкий, давал по-гречески аспированный зубной, если не имелось основания для диссимилиации (ср.: Египетские заимствования, стр. 171—173).

Когда греки, в позднейшее время, создали свое собственное обозначение зеленого цвета, то они это сделали при помощи прилагательного, образованного от существительного со значением „чеснок“. Сравните новогреческое прилагательное *πράσινος* — „зеленый“, образованное от существительного *πράσον* — „чеснок“. Оно засвидетельствовано уже у Аристотеля. Я полагаю, что в принципе то же самое произошло в древнейшем греческом языке: *νηγάτεος* у Гомера обозначало зеленый цвет, имея в прошлом значение „чесночный“.

III

Νήδυμος ὕπνος — „сладкий сон“

Старый вопрос, является ли истинной формой слова форма *νήδυμος* или же форма *ἦδυμος*, разрешается Ф. Буттманном¹ в том смысле, что такой истинной формой слова следует считать форму *ἦδυμος*. Соображения, с которыми оперирует названный ученый, касаются предания и стихосложения применительно к началу слова как — в том или ином смысле — консонантическому. Но в рассуждениях Буттманна полностью обойден вопрос словообразования: он исходит попросту из предположения, что применительно к одному и тому же корню *ἦδυ-* оба образования, т. е. *ἦδυμος* и *ἦδός*, равноценны. П. Шантрэн (P. Chantraine) в своей „Grammaire Homérique“ (Paris, 1942, стр. 14) считает, одинаково с Буттманном, написание *νήδυμος* ошибочным. Его же мнения придерживались и те филологи, которые высказывались по этому вопросу после него.²

Несомненно, что фактической основой такого разрешения вопроса является то положение, что на горизонте эллинистов не существует

¹ F. Buttman n. *Lexilogus, oder Beiträge zur griechischen Worterklärung, hauptsächlich für Homer und Hesiod*, Bd. 2. Berlin, 1825, стр. 179 сл.

² N. Wecklein. *Über Missverständnisse älterer Wendungen und Ausdrücke bei den griechischen Dichtern, insbesondere bei den Tragikern*. Sitzungsberichte d. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-philol. u. hist. Klasse, Jg. 1911, 3. Abh., München, 1911, стр. 44; Fr. Bechtel. *Lexilogus zu Homer. Etymologie u. Stammbildung homerischer Wörter*. Halle, 1914, стр. 150 сл.

другой возможности установления этимологической связи, чем сближение со словом ἡδύς. Связь между ним и словом ἡδυμός казалась настолько очевидной, что даже не возникал вопрос, не предъясвляет ли суффикс -μός какие-то особые требования со стороны семантики.

Теперь, после выяснения заметной степени участия египетской лексики в словаре гомеровских поэм,¹ вопрос должен быть поставлен иначе, а именно: не найдем ли мы для слова ἡδυμός объяснение в египетском источнике.

Ответ на этот вопрос представляется положительным, хотя и непростым. Да, египетский источник, по-видимому, открывает такую возможность. Но при этой возможности направление разгадки звукового развития слова не может быть вполне определенным по той причине, что написанию буквы η в слове ἡδυμός не принадлежит определенная историко-звуковая значимость. Ведь в эпосе, где это слово читается, данному звуку [ε:] может быть присуждено двоякое прошлое: звук, передаваемый написанием η, может воспроизводить исконный долгий [ε:], но может быть и ионийским отражением более древнего гласного [a:]. От такой неопределенности генезиса [ε:] мы освободились бы при условии:

1) либо появления данного слова в тех ионийских островных источниках, которые различают графически, в несомненном соответствии с произношением, исконный греческий гласный [ε:] от гласного [ε:], возникшего из [a:];²

2) либо появления в достаточно древних памятниках³ ахейского, эолийского или дорийских диалектов написания данного слова с одним из двух гласных [ε:] или [a:].

А пока или поскольку мы не имеем основания предпочесть либо ту, либо другую возможность, нам приходится считаться как с той, так и с другой:

1) имея в виду тот вариант, что [ε:] в качестве ионийского восходит к [a:], можно считать, что гласный ε: < a: происходит в данном слове от прилагательного ἡδύς — „сладкий“; тогда другим ингредиентом контаминации явилось бы греческое прилагательное, восходящее к прилагательному, содержащему согласные n-d-m; этим и объяснялся бы состав согласных слова ἡδυμός; таким египетским прилагательным было то, которое по-коптски дало **ноуттм** — „сладкий“ (ср. гомеровское сочетание ἡδυμός ἕπνος = γλυκὺς ἕπνος).

2) имея в виду, что гласный [η] воспроизводил старый [ε:], мы не могли бы лексически подтвердить эту историко-звуковую возможность.

¹ См. прим. 1 на стр. 29.

² A. Thumb. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909, стр. 347.

³ Под достаточно древними памятниками я понимаю такие, к которым неприменима мысль об искусственной архаизации.

Соответственно, мы склонны признать правильным приведенный выше первый вариант.

ὄναρ — „сновидение“

„Этимологическая игра уже принадлежала к технике гомеровских поэтов, и не одно новое слово возникло из нее. Самым блестящим, пожалуй, примером является ὄπαρ — «явь»“.

Одиссея, 19,547:

θάρασει, Ἰκαρίου κόρη τηλεκλειτοῖο.
οὐκ ὄναρ, ἀλλ' ὄπαρ ἐσθλόν, ὃ τοι τετελεσμένον ἔσται.

Старца Икария умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сон мимолетный, событие верное видишь,

(Перевод В. А. Жуковского).

Одиссея, 20,90:

τῆδε γὰρ αὖ μοι νυκτι παρέδραθεν εἵκελος αὐτῶ
τοῖος ἐὼν οἷος ἦεν ἅμα στρατῶ, αὐτὰρ ἐμὸν κῆρ
χαῖρ', ἐπεὶ οὐκ ἐφάμην ὄναρ ἐμμεναι, ἀλλ' ὄπαρ ἤδη.

В эту ночь спал некто, подобный ему, рядом со мной, будучи таким, каким был он, когда отправлялся в поход. А мое сердце радовалось, так как я считала, что это — не сон, а уже явь.

(Перевод автора).

„Это — образование по противоположности к слову ὄναρ, получившееся в эолийской героической поэме на основе того факта, что поэт распознавал в слове ὄναρ эолийский предлог ὄν (ἀνά) (Ed. Hermann. Gött. Nachr., 1918, стр. 285. Все позднейшее употребление слова ὄπαρ восходит, согласно сказанному, к этому одному месту Одиссеи)“.¹

Так уже смотрели на слова ὄπαρ и ὄναρ П. Шантрэн (P. Chantraine, ук. соч., стр. 212): „...ὄναρ, sur quoi on a créé ὄπαρ de ὄπό, ὄναρ ayant été rapproché de la forme éolienne de ἀνά“ [со ссылкой, также на Э. Германа (Ed. Hermann)].

Поскольку противоположность ὄν- и ὄπ(ό) не могла возникнуть на ионийской почве, где первое звучало ἀνα-, приходится считать, что проявляющееся в творчестве слова ὄπαρ восприятие слова ὄναρ основано на такой народной этимологии, которая могла осуществиться только на эолийской диалектической почве, а за пределы эпического творчества проникнуть только благодаря той роли, которую в образовании греков играл Гомер.

При этом следует, разумеется, учитывать, что поэзия была теснее связана с гомеровским творчеством, чем проза. Отсюда:

Пиндар, Пиф., 8,95: σκιᾶς ὄναρ ἀνθρώπος — „человек — сновидение тени“.

¹ Manu. Leumann. Homerische Wörter. Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft, Heft 3, Basel, 1950, стр. 126.

Пиндар, Ол., 13,67: ἐξ ὄνειρου αὐτίχα ἦν ὕπαρ — „за сновидением немедленно следовала явь“.

Платон, Гос., 278e: ...ἵνα ὕπαρ ἀντ' ὄνειρατος γίγνηται — „... чтобы стало явью вместо сновидения“.

Доискиваясь подлинного источника слова ὄναρ, мы должны сказать, что происхождение именного образования на -αρ от предлога или наречия, лежащего в основе предлога, являлось бы беспримерным. На основании совокупности данных, касающихся образований на -αρ, приходится предполагать, что в основе части слова, остающейся за вычетом звуков [-ar], как отождествимых с суффиксом -αρ, лежит глагол или имя, в свою очередь отглагольное. Оправдать это предположение возможно только путем семантически убедительного указания на иноязычный образец слова ὄναρ.

Оговариваю, что я пока оставляю в стороне словообразовательные варианты слова ὄναρ ввиду того, что суффикс -αρ формы ὄναρ, несомненно, более древен, чем то, что послужило образованию форм ὄνειρος и ὄνειρατος. Вероятно, в судьбе этих форм замешано слово *ὄνειαρ, ὄνειατος и притом в качестве прототипа.

Слово ὄναρ — „сновидение“ я предлагаю объяснять как египетское заимствование. Соответственным египетским словом считаю тот глагол, демотическое написание которого отражено в коптском словаре Шпигельберга в транскрипции jn в качестве прецедента коптского глагола ene (саидский и ахиммский диалекты) и ini (бохайрский и файюмский диалекты). Мы знаем ряд примеров того, что в основу заимствований отглагольного свойства кладется инфинитив египетских глаголов. На этот раз использовать в таком смысле инфинитив не удастся, так как его звуковой состав существенно отличен. В отношении звукового состава для целей объяснения нашего греческого слова годится древний предшественник коптского квалитатива, который представлен по крайней мере в одном коптском диалекте, а именно в бохайрском, и звучит 'oni (oni). Эта форма является цельным сказуемым, означая „подобен, подобна, подобно, подобны“ при любом подлежащем, именном, лично-местоименном или определительно-местоименном [et-].

Мы полагаем, что докоптская форма 'one или 'oni в использовании ее греческим языком дала существительное со значением „образ, воспроизводящий данный предмет на основе подлинного сходства с ним“, точнее говоря, существительное, обозначающее „сонное видение“ или „сон“, на основе сходства сонных видений с имеемыми в виду предметами действительности или яви.

Это возведение греческого существительного к форме квалитатива (или к его псевдопартиципальной предшественнице) требует оговорки. В качестве отражения в заимствующем, греческом, языке глагола мы ожидаем греческого глагола же. Но греческого глагола, который был бы образован от корневого элемента, представленного в существительном ὄναρ,

мы из греческого языка не знаем. Составляет ли это нарушение соответствия частей речи нечто в свою очередь закономерное или же здесь предполагается греческий глагол, утраченный после недолгого существования, определенного ответа на это дать не берусь; напомним только, что в книге „Египетские заимствования“ (стр. 132 сл.) мы уже столкнулись с таким вопросом и предположили, что в заимствовавшем языке недостающее звено могло быть и не представлено: греческие имена $\mu\epsilon\sigma\tau\acute{o}\varsigma$ — „полный“ и $\mu\acute{\epsilon}\sigma\mu\alpha$ — „наполнение“ мы возвели к египетскому сопряженному инфинитиву $m\epsilon\eta$ глагола $m\eta\eta$ — „наполнять“. Этот случай представляется сходным с нашим. Как тут, так и там египетскому глаголу противостоят греческие отглагольные имена. Я позволяю себе это констатировать, не делая принципиального вывода, хотя и склонен верить в гибридность, утверждавшуюся уже в указанной выше книге.

Сочетаемость воспроизведения в сновидениях предметов яви с тем фактом, что звуки [on-] египетского заимствования $\delta\nu$ -ар напоминали греческий предлог $\delta\nu = \acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$, вызвало к существованию своеобразное новое слово в силу ассоциации по противоположности. В отношении этого нового слова была предreshена семантическая контрастность его к $\delta\nu$ -ар в двойном смысле: ему надлежало быть построенным на предлоге $\acute{\upsilon}\pi\acute{o}$ как контрастном с $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha} = \delta\nu$, а в целом оно, в согласии с контрастностью данной знаменательной доли составов, должно было выражать понятие, контрастное по отношению к $\delta\nu$ -ар — „сон“, т. е. $\acute{\upsilon}\pi$ -ар — „явь“. Это словотворчество осуществлялось, таким образом, в рамках формально-грамматического параллелизма (суффикс -ар), с одной стороны, и знаменательно-семантической контрастности ($\delta\nu$ - ~ $\acute{\upsilon}\pi$ -), с другой стороны. Правда, эта знаменательная семантика, названная здесь таковой по ее соотношению с семантикой суффикса, отличается реальностью только в плане вторично-осмыслительном, при полном игнорировании мыслившейся греками соотносительной локализации „сновидений“ и „яви“. Из заключительной части Одиссеи (24,12) мы знаем, что $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\nu\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$ — „народ снов“ приурочивался к соседству подземного царства. Возникновение слова $\acute{\upsilon}\pi$ ар как семантически контрастного по отношению к $\delta\nu$ ар свидетельствует о том, что вторично-осмыслительная языковая его обработка, отвечающая ассоциации слова с эолийским предлогом $\delta\nu$ -, $\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha}$, возникла независимо от того, что мифологическое приурочение понятия $\delta\nu$ -ар — „сон“ сближало это понятие с $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma$ $\delta\nu\epsilon\acute{\iota}\rho\omega\nu$, как соседствовавшим с подземным миром.

В этой судьбе слова сказывается то свойство так называемой „народной этимологии“, которое выражается в полной ее неувязанности с фактами подлинной семантики слова, т. е. фактами, которые обуславливались представлениями о природе вещей, обозначаемых данными словами.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АССИРИИ

В так называемых ассирийских законах,¹ дважды в юридических документах,² а также в некоторых других среднеассирийских памятниках как из самого Ашшура,³ так и из других мест⁴ встречается термин *aššurāju* (соотв. *aššurāitu* в ж. р.).⁵

Перевод этого слова, встречающегося в несколько измененном виде *aššurū* в позднеассирийских памятниках,⁶ никогда не вызывал сомнений. Его переводили как „ассирец“.

Однако социальную и этническую значимость этого термина нельзя считать вполне установленной.

Так, П. Кошакер,⁷ исходя из своей общей концепции, что в основе фрагментов ассирийских законов лежит городское (или муниципальное) право (немецкое *Stadtrecht*) города Ашшура, восходящее еще к тому

¹ „Среднеассирийские законы“ (в дальнейшем: САЗ) были обнаружены при раскопках древнего города Ашшур (ныне Кал'ат-Шеркат) в 1903—1914 гг. В автографии они изданы Шрёдером [O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts. Leipzig, 1920. (В дальнейшем: KAV)] под №№ 1—6, 143, 144, 193, где ошибочно названы древнеассирийскими. Эти законы привлекли к себе внимание многих исследователей. В 30-х годах они вновь были изданы в транскрипции и переводе с обширным юридическим и филологическим комментарием [см.: G. Driver and J. Miles. The Assyrian Laws. Oxford, 1935. (В дальнейшем: AL)]. На русский язык законы были недавно переведены И. М. Дьяконовым [см.: Вестник древней истории (ВДИ), 1952, № 4, стр. 206 сл.].

² См.: E. Ebeling. Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Leipzig, 1927, №№ 2, 167. (В дальнейшем: KAJ).

³ Например, KAV, № 217.

⁴ См., например, Chiera and Spiser. Selected Kirkuk documents, № 20. Journ. of American Orient. Society, 1927, № 47, стр. 56 сл. (В дальнейшем: JAOS).

⁵ Термин *aššurāju* (соотв. *aššurāitu*) обычно переводят как „ассирец“ (соотв. „ассириянка“); встречается в САЗ: табл. А, §§ 24 и 44, табл. В § 3 и, возможно, в строке 8 табл. Ж.

⁶ См., например, анналы о восьмом походе Саргона: F. Thureau-Dangin. Une relation de la huitième Campagne de Sargon, Paris, 1912. строка 429. (В дальнейшем: Сарг., с указанием номера строк).

⁷ P. Koschaker. Quellenkritische Untersuchungen zu den altassyrischen Gesetzen. Leipzig, 1925, стр. 75—78.

периоду истории, когда ассирийского государства не существовало, а был только город Ашшур, считает, что термин *aššurāju* означает гражданина города Ашшура. Правда, он допускает, что этот термин мог означать и гражданина ассирийского государства, т. е. принадлежавшего стране,¹ а не только городу.

Так или иначе, он видит в термине *aššurāju* обозначение полноправного гражданина, хотя и вынужен все же признать, что термин *mâr amêli* („сын человека“) противопоставляется ему один раз,² как представитель наиболее привилегированного сословия. Короче говоря, он видит в термине *aššurāju* гражданина города Ашшура или представителя основной массы граждан ассирийского государства, в отличие от малочисленной группы привилегированных *mâr amêli* („сын человека“).

Драйвер и Майлз³ на основе привлечения довольно большого материала приходят к выводу, что *aššurāju* в среднеассирийском периоде означает вообще рядового человека ассирийского (?) происхождения, в противоположность *mâr amêli*, являющегося лицом более „высокого класса“ или „патрицием“ по рождению, т. е. они видят в нем сословную категорию, хотя допускают возможность и социального различия. Они не объясняют, однако, на чем это различие могло базироваться и в чем это различие конкретно выражалось.

В работах советских исследователей этот вопрос до последнего времени специально не обсуждался, хотя и не остался вовсе обойденным. Так, академик В. В. Струве полагает, что ассирийцы угнетали в первую очередь и особенно жестоко чужеземцев.⁴ Н. М. Никольский в одной своей работе⁵ вскользь отмечает, что в Ассирии существовал обычай или закон, запрещавший обращать в рабство своих соплеменников,⁶ считая, очевидно, что за интересующим нас термином скрывается представитель чуждой ассирийским семитам этнической группы. Иначе невозможно себе представить на чем другом он может основывать свое утверждение.

Наоборот, И. М. Дьяконов в своей кандидатской диссертации⁷ высказывает диаметрально противоположный взгляд. Он утверждает, что ассирийцы не делали никакого различия между своими согражданами и представителями покоренных Ассирией стран.

„Понятия «ассириец», «вавилонянин», «египтянин» и т. п. на Древнем Востоке, — пишет он, — всегда (разрядка наша, — Л. Л.) означают

¹ Немецкое: Nach dem Inhalte von № 6 könnte *aššurāju* auch den Assyrer als Landesgehörigen bedeuten.

² САЗ, табл. В, § 3.

³ AL. стр. 285 сл.

⁴ В. В. Струве. История древнего Востока. М., 1941, гл. XX, разд. „Общество“, стр. 240—241.

⁵ Н. М. Никольский. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск, 1948.

⁶ Там же, стр. 100 и прим. 253.

⁷ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

государственную или общинную принадлежность, а не языковую, антропологическую или этнографическую. Существовавшие языковые и этнические особенности не были, как правило, социальным фактором, коль скоро распадалось племенное объединение, и государственная или общинная принадлежность ощущалась гораздо более, нежели языковая... в Ассирии на всех этапах ее истории мы видим сосуществование различных языковых и этнических групп, но всякие попытки связать эти этнические группы с определенными социальными слоями являются тщетными".¹

Поэтому дальнейшая разработка данной проблемы на основе ассирийского материала представляется весьма актуальной.

Еще Т. Нёльдеке опубликовал статью,² где он пытался установить правильное написание и чтение слова „Ашшур“. С тех пор редкая работа по истории Ассирии не отмечала факта различного написания этого слова в более древние времена и позже.

Действительно, в древнейших документах из Ашшура³ мы обнаруживаем различное написание имени, которым впоследствии обозначались в равной мере город Ашшур, страна Ашшур, народ Ашшур и бог Ашшур, что заставляет предположить заимствование его из чуждого ассирийским семитам языка. Так, встречаются начертания A-šir, A-šur, A-usar и, наконец, Aššur через два šš.

Нам кажется, что решение вопроса о социальной и этнической значимости термина aššurâju (соотв. aššurâitu) не в малой степени зависит и от выяснения этимологии слова Aššur.

Кречмер⁴ пытался установить прямую связь между ассирийским словом aššur и индо-иранским asura-ahura, считая, таким образом, что ассиро-вавилонское aššur имеет индо-иранское происхождение.

В 1929 г. Фридрих (J. Friedrich)⁵ опубликовал статью („Arier“) в „Reallexikon der Assyriologie“, в которой он дал сводку 17 имен древнеиранского или древнеиндийского происхождения, встречающихся в различных древних документах. С тех пор многое было сделано в смысле дешифровки собственных имен, дошедших до нас из митанийских, нузийских и сирийских письменных памятников. Исчерпывающая сводка встречающихся там индо-иранских имен была дана Олбрайтом.⁶

¹ Там же, стр. 8.

² См.: I. Nöldcke. Über den Namen Assyriens. Zeitschrift für Assyriologie, 1886, № 1.

³ См.: L. Messerschmidt und O. Schroeder. Keilschrifttexte aus Assur historischen Inhalts, Bd. I. Leipzig, 1911; Bd. II, 1921.

⁴ Kretschmer, Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes, Bd. XXX, 1917—1918, стр. 15 сл.

⁵ Цит. по: JAOS, № 67, 1947, стр. 251. Указанная статья, к сожалению, была мне недоступна.

⁶ W. F. Albright and T. O'Callaghan, Analecta Orientalia. Цит. по: JAOS, № 67, 1947, стр. 251.

Эта сводка содержит в себе список 81 имени (13 из Митании, 23 из Нузи и 45 из Сирии).

В том же 1947 г. Дюмоном¹ были опубликованы извлечения из этого списка, содержащие 45 имен, этимология которых, по его мнению, бесспорна и обнаруживает свое „индо-арийское“ происхождение.

Его выводы, касающиеся нашей проблемы, могут быть кратко резюмированы следующим образом: имена этого списка по языку скорее восходят к древнеиндийскому, чем к древнеиранскому, однако не исключена возможность их принадлежности, во всяком случае некоторых, и к древнеиранскому.

Если учесть, таким образом, что слово Aššur этимологически невозможно объяснить как семитское, то мы окажемся вынужденными согласиться с исследователями, связывающими семитское aššur с индоиранским Asura-Ahura.

Действительно, среди древнейших богов Шумера и Аккада не удается обнаружить имя бога Ашшура.² Этого бога мы впервые обнаруживаем в городе Ашшуре в виде местного божества тогда еще небольшого поселения. Более того, по-видимому, шумеро-вавилонское божество Энлиль пользовалось в древнейшие времена значительно большей популярностью и большим почетом среди семитского населения и в самом городе Ашшуре, чем местное божество — бог Ашшур. Только позже местный божок Ашшур, все более выдвигаясь на передний план, превращается в главного бога не только в городе Ашшур, но и во всей Ассирии.

Древнейшие правители города Ашшура, как известно, также носили явно несемитские имена: Ушпия (или, может быть, Аушпия) и Кикия. Имя Кикия зарегистрировано и в документах, дошедших до нас из Аррапхи-Керкука,³ что в 100 км к востоку от Ашшура, где население было преимущественно субарийско-хурритским, каковыми эти имена, по-видимому, и являются.

Если мы внимательно присмотримся к начертанию названий бога, города, страны и народа Ашшур, то можно сделать любопытное наблюдение: имя бога лежит в основе всех других наименований. Город Ашшур обозначается как „город бога Ашшура“,⁴ страна Ашшур — как „страна бога Ашшура“,⁵ народ Ашшур — как „люди страны бога Ашшура“.⁶

¹ Dum o n. Indo-Arian names from Mitanni, Nuzi and Syrian documents, JAOS, № 67, 1947, стр. 251—253.

² См.: В. Me i s s n e r. Babylonien und Assyrien, Bd. II. Heidelberg, 1925, стр. 3.

³ См., например: С. G a d d. Tablets from Kirkuk. Revue d'assyriologie et d'archeologie orientale, XXIII, 1926, № 53; строка 21 гласит: ^mki-ik-ki-ja mâr zi-li-pa-am-pa. Несемитский характер этих имен очевиден.

⁴ Ассирийское âl ^{il} Aššur.

⁵ Ассирийское mât ^{il} Aššur.

⁶ Ассирийское nišê ^{meš} mât^{il} Aššur.

Отсюда, на наш взгляд, следует вывод: имя бога перешло на название города, а затем и на название страны и народа. Иначе говоря, почитание этого бога восходит к тому времени, когда города Ашшура еще не существовало как места оседлого поселения, а поселившиеся здесь племена (или племя) и создавшие этот город назвали его именем своего племенного божества, почитавшегося ими и прежде, до основания города Ашшура. Возможно, что Ашшур первоначально был божеством кочевого племени (или племен) скотоводов.

Кроме того, поскольку слово Ашшур обнаруживает свое несемитское происхождение, постольку напрашивается вывод, что создателями этого города были не семиты, а этническая группа, говорившая на каком-то несемитском языке.

Академик В. В. Струве в личной беседе любезно обратил мое внимание и на следующий факт: ни у одного из семитских племен (или народностей) мы не найдем случая, чтобы имя бога было тождественно с названием города или страны. Наблюдение безусловно очень тонкое и верное.

Вопрос о значении нашего термина имеет, конечно, известную связь и с вопросом о колонизации Ашшура семитами. Но последний, к сожалению, также принадлежит еще к числу нерешенных. Различные ученые подходят к его решению по-разному.

Так, Роджерс¹ полагает, что Ассирия возникла первоначально, как колония Вавилонии. Вейднер² придерживается мнения, согласно которому Ашшур возник как колония Аккада. Юлиус Леви³ полагает, что ассирийцы и аккадцы — различные племена. Эдуард Мейер⁴ и Унгнад⁵ принимают ассирийцев за семитизированных субарийцев. Олмстэд⁶ полагает, что ассирийцы пришли из Аравии и т. д.

Как видно из сказанного, проблема происхождения ассирийцев-семитов до сих пор не решена.

Следует отметить, еще один общеизвестный, но любопытный факт: ассирийский календарь⁷ и ассирийская система датировок резко отличаются от таковых в Вавилонии, что должно говорить против гипотезы о возникновении Ассирии как вавилонской колонии.

¹ R. M. Rogers. History of Babylonia and Assyria, v. II, 6th ed.; 1926, стр. 133.

² E. Weidner. Zur Sargons von Akkad nach Kleinasien. Leipzig, 1922.

³ I. Lewy. Studien zu den altbabylonischen Texten aus Kappadokien. Konstantinopel, 1926.

⁴ E. Meyer. Geschichte des Altertums, Bd. 1, 2, § 295. Stuttgart, 1925.

⁵ A. Ungnad. Die ältesten Völkerwanderungen Vorderasiens. Breslau, 1923.

⁶ A. Olmstead. History of Assyria. New York, 1923.

⁷ Об ассирийском и вавилонском календарях см., например: В. Landsberger. Die Kultische Kalender der Babylonie und Assyrier. Leipzig, 1914; Landsberger und Ehelolf. Der altassyrische Kalender. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. LXXIV, 1920, стр. 216 сл.; В. В. Струве, ук. соч., гл. XX (об Ассирии).

При современных данных науки, думается, невозможно еще окончательно решить вопрос о родине ассирийских семитов, и не это является предметом настоящих изысканий. Но можно, очевидно, установить не семитскую этническую принадлежность основателей города Ашшур.

Выше мы указывали, что слово *aššur* не семитского, а индо-иранского происхождения, что первые правители города Ашшура носили не семитские, а субарийско-хурритские имена. Поэтому утверждение, что город Ашшур обязан своим происхождением субарийско-хурритским племенам, близко соприкасавшимся с индо-иранскими, не кажется нам слишком смелым и рискованным.

То, что субареи-хурриты говорили на языке, отличном от индоевропейских, а слово *aššur* обнаруживает свое индо-иранское происхождение не должно нас смущать, так как племена хурритов были весьма многочисленны и распространены на огромной территории: языковые заимствования могли, таким образом, иметь место еще в глубокой древности.

И термин *aššurâju* („ассириец“), во всяком случае первоначально, обозначал представителя субарийско-хурритской этнической группы, а не семитской. Это подтверждается, между прочим, и собственным именем одного „ассирийца“ (к сожалению, только одного), т. е. человека, обозначенного как *aššurû* (что соответствует более раннему *aššur-gâju*.) Он приводится Саргоном II (ассирийским)¹ в его анналах о восьмом походе в Урарту.² В самом конце этой надписи, где дается имя писца-составителя анналов, носящего уже семитское имя Набу-шаллишуну, приводится и имя его отца. А это имя Хар/Хурмакки (первый знак можно читать и как „Хар“ и как „Хур“) — явно субарийско-хурритское, причем последний назван „ассирийцем“ (*aššurû*).

Текст этот гласит: *bu-uk-ru^m Na/ur-ma-ak-ki^{amél} tupsar šarri aššurû^k* („первородный сын Хар/Хурмакки, царского писца, ассирийца“).

Нельзя себе представить, что речь идет о принадлежности к стране, ибо в таком случае будет совершенно непонятно, почему именно в отношении этого Хар/Хурмакки потребовалось указать на такую принадлежность, а не в отношении других лиц, безусловно также являвшихся гражданами ассирийского государства. Интерпретировать же здесь термин *aššurû* в смысле человека, родившегося в городе Ашшуре, невозможно, так как отсутствует детерминатив города. Кроме того, среди юридических документов, дошедших до нас из Ашшура и опубликованных Эбелингом, имеется один (KAJ, № 2), являющийся договором об удочерении некой Этиртум или Этиуртум известным ростовщиком Кидин-Ададом. Последний обязуется не обращаться дурно со своей приемной дочерью, не бесчестить ее, а относиться к ней, как к своей

¹ 722—705 гг. до н. э.

² См.: F. Thureau-Dangin. Une relation de la huitième Campagne de Sargon. Paris, 1912, строка 429.

дочери, как к ассирийке (в тексте сказано „к ассирийцу“ — в м. р.); ki-i mārti-šu-ma aš-šu-ra-ja-e u-ra-us-si — „Как со своей дочерью, ассирийкой он поступит с ней“).

Нельзя предположить, чтобы в городе Ашшуре относились к своим дочерям иначе, чем в других городах Ассирии. Поэтому такая интерпретация нашего термина совершенно отпадает, и приложение aššurû к Хар/Хурмакки мы должны понимать как показатель принадлежности к какой-то определенной этнической группе.

Между прочим, имя Этиуртум или Этирутум также не является семитским. Это впечатление еще более усиливается оттого, что в одном и том же документе оно начертано по-разному. В строке 2-й оно написано как Этиуртум, а в строке 7-й — как Этирутум. Очевидно, это имя было чуждым писцу, и он не знал, как его следует написать правильно.¹

Сомневаться в субарийско-хурритском происхождении имени Хар/Хурмакки совершенно не приходится. В этих анналах приводятся имена маннайцев, с которыми Саргону пришлось столкнуться по пути в Урарту, они обнаруживают полное сходство с именем Хар/Хурмакки. Но в войске маннайцев было очень мало хурритов.²

Таковы, например, Пайаукку,³ Китакки,⁴ Каракку,⁵ Машдакку,⁶ Машдайаукку,⁷ Аккуссу,⁸ Зардукку⁹ и т. д. Многочисленные имена этого же типа встречаются и в документах из Керкука и Нузи. Таковы, например, Такку,¹⁰ Кудукка,¹¹ Хулюкка,¹² Аккулиенни¹³ и многие другие, начинающиеся или кончающиеся на: акки/акку/акка/укку/укка/укки.

Таким образом, вывод, что ассирийские семиты обозначались как nišê^{mes} mât¹ Aššur — „люди страны бога Ашшура“, в то время как субарийско-хурритский этнический элемент, предшествовавший семитам на почве Ассирии, назывался aššurâju — „ассирийцами“, кажется нам весьма обоснованным.

Что же касается социального различия между nišê^{mes} mât¹ Aššur — „людьми страны бога Ашшура“ и aššurâju — „ассирийцами“, то ввиду малочисленности и фрагментарности ассирийского материала мы позво-

¹ Ср. чуждое ассирийцам наименование „Урарту“, которое первоначально писалось как „Уруатру“.

² См. Г. А. Меликишвили. Наири—Урарту. Тбилиси, 1954.

³ Сарг., 43, 45.

⁴ Там же, 44.

⁵ Там же, 49.

⁶ Там же, 48, 49.

⁷ Там же, 45.

⁸ Там же, 48.

⁹ Там же, 49.

¹⁰ JAOS, 1927, № 47, стр. 42, № 5, строки 5, 6, 10, 12, 15 и мн. др.

¹¹ Там же, № 20.

¹² Там же.

¹³ Там же, № 2.

лим себе обратиться к общеизвестным фактам сопредельных с Ассирией стран, а затем уже перейдем к рассмотрению непосредственно ассирийских документов.

Кодекс законов вавилонского царя Хаммурапи,¹ насчитывающий 282 параграфа, употребляет несколько различных терминов. Таковыми являются: *awilum*, что буквально значит „человек“, *mâr awilim* — „сын человека“, *muškênum*, обычно переводится как „покоренный“ или „подданный“,² и *wardum* — „раб“. Исследователи до сих пор в основном сходились в том, что *muškênum* — свободный, а не раб, могущий быть в имущественном отношении очень сильным. Но социально он все же не был равноправным гражданином вавилонского общества. Его жизнь, имущество и честь защищались не с такой силой, как жизнь, имущество и честь „человека“ и, тем более, „сына человека“.

Действительно, все, что нам известно из кодекса Хаммурапи и из законов Билаламы, подтверждает правильность такого понимания.

Однако мы хотели бы здесь указать на одно обстоятельство, а именно: число параграфов, посвященных *muškênum* чрезвычайно незначительно по сравнению с основной массой параграфов, посвященных *awilum*.

Если предположить, что параграфы, посвященные *awilum*, не включают *muškênum*, то окажется, что в отношении *muškênum* оставлен открытым целый ряд вопросов юридической практики.

Начнем с первого параграфа, предусматривающего смертную казнь за клевету *awilum* против *awilum* же. Но мы вправе поставить вопрос: а каково будет решение, если клеветник или жертва клеветы, или оба — не *awilum*, а *muškênum*? Этот же вопрос мы с полным правом можем поставить и в отношении большой массы параграфов, дающих решения для *awilum*, но не дающих таковых для *muškênum*.³

Это в равной мере относится и к уголовному и к гражданскому праву.

Нельзя забыть еще и того, что кодекс несомненно защищает эту группу вавилонского общества в противоположность рабам, рассматриваемым как безраздельно принадлежащих их господам.

Так, например, § 8 устанавливает за кражу скота, принадлежащего храму (т. е. общине) или дворцу (т. е. государству), возвращение похищенного в 30-кратном размере, но и *muškênum* он обязан вернуть в 10-кратном размере, причем в том и другом случае преступник под-

¹ 1792—1750 до н. в.

² См., например: В. В. Струве, *ук. соч.*, стр. 95 сл.; см. также: Л. А. Липин, *Древнейшие законы Месопотамии. Палестинский сборник*, 1954, № 1, стр. 25 сл.

³ Сюда могут быть причислены, например, §§ 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12 и большая часть других параграфов.

вергается смертной казни, если он не в состоянии внести требуемый законом штраф.

Характерным является, что преступник назван *awilum*, а пострадавший *muškênum*, что само по себе указывает на далеко не бесправное положение последних.

Отсюда ясно, что целый ряд параграфов, глухо толкующих о той или иной ситуации и употребляющих термин *awilum*, нужно понимать как относящихся в равной мере ко всем без исключения слоям свободных граждан вавилонского общества. Другими словами, термин *awilum* является общим термином, обозначающим человека любого состояния (кроме раба, конечно).

Таким образом, судебник Хаммурапи составлен для всех граждан Вавилонии. И только в тех случаях, когда законодатель хотел различить одни группы населения от других, он противопоставил *muškênum* — „покоренных“, не являвшихся, с его точки зрения, полноправными гражданами, остальной массе свободных вавилонцев. Сюда можно отнести, например, §§ 196—199, которые гласят, что если кто-нибудь¹ выколол глаз человеку, то ему за это следует выколоть глаз, если он сломал кость, то ему следует сделать то же, но если пострадавший — *muškênum*, то виновный отделяется штрафом в одну мину серебра,² а если пострадал раб, то виновный платит половину цены раба.³ По такому же принципу наказываются и другие виды членовредительства — „зуб за зуб“ для вавилонца, 20 сиклей — для *muškênum*.

Значительный интерес представляют собой те параграфы⁴ вавилонского судебного кодекса, которые толкуют о пощечине. Они не велики, и мы позволим себе привести их полностью.

„ § 202. Если человек даст пощечину человеку, который больше, чем он сам, (то) 60 раз его следует ударить плетью из воловьих хвостов в собрании.⁵

„ § 203. Если сын человека даст пощечину сыну человека, равного ему, (то) он должен отвесить одну мину серебра.

„ § 204. Если мушкенум даст пощечину мушкенуму, (то) он должен отвесить 10 сиклей серебра.

„ § 205. Если раб человека даст пощечину сыну человека, (то) ему следует отрезать ухо“.

Здесь все очень рельефно выражено, и для сомнений не может быть места. § 202 устанавливает, что за оскорбление в виде пощечины,

¹ Так обычно переводится термин *awilum*; его буквальный перевод — „человек“ (см. выше, стр. 48).

² Сумма, равная приблизительно стоимости трех рабов.

³ Нормальная или обычная цена раба в эпоху I вавилонской династии равнялась 1/3 мины, или 20 сиклям серебра.

⁴ §§ 202—205.

⁵ Т. е. публично.

4 Палестинский сб., вып. 3

нанесенной свободным свободному, но находящемуся на более высокой ступени социальной лестницы, виновный подвергается публичной порке. Если виновный и пострадавший находятся на одной и той же ступени этой лестницы (§ 203), то виновный подвергается штрафу в размере одной мины серебра. Толковать здесь термин иначе, чем в социальном смысле, невозможно, ибо штраф, налагаемый на самого виновного (а не на его отца), не позволяет толковать *mār awīlim* как „сын человека“ в смысле „ребенок“. Такое толкование исключается, во-первых, потому, что виновный сам подвергается штрафу и очень большому и, во-вторых, потому, что этому параграфу противостоит следующий § 204, в котором обе стороны также равны, но являются представителями не господствующей народности вавилонцев, а мушкенумами.¹ И здесь штраф меньший — всего 10 сиклей.

Кажется, правдоподобным будет утверждение, что § 202 имеет в виду также случай, когда мушкенум дал пощечину *mār awīlim* — „сыну человека“, и поэтому виновный подвергается не штрафу, а публичной порке. Такое мнение подтверждается и в § 205, где виновный — раб, а пострадавший *mār awīlim*, и виновный также подвергается не штрафу, как в §§ 203, 204, а наказанию, но еще более жестокому, чем мушкенум, — он лишается своих ушей.

И поскольку законодатель не приводит случая, когда *mār awīlim* дал пощечину мушкенуму или тому, „кто меньше его самого“ (если употребить сходное с § 202 выражение), то отсюда следует вывод, что в таком случае законодатель не видит ничего ненормального и, считая это в порядке вещей, не налагает на виновного никакого штрафа. Ведь если мушкенум дал пощечину мушкенуму же, он платит всего 10 сиклей. И естественно, что вавилонянин, ударивший мушкенума, вовсе не рассматривается, как совершивший что-то незаконное.

По-видимому, нет необходимости приводить другие иллюстрации из кодекса. Приведенных, кажется, достаточно, чтобы еще раз подтвердить наш общий вывод, что Хаммурапи различает в своих законах вавилонцев от покоренных мушкенумов. Притом последние, не являясь совершенно бесправными и находясь под защитой закона, в некоторых случаях (но далеко не во всех) пользовались все же меньшей полнотой прав, чем вавилонцы — представители господствующего этнического элемента. То же вытекает в общем и из законов Билаламы.

Такое же положение, как известно, было и в древней Палестине. Там тоже завоеватели пользовались большей полнотой прав, чем покоренное, но не поработенное население *tôsâb* — „старожил“ и *gêr* — „новопоселенец“, хотя последнее и оставалось свободным. Представители этой категории могли быть в экономическом отношении очень

¹ Характерно, что в § 204 говорится не о сыновьях мушкенума, а о мушкенуме, что, конечно, еще раз подтверждает социальный смысл термина.

сильны. Они могли быть землевладельцами и рабовладельцами. Закон защищает их жизнь, их имущество и их интересы от покушения на них даже со стороны господствующего этноса. Но в ряде случаев они защищаются в меньшей степени, чем представители победителей. Если, например, последних нельзя было продать в вечное рабство, закон освобождал их из долговой кабалы в юбилейном году, то представителей покоренного населения закон разрешает держать в вечном рабстве и продавать в чужую страну. Для них не существует юбилейного года.

Иначе говоря, здесь, как и в Вавилонии, проводилось резкое социальное различие в зависимости от принадлежности к тому или другому этническому элементу. И так же, как в судебнике Хаммурапи, как мы это видели выше, те и другие иногда уравниваются в правах.

Мы вовсе не намерены доказывать, что эти установления строжайшим образом соблюдались. Наоборот, одно наличие этих установлений говорит об обратном. Мы знаем, что местная беднота поработалась несколько не хуже, чем чужеземцы. Однако нам важно уяснить, что, по крайней мере формально, такие установления существовали. Известно, что такое же, примерно, положение было в Афинах и в Риме.

Вернемся теперь к Ассирии интересующего нас среднего периода. Дошедшие до нас среднеассирийские законы состоят из девяти таблиц различной сохранности. Некоторые из них, например таблица А, сохранилась хорошо. Здесь насчитывается 68 или 69 параграфов. Значительно хуже сохранилась таблица Б, но и она насчитывает 20 параграфов. Остальные сильно фрагментированы и все вместе насчитывают около 30 параграфов весьма плохой сохранности.

Ассирийский судебник, так же как кодекс Хаммурапи, употребляет 4 термина: *amêlu* — „человек“, *mâr amêli* — „сын человека“, *aššurâju*, обычно переводится как „ассириец“, и *ardu* — „раб“.

Наиболее употребительным является термин *amêlu* — „человек“. Он, как можно не без оснований предполагать и как мы это видели на примерах Вавилонии и Палестины, включал в себя всех свободных граждан ассирийского государства и, таким образом, был наиболее общим термином. Когда законодатель давал установления для всех граждан ассирийского государства, он пользовался именно этим термином. Если же его установления касались не всех граждан, а только определенной группы, он, в зависимости от необходимости, прибегал к более конкретным терминам: *mâr amêli* — „сын человека“ и *aššurâju* — „ассириец“. В одном случае имеется явное противопоставление между *mâr amêli* — „сыном человека“ и *aššurâju* — „ассирийцем“.

Мы имеем в виду § 3 таблицы В, толкующий о рабстве-должничестве. Он гласит: [„Если человек либо сына человека (*mâr amêli*), либо дочь человека (*mârat amêli*), [проживающих в его доме], как залог, продал за деньги в другую страну [и] [его обвинили] [и] его [ул]ичили, [то] он теряет свои деньги; [эквивалент, равный его цене], он должен

отдать владель[цу] имущества [буквально — чего-то]; [х раз] его должны ударить [палками]; 40 дней он должен выполнять работы [на] царя. [Если человек, которого он про]дал в чужую страну, умер, [то он должен во]зместить [душу].

„Ассирийца (aššurâju) и ассириянку (aššurâitu), [которые] были взяты [за пол]ную [цену], он [т. е. кредитор] может [про]дать в другую страну“.

Нетрудно убедиться, что mâr amêli — „сын человека“ противопоставлен здесь aššurâju — „ассирийцу“. За продажу первого в рабство в другую страну виновный кредитор наказывается весьма строго: он теряет свои деньги, обязуется возместить должнику сумму, равную стоимости его залога, х раз¹ его бьют палками, и в течение 40 дней он выполняет принудительные работы. Продажа второго прямо разрешается.

Конечно, можно возразить, что в отношении второго в тексте сказано, что „он взят за полную цену“, т. е. что срок платежа истек, чего нет в отношении первого. Но в том-то и дело, что первого нельзя было „брать за полную цену“, т. е. нельзя было по закону обратить в вечного раба. После истечения срока займа залог вовсе не обязательно переходил в полное распоряжение кредитора. Это следует из КАJ, № 65. Согласно указанному документу некий Шамаш ус[у]рани занял у какого-то Киш-амурру 17 имеров зерна на срок в 13 месяцев, по истечении которых долг становился процентным. В качестве обеспечения (našlantî) за зерно кредитор держит у себя в залоге быка, принадлежащего должнику. Далее следует приписка: „Когда должник вернет зерно с процентами, он заберет своего быка“ (i-na ûte^{me} še'am û šipâtî^{mes}-šu i-ma-da-du-ni alar-šu i-laq-qi). Многие, якобы „беспроцентные“ сделки („якобы“ потому, что проценты за определенный срок капитализировались во время заключения займа), превращающиеся в процентные после истечения известного срока, предполагают право выкупа должником своего залога, несмотря на просрочку платежа. Иначе становится бессмысленной приписка: edanu êtiq annaku ana šipti illak — „Когда истечет срок платежа, свинец пойдет в рост“. Кроме того, указано, что он уплачивает капитал и проценты, из чего видно, что срок платежа давно истек. То же самое мы встречаем в КАJ (№№ 11, 16, 18, 21, 23, 36, 53, 58, 61, 70). Мы уже не говорим о многочисленных документах, в которых имеется клаузула о том, что с определенного момента „беспроцентный“ заем под залог превращается в „процентный“, и, стало быть, залог не становится собственностью займодавца.

¹ Число отбито, но можно смело утверждать, что оно не было меньше 30. Никогда ассирийские законы не предусматривают в виде наказания менее 30 палочных ударов.

Особый интерес представляет собой КАJ, № 66. Здесь некие pi-qa-ra-ja[-ši-e-a], сын ар-ра-ра, и а-ра-ру-ú сын а-ру-hi-ja (имена явно хурритские), взяли взаймы 5 имеров зерна у Иддин-Кубе (это известный из многих документов ростовщик). В качестве залога (ki šaparti) Иддин-Кубе держит (ukâl) все их имущество, включая сыновей и дочерей должников. Имеется приписка: „В случае просрочки платежа их залог считается купленным“ (laqia) безвозвратно (tuaru, dabâbu laššu) заимодавцем.

Немалый интерес может представить для нас КАJ, № 60. И здесь речь идет о так называемом „беспроцентном“ займе — 2 имеров и 6 + x ка зерна под залог жены должника по имени^{sal} a-la-ni-tum, дочь та-nu-gir-ili-šu, которую держит у себя знакомый уже нам Иддин-Кубе. Если предположить, что нет никакого социального различия между семитским населением и хурритским, то следовало бы ожидать, что с истечением срока займа залог перейдет в полную собственность кредитора, который сможет его продать в чужую страну, как в САЗ, табл. В, § 3, aššurâju и aššurâitu, но здесь ясно сказано, что залог может быть выкуплен и после истечения срока платежа, так как имеется условие, дающее возможность должнику выкупить свою жену, когда он внесет зерно и проценты. Но о каких процентах идет речь? Заем ведь „беспроцентный“! Проценты начинают начисляться только после истечения срока платежа. Отсюда следует, что истечение срока платежа не давало еще кредитору права распоряжаться живым залогом. Последний не становился его собственностью.

В КАJ, № 28 — в залоге жена должника, носящая, как и сам должник (mâr^{il}-še-ru-a, сын bêt-ba-ni), семитское имя im-mu-ug-ru-tum mârât a-ta-na-aḥ^{il}-Adad. Залог может быть выкуплен и после просрочки платежа. Долг — „беспроцентный“, проценты начисляются после известного срока, а супруга должника может быть выкуплена путем уплаты долга и процентов!

А в КАJ, № 35 (хотя и несколько поврежденный) показывает, что в отношении поля должника кредитор немедленно обретает право собственности на заложенную землю, как только истек срок платежа; очевидно потому, что должник Иннашарру — хуррит.

Проценты после истечения срока предусмотрены и в КАJ, № 31, где в залоге жена. Должник носит семитское имя^m di-nu-um-a-bi mâr [m·a-hu-il]lika^{ku}.

КАJ, № 46 сообщает о займовой сделке. Должник^m be-ip-ra-pi — хуррит — закладывает поле, дом, сыновей и дочерей за x + 7 мин свинца. Долг должен быть возвращен по требованию кредитора. О процентах речи нет. Речь только о капитале. Стало быть, в случае отказа платить, залог пропадает.

В КАJ, № 17 должник носит семитское имя bêt-[na]-din-aḥḥe^{mes}, и в документе имеется клаузула, дающая право должнику выкупить из залога своего сына.

Все параграфы ассирийских законов, употребляющих термин *aššurāju*, а не *amêlu*, заставляют нас видеть социальное различие между этими терминами.

§ 44 табл. А САЗ разрешает кредитору бить находящегося у него в залоге *aššurāju*, драть его за волосы, повреждать и просверливать ему уши, т. е. поступать с ним так, как с рабом.¹

§ 24 предусматривает наказание жены, если она отправилась в дом „ассирийца“ (*aššurāju*) и переночевала вместе с женой последнего три или четыре раза, а затем была схвачена. Наказанию подвергается не только гостья, но и хозяйка — обеим отрезают уши. Мужу, т. е. *aššurāju* („ассирийцу“), предоставляется возможность избавить свою гостеприимную жену от наказания, заплатив за нее выкуп в размере ее полной цены (3.5 таланта свинца).

В чем тут состоит преступление как со стороны гостья, так и со стороны хозяйки? Здесь нет и тени подозрения в прелюбодеянии. Преступление состоит, очевидно, в том, что жена „человека“ (асс. *aššat amêli*) вошла в дом *aššurāju* и оставалась там несколько суток. То, что пребывание в доме другого „человека“ само по себе (правда, не указано сколько времени) не является преступлением, вытекает из предыдущего § 23, где жена „человека“ была принята в дом жены другого „человека“, оказавшейся, однако, сводницей. Законодатель устанавливает, что если гостья не знала о характере деятельности своей подруги и если она сразу же после оставления этого дома заявила о постигшем ее бесчестье, то она свободна от какого бы то ни было наказания. Иначе § 23 предусматривал бы какое-нибудь наказание уже за то, что она навестила свою знакомую *aššurāju*, согласно этому параграфу, обладает обширным домом, в котором чужой человек может находиться несколько дней без его ведома. Отсюда следует, что *aššurāju* могли быть в имущественном отношении весьма богатыми.

§ 40 толкует о категориях женщин, коим дозволено закутывание головы и коим таковое запрещено. К сожалению, начало текста плохо сохранилось и обычно строку 43-ю восстанавливают: *ù lu-ú SAL. MEŠ [aš-šu-ra-ja-a-te]* — „И будь то женщины-ассирийки“. Если таковое восстановление принять, то *aššurâitu* пользовались правом закутывания головы наравне со всеми свободными женщинами. Во всяком случае в той части параграфа, где устанавливается жестокое наказание за незаконное закутывание головы, *aššurâitu* отсутствует, из чего следует

¹ Мы никак не можем согласиться с И. М. Дьяконовым, который полагает, что такое право дано кредитору потому, что залог был им взят „за полную цену“. (ВДИ, 1952, № 4, стр. 221 и прим. 10). В том-то и дело, что *mâr amêli* („сына человека“) нельзя было взять „за полную цену“, а *aššurāju* („ассирийца“) можно было взять „за полную цену“.

² Например: AL, стр. 406.

полагать, что если закутывание головы не было ее обязанностью, то оно все же было ее правом.

Этот параграф, таким образом, мало дает для решения нашей проблемы, но если *aššurâitu* там действительно упоминалась, то очевидно, что она чем-то отличалась от других свободных женщин, иначе незачем было ее особо упоминать.

Таким образом, упомянутые параграфы ассирийского судебного кодекса проводят весьма четкую грань между *mâr amêli* и *aššurâju*, точно так же, как в кодексе Хаммурапи и законах Билаламы между *mâr awilim* и *muškênim* и в Библии между завоевателями и „покоренными“ (*tôšâb*). За продажу *mâr amêli*, находящегося в залоге, заимодавец подвергается штрафу (он теряет свои деньги и возмещает стоимость залога), тяжелому публичному наказанию плетью и, кроме того, принудительным работам на царя, которые выполнялись, вероятно, рабами.¹

А *aššurâju* и *aššurâitu* можно бить, драть за волосы, повреждать и просверливать уши и продавать в вечное рабство в чужую страну, откуда возврата обычно не было.

К сожалению, таблица Ж, которая могла бы, возможно, пролить некоторый свет на интересующий нас вопрос, сильно фрагментирована. Там случай, очевидно, обратный. По крайней мере кредитором является [*aššu*]râju. Но мы не знаем, какие установления там имелись. Думается, следует этот сильно фрагментированный отрывок привести: „...либо же всякий, который как залог ... живет в [доме асси]рийца, а срок прош[ел] ... если серебро полной его цены ... [в]зять (?); если серебро его цены он не ... приобретать и взять ... капитал серебра ... не[т] ...“

Делать какие-либо выводы из этого отрывка, конечно, трудно. Однако нужно отметить, что в этом тексте также идет речь о живых закладах. Мы ничего не знаем о том, кто был в закладе. Единственные слова, сохранившиеся в тексте и указывающие на характер залога, есть слова „либо всякий“ (асс. *ù lû maṣ-ṣa*). Но здесь, во всяком случае, интересно другое: кредитором является, по-видимому, *aššurâju*. Залог, кажется, „взят за полную цену“, но в данном случае какое-то новое условие, которого нет ни в одном из предыдущих параграфов, — условие о просрочке платежа (асс. *edanu êtiq*). Кроме того, здесь что-то говорится о самом капитале (асс. *qaqqad kaspi* означает один капитал без процентов, буквально — „голова серебра“), чего также нет в том параграфе, где залогом является „ассириец“ (*aššurâju*), а кредитором — *amêlu* — „человек“. Что касается других документов, упоминающих термин *aššurâju* (соотв. *aššurâitu*), то их немного. Об одном из них² мы упоминали выше. В нем рассказывается о женщине, кото-

¹ См.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 246.

² КАЖ, № 2.

рая отдалась в адаптацию какому-то лицу в качестве дочери, и приемный отец обязуется не обращаться с ней скверно, не бесчестить ее, а относиться к ней, как к своей дочери, как к „ассирийцу“¹ (aššurāju). Далее он обязуется выдать ее замуж и получить за нее tirḫātu.²

Этот текст мало может дать нам для понимания значения интересующего нас термина. Но он также не может служить подтверждением точки зрения, усматривающей в этом термине обозначение всех рядовых представителей господствующей народности.

Поскольку женщина сама отдается в адаптацию, значит у нее, очевидно, никого нет: ни мужа, ни отца, ни братьев, и она никому не подчиняется, но зато никто не обязан ее содержать. Она могла согласиться лучше пойти в удочерение, чем оставаться на улице, тем более, что ее приемный отец согласился относиться к ней хорошо. Такая участь все же лучше, чем участь рабыни или публичной женщины. А что касается употребленного здесь термина aššurāju, то, как можно заключить из имени женщины — Этиуртум/Этирутум, он здесь означает, что женщина хурритского происхождения.

Следует сказать еще об одном документе,³ который Кошакер считает протоколом переговоров между царем и жителями города Ашшура, так как там также употребляется термин aššurāju. Но этот документ настолько фрагментирован, что извлечь из него что-либо совершенно невозможно.

Термин aššurāju встречается в одном документе из Нузи (№ 696), известного мне только в транскрипции из статьи Киера и Шпайзера, опубликованной в JAOS (1927, № 47, стр. 56, сл. № 20). Но понять этот документ пока невозможно, хотя его перевод не представляет собой никаких трудностей.

Но мы хотели бы остановиться еще на двух документах, употребляющих этот термин.

Повествуя в анналах о своих благодеяниях, оказанных представителям Маннаи, и об оказанных им почестях, Саргон II сообщает: „Я их (т. е. маннайцев, — Л. Л.) усадил за стол радости вместе с людьми страны Ашшур“⁴ (acc. ša-a-šū-nu itti nišê^{mes} mât aš-šur^{ki} i-na paššur ḫi-da-a-ti u-še-sib-šū-nu-ti-ma). Этим он, очевидно, стремился подчеркнуть особую свою благосклонность к маннайцам, что вполне объяснимо, если вспомнить, что маннайцы оставались у него в тылу, когда он направился в Урарту. .

¹ Ошибка, вместо ассирийки(?).

² tirḫātu — стоимость невесты, уплачиваемая ее отцу женихом или его отцом, если последний жив; ср.: Л. А. Липин. Ассирийская патриархальная семья. Л., 1949.

³ КАЖ, № 217.

⁴ Сарг., стр. 63.

Зато, сообщая о покоренном населении Мусасира, он говорит: „Население области Мусасира я причислил к населению страны Ашшура, ильку в тупшикку (род повинностей) я наложил на них как на ассирийцев“ (асс. nišê^{mes} nagî-i ša^{âl} mu-ša-šîr itti nišê^{mes} mât aš-šur^{ki} am-nu-ma il-ku tûp-šîk-ku ki-i ša aš-šu-ri e-mid-su-nu-ti).

Таким образом, желая оказать чужеземцам почести, Саргон усаживает их за одним столом с „людьми страны Ассирии“, а наказывая покоренных и уведенных в плен иноплеменников, он налагает на них повинности, как на „ассирийцев“ (aš-šu-ri).

Затем, наше внимание привлекли два частноправовых документа, опубликованных Э. Эбелингом (КАЖ, №№ 7 и 167). Оба они толкуют об одном и том же лице — некоей женщине, имя которой писец, очевидно, также не знал как написать правильно, как мы это видели выше в случае с Этиуртум/Этирутум. В № 7 она названа Асуат-Идиклат, а в № 167 — Асат-Идиклат.

В КАЖ, № 167 сообщается, что Асат-Идиклат — „ассириянка“ (aš-šu-ra-i-tum), находившаяся в доме некоего Ашшур-рисуа в „оживлении“, была выкуплена из „оживления“ Илума-Ирибом, отдавшем за нее Ашшур-рисуа рабыню по имени Шуприта. КАЖ, № 7, являющийся, по существу, брачным контрактом, устанавливает, что Асуат-Идиклат была выкуплена Илума-Ириба, рабом какого-то Амурру-насира, с целью жениться на ней. При этом Амурру-насир и его сыновья обязуются не превращать Асуат-Идиклат и ее потомство в рабов и рабынь, но она со своим потомством, которое, очевидно, ожидается в будущем, будет отныне входить в состав поселения (может быть, патриархальной семьи или общины, асс. a-la-ja-u) Амурру-насира и его сыновей, где выкупленная из оживления Асуат-Идиклат и ее дети должны будут выполнять для них (или за них) повинности (асс. îlki).

И здесь повинности (îlki) связываются с термином aššurâju, как у Саргона II; и имя этой „ассириянки“, имеющее нетвердое написание, по-видимому, также хурритского происхождения.

Таким образом, из приведенного материала источников видно, что в Ассирии, по крайней мере среднего периода, термин aššurâju („ассирец“) обозначал человека свободного состояния субарийско-хурритского происхождения, не пользовавшегося всей полнотой гражданских прав подобно свободным лицам господствующего этнического элемента ассирийского государства.

Такие „ассирийцы“ (aššurâju) могли иметь значительное имущество, владеть недвижимостями, но были обязаны выполнять какие-то повинности. Когда они находились в залоге, их можно было бить, драть за волосы, просверливать и повреждать им уши, поработать навечно и продавать в рабство за пределы Ассирии. По своему социальному положению среднеассирийский aššurâju может быть вполне приравнен к мушкенуму вавилонского кодекса и законов Билаамы и к tôšâb и gêr Библии.

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ ФИНИКИИ VIII в. ДО Н. Э.

До настоящего времени отдельные периоды истории древней Финикии являются недостаточно известными. В полной мере это относится к первой половине VIII в. до н. э. Походы Ассирии в это время не достигали еще Финикии. Отсутствие сильных государств в Сирии, которым подчинялась бы Финикия, заставляет предположить, что она была независима. Именно в это время внешние сношения и колонизационная деятельность финикийцев достигают очень широких размеров.¹ Финикийцы — ханаанеи — в понятии окрестных народов просто отождествляются с купцами, обмеривающими и обвешивающими своих покупателей.² Возможно, что в Библии сохранился намек на то, что Тир являлся центром работорговли.³ Неясно, однако, откуда Тир добывал рабов. В том же контексте (Amos, I, 9—10) Тиру сулятся всевозможные бедствия за то, что его жители не помнят братский союз.⁴ Однако из

¹ См.: H. L. Lorimer. *Homer and the Monuments*. London, 1950, стр. 66 сл. По мнению автора, рассказ пастуха Одиссея Евмея о его похищении финикийцами возник именно в это время (Одиссея, XV, 415 сл.), равно как и вымышленный рассказ Одиссея о его похищении финикийцами (Одиссея, XIV, 288 сл.). См., однако, справедливую критику этих теорий в статье Я. А. Ленцмана: *Вестник древней истории* (ВДИ), № 3, 1955. Несомненно то, что в это время усиливаются греко-финикийские связи и целый ряд финикийских знатных родов переселяются в Грецию (см.: Herodotos, VI, 47; V, 57—58 и др.).

² Пророк Осия (Hosea, 12, 8), литературная деятельность которого падает на начало второй половины VIII в. (см.: W. Nowak. *Die kleinen Propheten*. Cöttingen, 1922, стр. 4—5; K. Marti. *Das Dodekapropheten*. Tübingen, 1904, стр. 4; A. van Noordacker. *Les douze petites prophetes*. Paris, 1908, стр. 2), упрекая финикийцев, говорит: „Ханаан, в чьей руке весы неверные, любит обманывать“.

³ Пророк Амос, живший в середине VIII в. до н. э. во время правления Узии, царя Иудеи (789—740 гг.), и Иеробеама II, царя древнего Израиля (782—743 гг.) (Amos, I, 1), литературная деятельность которого относится к самой середине века (см.: K. Marti, ук. соч., стр. 146; E. Sellin. *Das Zwölfprophetenbuch*. Leipzig, 1923, стр. 148), упрекает (Amos, I, 9) жителей Тира в „передаче пленных целиком Эдому“ — *‘al-hasgīrām galūt š‘lema le‘ēdōm*. Хотя и большинство комментаторов считает настоящий отрывок подлинным, некоторые авторы сомневаются в этом (см.: A. Weiser. *Die Prophetie des Amos*. Giessen, 1929, стр. 87).

⁴ Amos, I, 9: *w‘lo zāk‘rū b‘rīt aḥīm*.

текста не становится ясным, относится ли этот намек к существовавшему в IX в. до н. э. союзу израильского царя Ахава с царем Тира и Сидона Итобаалом¹ или же здесь следует усматривать намек на какое-либо иное, нам неизвестное событие из истории Сирии и Палестины рассматриваемого времени.²

С момента вступления на престол в Ассирии царя Тиглатпаласара III (745—727 гг.) количество наших источников по истории Финикии возрастает за счет анналов ассирийских царей.³

После воцарения Тиглатпаласар III реформировал войска и начал завоевательные походы, направленные и против городов Финикии. В самом конце 40-х годов или в начале 30-х годов VIII в. в числе плативших дань Ассирии царей Переднеазиатских областей находились Хирам II (Hi-ru-um-mu) из Тира, Шипитбаал (Ši-bi-it-ti-bi'-li) из Библа. Незадолго до того Тиглатпаласар III получил дань от „царей морского берега“,⁴ подчинив себе Усну, Шиану, Симиру (Сумур) „до гор Амана“.⁵

В 734 г. или в ближайшие последующие годы Тиглатпаласар III предпринял новый поход в Финикию. На этот раз среди данников царя Ассирии упоминаются Шиптибаал, царь Библа, и Матанбаал (Ma-ta-an-bi-i-lu), царь Арвада.⁶ Его город был захвачен после упорного сопротивления. Об этом говорит недавно обнаруженный текст Тиглатпаласара III,⁷ к сожалению, не полностью сохранившийся. Хотя название города в тексте не сохранилось, на основании сохранившихся мест можно сделать такой вывод. Начало текста говорит о походе (стр. 1—5): „... на суше... я заставил излиться этот город я... посреди моря

¹ I Regum, XVI, 31 и др.

² Следует отметить, что мнения ученых здесь сильно расходятся (см.: E. Sellin, ук. соч., стр. 168, A. v. Noopacker, ук. соч., стр. 216; K. Marti, ук. соч., стр. 161; G. A. Smith. The Book of the Twelve Prophets. London, 1903, стр. 127; A. B. Ehrlich. Randglossen zur hebräischen Bibel, V. Leipzig, 1912, стр. 229; O. Eissfeldt. Tyros. Realencyklopädie für die Classische Altertumswissenschaft, (в дальнейшем: RCA), Bd. VII A (Erste Hälfte), стр. 1885, и др.

³ D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia (в дальнейшем: ARAB), v. I, §§ 772, 801; P. Rost. Die Keilschrifttexte Tiglat-Pileasers, III. Leipzig, 1893, стр. 26—27. Тексты датированы более или менее точно, благодаря наличию в них упоминания израильских и иудейских царей. Так, Хирам и Шипитбаал — современники „Менахема из Самерины“ (Самарии), т. е. Менахема, царя Израиля (740—736 гг. до н. э.).

⁴ Это событие должно было непременно произойти до 740 г. до н. э., так как в тексте ARAB (v. I, § 770) упоминается „Азария, царь Иудей“. Как известно, Азария (Уззия) царствовал с 789—740 гг. до н. э.

⁵ ARAB, v. I, § 770.

⁶ Там же, § 801; Rost, ук. соч. стр., 72—73. В тексте среди данников упоминается также царь Иудей Иоахаз (Ахаз) (735—720 гг. до н. э.).

⁷ D. J. Wiseman. Two Historical Inscriptions from Nimrud. Iraq, v. XIII, 1951, № 1, стр. 21—26.

растоптал их (войско жителей города?), чтобы... — [страх перед моей силой] напал на него и его смелость ушла, он облачился во вретипце...". Затем следует перечисление добычи или дани и сообщение, что царь поручил город „печению своего сановника, наместника Симиры“.¹

Из текста следует, что атаке был подвергнут город, расположенный на острове.² Следовательно, это мог быть или Тир, или Арвад. Учитывая, однако, то обстоятельство, что добыча или надзор над самим городом был поручен наместнику Симиры, расположенной вблизи Арвада, но на далеком расстоянии от Тира, можно определенно сказать, что настоящий текст повествует об Арваде.

Одновременно с этим Тиглатпаласар III послал „своего сановника, рабсак, в город Тир. От Митины Тирского 150 талантов золота (получил)“.³

Одновременно упорное сопротивление Тира и Арвада войскам Ассирии не было явлением случайным. Вероятно, не обошлось и без разграбления окрестных владений Тира и убийства его жителей. Об этом событии говорит иудейский пророк Осия (IX, 13): „Эфраим! Как видел я у Тира лишившуюся сыновей (ж. р. при обозначении города), так и Эфраим (т. е. царство Израиль) предназначен вывести к убийце своих сыновей“.⁴

Анналы и прочие тексты Тиглатпаласара III повествуют также о захвате и подчинении целого ряда других городов Финикии, как то:

¹ Там же i-na qâte (11)^{amēl} su-ut-re-ši-ia^{amēl} šakin^{ālu} si-mir-ra.

² См. выше, стр. 59.

³ ARAB, v. I, § 803; Rost, ук. соч., стр. 72—73. Строка^{amēlu} SU. UT. SAQ -iab^{amēlu} rab-sa-kū a-na^{ālu} Sur-ri ašpur ša Mi-i-ti-in-na^{ālu} Sur-ra-ai CL GUN ħurâsi. Настоящий текст датирован почти без достаточного основания 729/28 г. до н. э. еще Винклером (H. W i n c k l e r. Assyrien und Tyrus seit Tiglat-Pileser III. Altorientalische Forschungen (в дальнейшем: AOF), II Reihe, Bd. 1, стр. 67; A. T. Olmstead. History of Palestine and Syria to the Macedonian Conquest. London, 1931, стр. 453). Следует учесть, что это сообщение вплотную, и текстуально, и по времени, примыкает к тексту, повествующему о дани, собранной в Библе, Арваде и прочих государствах Сирии и Палестины (ARAB, v. I, § 801). Тем более в этом сообщении отсутствует упоминание Тира, поэтому вполне вероятно, что Тир согласился на уплату дани только после отправки значительного войска.

⁴ Настоящий отрывок содержит ряд трудных для понимания мест. Все комментаторы датируют текст 734 г. Однако текст сильно испорчен, и многие из современных экзегетов отрицают на основании текста Септуагинты наличие слова „Тир“ в его первоначальном варианте (см.: K. Marti, ук. соч., стр. 67—77; Nowack, ук. соч., стр. 58—69; Sellin, ук. соч., стр. 74, 93—94, и др.). Настоящий перевод подсказан мне К. Б. Старковой, за что приношу ей искреннюю благодарность, принимая предложенное ею исправление текста: š'tulâ b'pāwe na šakkulâ mibbānehâ.

Симиры,¹ Усу,² Шианы (Сиану),³ Арки⁴ и Зимарры⁵ и еще некоторых городов, имена которых в дальнейшем не встречаются.⁶

Несомненно то, что далеко не все города обладают равным значением. Среди упомянутых городов только у трех — Тира, Арвада и Библа — упоминаются цари. Остальные, вероятно, или были в подчинении у этих городов или же их правители неизвестны по какой-либо иной причине. Интересно, что ни разу не упомянут значительный центр Финикии — Сидон. Высказывались предположения, что в рассматриваемое время он составлял с Тиром единое политическое целое и поэтому отдельно не упомянут.⁷ Учитывая, что царь Тира, Хирам II, именуется и „дарем сидонян“,⁸ можно согласиться с этой точкой зрения.

Для более прочного закрепления завоеванных местностей Тиглатпаласар III учредил провинции (округа) и назначил туда своих наместников, в функции которых входило, с одной стороны, управление подчиненными областями, с другой же стороны, — надзор за покоренными Ассирией царствами.⁹ Центром северофиникийской провинции была Симира,¹⁰ в которой находился главный наместник, начальствовавший над наместниками небольших округов.¹¹ Провинции Симиры ассирийцы уделяли особое внимание. За это говорит обстоятельство, что Тиглатпаласар назначил ее наместником своего старшего сына, наследника престола Салмансара.¹²

Немногочисленны сведения о внутреннем управлении финикийских городов этого времени. Однако известно, что Тиру подчинялся, по крайней мере при Хираме, Китий (Карт-хадашт на Кипре). Об этом свиде-

¹ ARAB, v. I, §§ 770, 815, 821.

² Там же, §§ 770, 815, 821.

³ Там же.

⁴ Там же, §§ 815, 821.

⁵ Там же, § 815.

⁶ Риараба и Риасису, см.: ARAB, v. I, §§ 815, 821; Рашпуна — там же, § 815.

⁷ См.: F. C. Eisele n. Sidon. New York, 1907, стр. 47.

⁸ mlk šdnm (см. ниже, стр. 62).

⁹ См. выше относительно Арвада. ARAB, v. I, § 770: „Своих сановников я поставил над ними в качестве наместников“. В тексте говорится о городах Сирии, Финикии (там же, § 815), где после перечисления почти всех вышеупомянутых городов Северной Финикии (кроме Арвада) говорится о шести сановниках, поставленных в качестве наместников.

¹⁰ См. выше относительно Арвада; см. также: E. Forrer. Die Provinzeinteilung des assyrischen Reiches. Leipzig, 1921, стр. 57. Там же указано местоположение Арки, Зимарры, Ушну, входящих в эту провинцию.

¹¹ bēl paḥāti.

¹² H. Winckler. Keilschriftliches Textbuch zum Alten Testament. Leipzig. 1903, стр. 35. В фрагментированном тексте сохранилось только название страны Арки (mātu Ar-qa-a) в Северной Финикии. Затем идет речь об области гор Амана (šid-di^{sadū} Am-ma-na-na) и о жителях берега Верхнего (Средиземного) моря, которых царь подчинил владычеству Салмансара (ina kātu¹ Sul-ma-nu-ašarid), своего сына.

тельствует найденная на Кипре, близ Кития, и опубликованная еще в прошлом веке надпись на медной чаше „наместника Картхадашта, раба Хирама, царя Сидонян“.¹

Возможно, что и в прочих подчиненных городах царь Тира имел подобных наместников (skn). Упомянутая надпись говорит также о Тире и Сидоне как о едином политическом целом, свидетельствующем, что тиряне назывались самими финикийцами сидонянами, а Сидон был подчинен царю Тира.

Несмотря на то, что Финикия занимала лишь узкую береговую полосу Средиземного моря, она была весьма густо населена. Тиглатпаласар III сообщает в своих анналах, что из одной провинции Симиры он вывел 30 300 человек в другие области Ассирии.² Однако провинция от этого не обезлюдела и, как мы уже видели, ей уделялось царем немалое внимание. Взамен выселенных, в область Симиры были поселены жители Северной Сирии, однако их количество едва достигало 7 300 человек.³

Как уже указывалось, города Финикии были обязаны выплачивать дань Тиглатпаласару III.¹ Один из текстов перечисляет дань города Арвада.⁵ Приведенный выше царь города, по всей вероятности уже упомянутый Матанбаал, уплатил Тиглатпаласару⁶ (строки 5—10) какие-то „ивовые изделия с вкладками из золота со... слоновой костью, благовонное масло, благовония всех видов, лошадей из... Кашпуны, которая лежит на берегу моря“.

К сожалению, прочие дошедшие до нас списки дани не говорят о ней раздельно по городам, а перечисляют ее для всей Сирии и Палестины. Хирам II тирский и Шиптибаал библский совместно с царями Кушташпи, Кумухха (Коммагены), Дамаска, Израиля и другие выплачивают Тиглатпаласару III золото, серебро, свинец, железо, слоновые бивни, цветные шерстяные одежды, льняные одежды, синюю и пурпурную шерсть, разную древесину и драгоценности, всевозможных птиц, лошадей, мулов, скот, овец, верблюдов, верблюдиц.⁷ Согласно другому тексту,⁸ в число дани, которую уплачивают Шиптибаал из Библа и Матанбаал

¹ skn Qrthdšt ʿbd Ḥrm. mlk Ṣdnm — см.: M. Lidzbarsky. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik. Weimar, 1898, II, Taf. II.

² ARAB, v. I, § 770.

³ Rost, ук. соч., стр. 24—25, строки 145 — šal-la-at mātuKu-ti-i mātuBit-Ša-an-gi-bu-ti 1200 amēleIl-li-il-ai 6208 amēleNak-kab-si amēleBa-ba-ai и 146 — ina ālu... āluŠi-mir-ra āluAr-qa-a āluUš-u-u āluSi-an-nu ša šid-di tam-tim u-ši-ib — „Пленных (страны) Кути, Бит-Сангбути, 1200 иллийцев, 6208 наккибцев, бадайцев (в город)... (города) Си-миру, Арку, Ушну, Шнану, которые у моря я поселил“.

⁴ ARAB, v. I, § 770: „Дань от царей морского побережья получил“.

⁵ D. J. Wiseman, ук. соч., стр. 21—26.

⁶ Там же.

⁷ ARAB, v. I, § 772.

⁸ Там же, § 801.

из Арвада совместно с царями Аммона, Моава, Аскалона, Иудей, Эдома, Газы и даже Египта (?),¹ входит, уже помимо перечисленных произведений, олово и „произведения моря“. Невозможно отличить здесь произведения собственно Финикии от произведений соседних стран. Единственным выводом, который мы можем сделать, является то, что в прибрежных владениях островного Арвада было развито коневодство и что Финикии вообще был присущ высокий уровень развития художественного ремесла, выработки и окраски льняных и шерстяных тканей.

Некоторое представление о скоплении богатств в городах Финикии мы можем себе составить на основании сообщения, что рабсак Тиглатпаласара III собрал единовременную дань в Тире размером в 150 талантов золота,² т. е. 4500 кг. Вполне возможно, что в данном случае не обошлось без обложения населения дополнительной податью.³ Если даже признать эту цифру крайне преувеличенной или считать, что часть дани была внесена царем Тира соответствующими товарами, пересчитанными на золото, надо полагать, что в Тире было сосредоточено немало богатств.⁴

Во время краткого правления сына Тиглатпаласара III, Салманасара IV (727—722 гг. до н. э.), Финикия была охвачена восстанием и междоусобной войной, причинами которой были, с одной стороны, гегемония Тира над другими городами Финикии, и с другой, борьба городов Финикии против господства Ассирии. Сведения об этих событиях сохранены Менадром Эффеским, написавшим историю Тира на основании Тирских хроник. Извлечения из его труда дошли в сочинениях Иосифа Флавия.⁵ Источник повествует⁶ о 36-летнем правлении царя Элулая⁷ (Лули — ассирийских источников), „которого поставил Пил“⁸ (Пул — Pûlu — вавилонское имя Тиглатпаласара III). Упо-

¹ Возможно, что имеется в виду один из мелких князьков долины Нила.

² ARAB, I, § 803; см. выше стр. 60: 1 талант — около 30 кг.

³ См.: II Regum, XV, 19—20, где речь идет о дани царя Израиля Менахема Тиглатпаласару III (Пулу), который уплатил ему 1000 талантов серебра (около 30 т.). Для получения нужной суммы Менахем обложил население, собрав по 50 сиклей с человека.

⁴ В настоящей работе не привлечены данные писем ассирийского наместника Тира и Сидона, опубликованные в журнале „Iraq“ (1955, № 1) Сэггсом. Их датировка спорная и может быть отнесена к более позднему времени.

⁵ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

⁶ Подобное исследование настоящего отрывка из Менаандра, см.: С. F. Lehmann. Menander und Josephus über Salmanassar IV. Beiträge zur Alten Geschichte (Klio), II, 1902, стр. 125—140, 466—472.

⁷ „Элулай правил 36 лет“, — пишет Менаандр. (см.: С. F. Lehmann, ук. соч., стр. те же).

⁸ Настоящее указание Менаандра дает нам возможность примерно установить хронологию правления Элулая (Лули). Следует учитывать, что царь Ассирии Синахериб (705—681 гг.) во время своего третьего похода, т. е. в 701 г. до н. э., упо-

минается восстание Кития на Кипре, которое было подавлено Элуаем.¹ „Затем Селампс, царь Ассирии, прошел всю Финикию войной, вскоре же заключил мир со всеми и возвратился обратно“.² Несомненно, что названный Селампс является Салманасаром IV.³ Однако поход Салманасара IV и пятилетняя осада Тира⁴ не укладывается в хронологические рамки короткого царствования этого царя (721—722 гг.). Поэтому следует согласиться с тем, что поход этот был совершен Салманасаром в бытность его еще наместником провинции Симиры.⁵ Сравнительно короткий период наместничества и правления Салманасара IV не дает возможности предполагать, что им было совершено много походов. Подчинение Финикии было осуществлено одновременно с покорением Израильского царства, где тогда царствовал Осия.⁶ Однако едва Салманасар возвратился из похода, как в Финикии опять начались волнения.

Походами Тиглатпаласара III и Салманасара в основном не была поколеблена мощь Тира и его значение среди городов-государств Финикии. Он оставался по-прежнему гегемоном и угнетал прочие города побережья. Поэтому повествует хроника Менандра: „От тирян отпали

минает царя Тира и Сидона Лули (ARAB, v. II, §§ 239, 309), бежавшего из Тира на Кипр (там же, § 309). Следовательно, это был его последний год правления. Нам известно также, что Меттен (Миттина) уплатил дань Тиглатпаласару III (см. выше) в 734 г. или вскоре после этого. Таким образом, Элулай мог вступить на престол после 734 г. и правил до 701 г. до н. э. Следовательно, время правления в 36 лет несколько преувеличено, что вполне допустимо для более позднего источника, каковым является хроника Менандра. (Ср. разницей в годах правления царей Иудеи и Израиля в разных местах Библии).

¹ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

² Там же, IX, 14.

³ В латинской версии Флавия — Salamanassis, Рецензию на книгу Набера (S. Naber. Josephi Flavii Opera omnia, t. II. Leipzig, 1889) см.: Literar. Zentralblatt, 1891, № 3, стр. 80—82. См. также: E. Schrader. Zur Geographie des assyrischen Reiches. Sitzber. d. Kön. Preuss. Akad. d. Wiss., 1890, стр. 321—344.

⁴ См. ниже, стр. 66.

⁵ См.: C. F. Lehmann, ук. соч., стр. 472; A. T. Olmstead, ук. соч., стр. 471; G. Gontenau. La civilisation phénicienne. Paris, 1949, стр. 60. Вышеупомянутое обстоятельство, а также и то, что Элулай правил более 30 лет, свидетельствует именно о том, что до нас дошло подлинное сообщение хроники Тира. Противники этой точки зрения относят настоящий отрывок ко времени правления Синаххериба (т. е. к 701 г.), отрицая сообщение его анналов о смерти Элулая (Лули) на Кипре (см. выше, стр. 63). Кроме того, анналы Синаххериба не говорят ничего о длительной, пятилетней осаде тира, о чем сообщает нам источник (см. ниже, стр. 66). См.: C. F. Eisele, ук. соч., стр. 49; Fr. Jeremia s. Tyrus bis zur Zeit Nebukadnezars. Leipzig, 1891, стр. 29; H. Gressmann. Sidon. RGA, Bd. 33a/34a, стр. 2218; O. Eissfeldt, ук. соч., стр. 1887.

⁶ II Regum, XVII, 3.

Сидон и Арка и Старый Тир и многие другие города¹.¹ Учитывая силу Тира и невозможность противостоять ему собственными силами, они „отдались царю Ассирии“.² Однако „тиряне не подчинились ассирийцам“,³ что, естественно, явилось причиной похода ассирийцев против Тира.⁴ Это уже несомненно произошло в царствование Салманасара IV. Очень вероятно, что Тир выступал не один, а был в союзе с Осией, царем Израиля, и некоторыми из властителей тогдашнего Египта. Во всяком случае, библейские источники, не упоминая о Тире, говорят о союзе Осии с Севой, царем Египта,⁵ одним из владетелей дельты Нила.⁶

Финикийские города, противники Тира, „снарядили ему [царю Ассирии] 60 кораблей и 800 гребцов“.⁷ Следует предполагать, что 800 гребцов были поставлены финикийцами ассирийцам помимо упомянутых 60 кораблей; если распределить 800 гребцов на 60 кораблей, то на корабль получится неполных 14 человек. Для того времени это невозможно, так как военный корабль был, по крайней мере, тридцативесельным судном. По всей вероятности, эти гребцы были поставлены на корабли, подчиненные непосредственно командованию ассирийцев. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что вся Финикия, помимо Тира, выставила только 60 военных судов. Учитывая, что и со стороны Тира в военных действиях участвовало 12 судов,⁸ можно заключить, что во второй половине VIII в. до н. э. Финикия могла выставить флот, ни в коем случае не превышающий 100 кораблей. В источнике нет также указания на то, что гребцы были рабы.

Несмотря на наличие сил объединенной коалиции, созданной против Тира, предпринятый морской поход не увенчался успехом. Напротив, тиряне на 12 кораблях разбили флот своих союзников и захватили до 500 пленных, которые были казнены в Тире.⁹ После такого поражения Салманасар IV начал регулярную осаду Тира;¹⁰ пытаясь,

¹ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же — „снова царь против них обратился“.

⁵ II Regum, XVII, 4; см. также: Б. И. Тураев. История древнего Востока, II. М., 1935, гл. „Ассирийские завоевания“.

⁶ См.: Н. Winckler. Die Sargoniden und Ägypten nach den assyrischen Quellen. Unters. z. Altor. Gesch., Leipzig, 1889, стр. 92; J. Benzinger. Die Bücher der Könige. Leipzig, стр. 173.

⁷ Antiquitates Judaicarum, IX, 14. Б. А. Тураев (Остатки финикийской литературы. СПб., 1903, стр. 98) читает „60 кораблей и 80 гребных судов“, считая имеющийся в нашем распоряжении текст Менандра испорченным. Вряд ли, однако, делалось тогда различие между „кораблем“ и „гребным судном“, и настоящее место текста можно считать хорошо сохранившимся.

⁸ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

⁹ См.: Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 98; Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

¹⁰ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

5 Палестинский сб., вып. 3

в первую очередь, лишить его жителей пресной воды, „он выставил сторожей у реки и водопроводов“.¹ Однако находящийся на острове город выдерживал это „в течение пяти лет, получая воду из выкопанных колодцев“.² В заключение, текст Менандра отмечает, что это все произошло при Салманассе,³ царе Ассириян. При всей обстоятельности нашего источника ни в нем самом, ни в каком-либо другом источнике нет сообщения о покорении Тира Салманасаром IV. Он и не был покорен этим царем. Следует помнить, что Салманасар IV осадил Самарию в 725/24 г. до н. э. В 722 г. он был свергнут Саргоном II, завершившим осаду Самарии покорением города.⁴ Вероятнее всего, что Тир был осажден Салманасаром IV одновременно с Самарией. Поэтому следует согласиться с точкой зрения Б. А. Тураева,⁵ что Тир был умиротворен только Саргоном II (722—705 гг.).⁶ Это могло произойти, учитывая пятилетнюю осаду города, 720/19 г. до н. э. Характерно также и то, что анналы Саргона II говорят об умиротворении Тира, а не о его завоевании. Вероятно, умиротворение ограничивалось лишь данью. В Тире продолжал царствовать Элулай (Лули). Анналы Саргона II в общем очень мало говорят специально о Финикии. Упоминается лишь о восстании в Симири, сравнительно легко подавленном.⁷ Из косвенных данных⁸ можно заключить, что во время правления Саргона II в Финикии царил в основном мир.

Финикия должна была целиком подчиниться мощи Ассирии, так как Саргон покорил в 709 г. до н. э. города на о. Кипре,⁹ вырвав их из-под власти Тира или некоторых других городов Финикии (Арвада, Библа?), лишив островные и портовые города Финикии снабжения продовольствием и пресной водой на случай осады. Ясно также и то, что города Кипра были завоеваны при помощи финикийского флота, покорного Саргону. Города Кипра после смерти Саргона от Ассирии отпали.

Хотя от времени правления Саргона II и не сохранилось списков дани, взимаемой в Финикии, имеется сообщение о постройке царского

¹ Antiquitates Judaicarum, IX, 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ II Regum, XVIII, 9—10.

⁵ Б. А. Тураев, ук. соч., стр. 107.

⁶ ARAB, v. II, § 118. Саргон II говорит, что он „подчинил Куэ [Киликию] и Тир“.

⁷ Там же, §§ 5, 55. Восстание произошло на втором году царствования Саргона.

⁸ Там же, §§ 30, 62 — повествуется о походе Саргона II против Ашдода в Филистии; § 98 — Саргон II говорит о своих владениях, простирающихся до Египта.

⁹ Там же, §§ 54, 98, 118; см. также: С. J. Gadd. Inscribed Prisms of Sargon II from Nimrud. Iraq, 1954, v. XVI, № 2, стр. 191—192; O. Eissfeldt. Tyros. RGA.

дворца в Ассирии из кедра и кипариса,¹ и даже имеются изображения, показывающие транспортировку этой древесины на плотах, привязанных к кораблям,² очевидно доставленным из Финикии.

Сразу же после смерти Саргона II Финикия опять отпала от Ассирии и его преемнику Синаххерибу (705—681 гг.) пришлось в начале своего царствования предпринимать походы против целой коалиции царей Сирии, Финикии и Палестины. Третий поход Синаххериба, предпринятый в 701 г. до н. э., был направлен для захвата Финикии. Об этом повествуют нам анналы этого царя³ и данные Библии.⁴ В начале похода Синаххериб направился против Финикии. Его анналы говорят, что „Лули [Элулай], царя Сидона, охватил страх перед моим блеском и далеко в море он бежал и там умер“.⁵ Как явствует из другого текста, Лули был также и царем Тира, так как он „из Тира бежал на Яданану [о. Кипр] среди моря“.⁶

Тирско-сидонское царство охватывало большую часть Финикии. Ему были подчинены города Большой Сидон, Малый Сидон,⁷ Бит-Зитти,⁸

¹ ARAB, v. II, § 112.

² A. T. Olmstead. History of Assyria. London, 1923, стр. 273.

³ ARAB, v. II, §§ 239, 284, 309, 326, 347; см. также недавно открытый текст: A. Heidel. The Octagonal Sennacherib Prism in the Iraq Museum. Sumer, v. IX, 1953, № 2, стр. 117—187.

⁴ II Regum, v. XVIII, 13; XIX, 36; Jesaia, XXXVI, 1; XXXVII, 21, 36—37. Речь идет о походе Синаххериба против Иудеи. Гл. XXIII книги Исаяи (Jesaia, XXIII) говорит о Тире и Сидоне. Большинство комментаторов библейского текста считают, что первоначально гл. XXIII Исаяи являлась элегией по поводу разрушения Сидона персидским царем Артаксерксом Охом в 348 г. до н. э., и лишь затем, при редактировании, в текст было принесено название Тира. Таким образом, они относят настоящий текст к IV в. до н. э. и даже более позднему времени (см.: K. Marti. Das Buch Jesaja. Tübingen, 1900, стр. 177—182; A. B. Ehrlich, ук. соч., Bd. IV (Jesaia, Jeremia), стр. 82; B. Duhm. Das Buch Isaias. Göttingen, 1922, стр. 20 и др.). В противоположность высказанному мнению И. Фишера (J. Fischer. Das Buch Isaias. Bonn, 1937, Teil I, Kap. 1—39, стр. 161—164) датирует рассматриваемый текст именно 701 г. до н. э. При этом он указывает, что логически текст связан и с предыдущими оракулами об иноземных народах. Совместное же упоминание Тира и Сидона вполне логично, так как и Синаххериб предпринимал свой поход против царя Тира и Сидона. Только начиная со стиха 15—18 текст является более поздним, так как содержит предсказания о 70-летнем запустении Тира, что на самом деле древней истории неизвестно.

Как мы увидим из дальнейшего, датировка Фишера вполне согласуется и с содержанием текстов Синаххериба, и с реальной исторической и бытовой обстановкой конца VIII в. до н. э.

⁵ ARAB, v. II, § 239, 326, 347; Heidel, ук. соч., Col. II, строки 60—65.

⁶ ARAB, v. II, § 309.

⁷ Там же, § 239; Heidel, ук. соч., Col. II, строки 66—70: ^{al}Si-du-un-nu rabû; ^{al}Si-du-un-nu ši-ih-gu. Исследователи полагают, что речь идет о континентальной и прибрежной частях Сидона, возможно, находившихся на некотором расстоянии. См.: P. Dhorme. Les pays bibliques et l'Assyrie. Paris, 1911, стр. 70.

⁸ P. Dhorme, ук. соч., стр. 70. Bit-Zitte ep. Bt-zt — „дом маслин“.

Сарепта (Сидонская),¹ Усу,² Махаллиба,³ Акзиб и Акко, т. е. вся южная часть Финикии, которую Синаххериб окружил и подчинил.⁴ Возможно, что Тир находился в союзе с Египтом.⁵ После этого Синаххериб возвел на престол нового царя Итобаала II (Тубаалу),⁶ обложив его ежегодно выплачиваемой податью и данью.⁷ Таким образом, Сидон и прилегающие к нему города вышли из-под власти Тира. Тирянам остались только островная часть Тира и, возможно, некоторые владения на Кипре, вновь подчинившемся Тиру по всей вероятности после смерти Саргона, куда и вынужден был бежать Элулай в конце своего долгого правления.

Несомненно, что тирско-сидонское царство являлось самым сильным во всей Сирии того времени. После его покорения Ассирии все прочие „цари Амурру“ (т. е. Сирии)⁸ тоже подчинились Ассирии. Среди них, кроме Итобаала Сидонского, были Абдилат из Арвада⁹ и Урумилк из Библа.¹⁰ Они должны были уплатить Синаххерибу дань в четырехкратном размере¹¹ против обычной. Возможно, что именно об этой дани идет речь в одном из сохранившихся текстов.¹² Это можно определить по наличию в ней финикийских товаров.¹³ Однако вся дань была собрана на территории, в несколько раз превышающей Финикию, хотя последняя и была одной из самых богатых областей Сирии. В дань входило 30 талантов золота и 800 талантов серебра,¹⁴ драгоценные камни, ювелирные изделия, всевозможные изделия из слоновой кости, которыми славилась Финикия, и необработанные еще бивни слонов, дре-

¹ Ср.: I Regum, XVII; 9 сл.

² Старый Тир, т. е. материковая часть Тира. Интересно, что отсутствует указание на захват Тира, хотя впоследствии он и был подчинен Синаххерибу.

³ Ср.: Josua, XIX, 29 — Meḥēbel; Judges, I, 31 — 'aḥlab ассир. Ma-ḥal-li-ba. В библейском контексте город упоминается совместно с Акзибом, Сидоном и Акко.

⁴ ARAB, v. II, § 239; Heidel, ук. соч., строки 71—75; см. также: Jesaia, XXIII, 13, где речь идет об осадных работах ассирийцев при покорении владений Тира и Сидона.

⁵ См.: Jesaia, XXIII, 5 — ka'ašer-šema^c l^mšarjīm Jaḥlū k^cšema^c Sor — „Когда известие в Египет [дойдет], они ужаснутся известием о Тире“. Настоящий стих следует понимать как намек на беспокойство в Египте по поводу поражения Тира. Вероятно, Египет надеялся, что Тир задержит продвижение ассирийцев.

⁶ ARAB, v. II, §§ 239, 326, 347; Heidel, ук. соч., строки 76 — ^mTu-ba-'a-lu ina-ⁱkuššī šarru-u-ti и 77 — eli-šu-un u-še-šib-ma — „Тубалу на престол царства над ним я посадил“.

⁷ ARAB, v. II, § 239; Heidel, ук. соч., стр. 79—80.

⁸ ARAB, v. II, § 239; Heidel, ук. соч., строка 89.

⁹ ^mAb-di-li-'ti ^ālu A-ru-da-a-a.

¹⁰ ^mU-ru-mil-ki ^ālu Gu-ub-la-a-a.

¹¹ a-di 4-šu — Heidel, ук. соч.

¹² ARAB, v. II, § 284.

¹³ См. ниже, стр. 69.

¹⁴ Т. е. 900 кг золота и 24 000 кг серебра.

весина горных деревьев, разноцветные шерстяные и льняные одежды, пурпуровая шерсть, медные сосуды, железо, бронза и свинец, обитые железом колесницы, щиты, мечи, копья и кинжалы из железа, луки и стрелы. Надо полагать, что немалое количество перечисленной дани являлось произведением местного ремесла. Широкое же развитие ремесла бесспорно сочеталось с развитой торговлей, в которой морская торговля играла несомненно важнейшую роль. Недаром иудейский пророк Исайя, сокрушаясь о падении Тира и Сидона, говорит о том, что для „кораблей таршишских“ нет более пристани.¹ В качестве одной из ближайших к Тиру и Сидону гаваней Исайя указывает Китий на Кипре.² Торговля находилась в руках купцов Сидона³ и Тира,⁴ деятельности которых Синаххерибом был нанесен сокрушительный удар.

Элегия Исайи проливает также некоторый свет на общественное устройство торгового города Финикии, в частности „Тира, венчающего венцом, купцы которого — князья, торговцы — почтенные земли“.⁵ Настоящая цитата указывает нам на наличие органа власти, совета купеческой знати, существующей наряду с царской властью. Как известно, в Тире еще в IX в. до н. э. существовало народное собрание, в функции которого даже входило возведение царя на престол.⁶ Наряду с ним существовал и совет старейшин, члены которого именуются у позднего автора Юстина „сенаторами“⁷ и „виднейшими людьми в государстве“.⁸ Как явствует из того же текста, к ним также относилась самая богатая часть населения.

Таким образом, мы видим, что в Тире власть принадлежала царю и совету старейшин, который наряду с царем осуществлял контроль над политикой государства в своих интересах, по всей вероятности, в первую очередь торговых.

Для Ассирии борьба с халдейским Вавилоном была первоочередной задачей. После покорения и подчинения городов Финикии Синах-

¹ Jesaia, XXIII, 1 — *hēlīlū 'onījōt tar^ošīš kī šuddad mibbājīt mibbo'* — „Плачьте, корабли таршишские, ибо разрушена ваша пристань“; см. также: Jesaia, XXIII, 16, 17. Слово *mibbō'*, вероятно, первоначально огласовывалось *mībbō'* — „пристань“, а *mibbājīt* является или глоссой или диттографией. Ср. XXIII, 10 в значении „пристань“ *mezaḥ*; вероятно, следует читать *māḥoz*. „Корабли таршишские“ не следует в данном случае считать кораблями, совершавшими свои рейсы непременно в Тартесс в Испании. В VIII в. под этим названием подразумевались торговые корабли дальнего плавания.

² Там же.

³ Там же, 2, — *dommū još^obē'i soḥēr šīdōn* — „Погибли жители суши — купец Сидона“ (собираательная форма).

⁴ Там же, 8 — см. ниже, стр. 69—70.

⁵ Там же... *'al-Sor hamma^aṭīra 'ašer soḥarēha šarim kin^aneha nikbade 'areš*.

⁶ Justin, XVIII, 4, 4. Речь идет о возведении народом (populus) царя Пигмалиона на престол.

⁷ Там же, 4, 15 — *senatores*.

⁸ Там же, 4, 9 — *principibus in societatem*.

хериб пользуется трудом жителей завоеванных городов Финикии — Тира и Сидона, а также и Кипра для строительства флота, который должен был спуститься по реке Тигру и уничтожить войска халдеев в дельте Тигра и Евфрата. Корабельные команды были также укомплектованы из жителей Тира, Сидона и Кипра.¹ Жителей Тира, „которые не покорились игу“ Синаххериба, царь вывел [из их страны] и заставил таскать корзины [с землей] и формовать кирпичи“.² Это лишний раз говорит о том, что на короткое время вся Финикия была прочно покорена Ассирией. Но ассирийское иго тяжело отразилось на общем состоянии страны. Поэтому неудивительно, что преемник Синаххериба, Ассархадон, уже в самом начале своего царствования вынужден совершать походы против городов восставшей и отпавшей от него Финикии.

---

¹ ARAB, v. II, §§ 319, 329.

² Там же, § 383; Heidel, ук. соч., Col. V, строки 82—86.

СИРИЙСКАЯ СЕРЕБРЯНАЯ МОНЕТА АНТИОХА IV ЕПИФАНА ИЗ КЛАДА МОНЕТ НА УКРАИНЕ

В г. Корсунь-Шевченковском на Украине в 1917 г. был обнаружен клад серебряных и медных монет III—II в. до н. э. Клад состоял из нескольких медных монет Ольвии (III—II в. до н. э.), одной медной монеты Антигона из Никеи, начала II в. до н. э., сирийской серебряной монеты (тетрадрахмы) Антиоха IV Епифана (175—164 гг. до н. э.) и серебряной монеты (тетрадрахмы) начала III в. до н. э. г. Катаны (Сицилия).

Подробностей о находке клада не имеется, так как владелец монет погиб во время гражданской войны на Украине, а его соседи сохранили часть монет из клада. Я приношу свою благодарность учителю истории средней школы им. Михельсона, пос. Ухтомского, Московской области Ю. М. Куртову, предоставившему мне в пользование монеты из этого клада.

Факт находки серебряной сирийской монеты Антиоха IV Епифана на Украине является редким и имеет значение для науки. Монета Антиоха IV Епифана имеет хорошую сохранность и покрыта густой черноватой патиной, придающей ей тусклый вид. Серебряный блеск монеты на фоне ее общего черноватого тусклого цвета выступает лишь в выпуклых частях изображений и греческого текста. Все это говорит за ее древность и подлинность. Хорошая сохранность монеты, как и других монет из клада, свидетельствует о том, что они, вероятно, были помещены в прочном глиняном сосуде.

Монета изготовлена чеканкой штемпелем с выпуклой верхней частью, что характерно для эллинистической техники.¹ Ее диаметр 25.5 мм. На лицевой стороне монеты имеется прекрасное изображение головы Антиоха IV Епифана в профиль вправо в диадеме, стягивающей выющиеся волосы и локоны, ниспадающие на виски. На реверсе монеты изображен Юпитер, сидящий на троне. В правой руке он держит крылатую Викторию, а левой опирается на свой скипетр. На реверсе

¹ Эллинистическая техника. Сборник статей. Изд. АН СССР, 1948, стр. 257.

монеты по сторонам изображения Юпитера имеется текст на греческом языке: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ — „Царь Антиох божественный Епифан победоносный“. Антиох IV Епифан здесь изображен в молодости (рис. 1 и 2).

Из собраний античных монет в СССР одна медная монета Антиоха IV Епифана опубликована в труде проф. А. Н. Зографа „Античные монеты“.¹ На этой медной монете царь Антиох IV Епифан изображен в молодости и неясно.

В других изображениях на монетах Антиох IV Епифан представлен с бородой, хотя текст и титулатура на монетах та же, что на нашей

Рис. 1. Монета Антиоха IV Епифана (лицевая сторона).

Рис. 2. Монеты Антиоха IV Епифана (оборотная сторона).

монете. В собраниях из Британского музея на монетах из Тарса Антиох IV Епифан на лицевой стороне представлен в профиль также молодым, с диадемой на голове, текст на реверсе несколько другой: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥ.

Находка монеты в данном составе клада дает возможность предположить, что она проникла на территорию северного Причерноморья не случайно, а в результате существовавших экономических связей с Сирией и областями бассейна Средиземного моря. Об этих связях свидетельствуют монеты Филиппа II Македонского и Александра Македонского, найденные в Ольвии и Одессе (современной Варне).² Полководец Александра Запирион совершил в последние годы жизни македонского царя поход на богатые греческие колонии северного Причерноморья и Скифию, но поход был неудачным.³ Следует предположить, что в III—II вв. до н. э. возникли торговые связи Причерноморья с Сирией. Это предположение опирается на подпись из Одесса, относящейся ко II в. до н. э., составленной в честь посла антиохийца Гермия, сына Асклепиодора, к скифскому царю Каниту, на которую первый обратил внимание академик В. Латышев.⁴

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР, № 16, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 235, табл. XIV, 6.

² А. Н. Зограф, ук. соч., стр. 234, табл. XI, 16.

³ Д. П. Каллистов. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952, стр. 84—85.

⁴ В. В. Латышев. Исследования о государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 134.

Приводим перевод греческого текста надписи: „Было решено советом и народом, Кратистен сын Зоила, предложил: поскольку Гермий, сын Асклепидора, антиохиец, пребывал у царя скифов Канита, остается со своей стороны благосклонным и расположенным к народу и собственными средствами помогает встречающимся с ним гражданам, не оставляя рвения к просящим ни в чем, [то] да будет решено советом и народом дать ему и потомкам проксению, гражданство, проэдрию, беспошлинность на все имущество, которое они будут ввозить или вывозить для обогащения, и право приобретения недвижимости и суд в первую очередь, приплытие и отплытие и во время войны и во время мира неприкосновенно и без договора, и да будет для них доступны совету и народу первыми после священных дел, и да напишет иеропой это постановление на узкой плите, и да положит в храм“.

Из надписи видно, что у антиохийцев, а следовательно, и у Сирии были дипломатические и торговые связи с греческой колонией западного побережья Черного моря Одессом и, вероятно, с другими колониями греков северного побережья и скифским царем Канитом, имя которого указывается в надписи. Нам известно, что царь скифов Канит, предшественник Скилура, чеканил свою монету в греческой колонии Томи и Ольвии, которые были ему подчинены.

Царь Канит, судя по тому, что впоследствии его столицей был Неаполь в Крыму, близ Симферополя, имел довольно обширные владения, включающие и Ольвию.¹

Надпись греческой колонии Одесса и найденная в Корсунь-Шевченковском на Украине сирийская монета Антиоха IV Епифана, а также факты выпуска царем Канитом скифской монеты в Ольвии говорит о том, что торгово-обменные операции Сирии со Скифией существовали до II в. до н. э.

Кроме дарования антиохийцу Гермию, сыну Асклепидора, проксении, т. е. прав греческого гражданства и других привилегий ему и потомкам, в надписи ясно говорится о даровании прав на беспошлинность на все имущество, которое они будут ввозить или вывозить для обогащения, т. е. указывается на торговлю и право приобретения недвижимости, приплытие и отплытие во время войны и мира, неприкосновенно и без договора.

Академик В. В. Латышев датирует надпись Одесса 250 г. до н. э.² Так же ее датирует II в. до н. э. и немецкий ученый Бек. Эта надпись изобилует лунарными изображениями сигм и омег и напоминает декрет Протогена,³ относящийся к 278—213 гг. до н. э.

¹ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. Вестн. древн. истории, № 3, 1939, стр. 251.

² В. В. Латышев, ук. соч., стр. 124.

³ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 251.

Таким образом, одесскую надпись можно отнести к правлению сирийского царя Антиоха II Теоса (261—247 гг. до н. э.) Примерно с этого времени можно констатировать торгово-обменные отношения связи Сирии с западным и северным Причерноморьем. Связи с западным Причерноморьем определяются и посмертной монетой Александра Великого из Одессы, приведенной выше, т. е. 275—250 гг. до н. э.

Находка сирийской монеты Антиоха IV Епифана в г. Корсунь-Шевченковском на Украине, никейской (Малая Азия) и монеты Катана приводит к предположению, что сирийские, сицилийские и никейские купцы вели свои операции со Скифией в обход г. Ольвии, которая брала большие пошлины за привозимые товары.

Торговля в Ольвии разрешалась лишь на основе обмена иностранной монеты на ольвийскую медную и серебряную монету, а место торговли устанавливалось в Ольвии в „екклизнастерии“ на камне, откуда обычно произносились речи в ольвийском народном собрании. Естественно, что такая принудительная торговля в Ольвии была не всегда выгодна, но зато способствовала тому, что курс ольвийских денег держался на значительной высоте.¹

Конечно, это стесняло торговлю соседей Ольвии — скифов, которые, по-видимому, вели ее помимо Ольвии. Иначе трудно объяснить наличие в Корсунь-Шевченковском кладе не только ольвийских монет, но монет из Сирии, Никеи, Катаны (Сицилия), что особенно относится к медным монетам из Корсунь-Шевченковского клада, ценность которых была невелика и хранение вряд ли было целесообразным.

Самый факт обмена и торговли северного Причерноморья с Сирией во II в. до н. э. заслуживает большого внимания, так как до последнего времени об этой торговле и обмене было известно лишь косвенно из одесской надписи, относящейся к западному Причерноморью.

Наконец, сирийская монета царя Антиоха IV Епифана представляет большой художественный интерес, как образец эллинистического искусства.

---

¹ Декрет о деньгах и торговле в Ольвии — IPEI² 24 1¹ II.

СИРИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Известно, какое широкое распространение на Востоке имели сказания об Александре Македонском. В основе их лежали различные версии греческого „Романа об Александре“ псевдо-Калисфена, который неоднократно подвергался переработкам, дополнениям и припискам. Восточные „Александрии“ на различных языках были излюбленным чтением в течение всего средневековья.¹ Стихотворные поэмы и сказания о походах греков переписывались и тщательно украшались миниатюрами.

На Ближнем Востоке сирийская литература не избежала общей участи. Очарование образа великого завоевателя, его войн, его дальних странствий, вызвали к жизни целую серию литературных памятников на сирийском языке. Они составили как бы некоторый свод, который так последовательно и переписывался. Это собрание сирийских „Александрий“ дошло до нас в поздних несторианских рукописях XVI, XVII и XVIII вв., подробно и тщательно вокализованных; текст, по всей видимости, неоднократно и часто переписывался.

В сирийский свод входит версия романа псевдо-Калисфена, христианская легенда об Александре, стихотворная гомилия Иакова Серугского.² Известна также краткая версия — извлечение из романа об Александре псевдо-Калисфена по рукописи IX в.³

Сирийский распространенный перевод псевдо-Калисфена обнаруживает большое сходство и близость к арабской версии, что побудило ученого издателя сирийского свода Баджа предположить, что сирийский перевод был сделан с арабского.⁴ Однако тщательный анализ сирийского текста псевдо-Калисфена привел Т. Нельдеке к другому выводу, который и следует признать правильным. По мнению этого

¹ Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М., 1948, стр. 4.

² E. A. W. Budge. The history of Alexander the Great, being the syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889.

³ P. de Lagarde. Analecta syriaca. Lipsiae, 1858, стр. 205—208.

⁴ E. A. W. Budge, ук. соч., стр. LX.

выдающегося востоковеда, сирийский текст синтаксически не находится в зависимости от арабского и проявляет тенденцию ставить глагол после подлежащего. В сирийском тексте имеется ряд персидских слов и отсутствуют арабские. Имена божеств, царей соответствуют персидским наименованиям. Сирийскому тексту известна крепость построенная сасанидами на Кавказе — „крепость Иверии“, Юроейпаах, о которой упоминает Приск. К этим доводам Нельдеке высказал еще соображения относительно частой замены звуков *p* и *l*, что не может соответствовать ни греческому, ни арабскому, а только пехлевийскому оригиналу.¹ К этому следует добавить хорошую осведомленность сирийского псевдо-Калисфена в географии Ирана, где даны пехлевийские (персидские) названия областей, городов и рек (Согд, Балх, Самарканд, Вехрот-Окс, Гурган-Гиркания).²

Общие соображения заставляют полагать, что едва ли в послесасанидское время сирийцы продолжали сохранять знание пехлевийского языка. Поэтому Нельдеке относит как недошедший пехлевийский текст псевдо-Калисфена, так и его сирийский перевод ко времени до VII в. Однако следует отметить, что и в VIII в. ученые сирийцы-несториане занимались переводами.³ В известных кругах эта книга много читалась. На связь частей сирийской версии с арабскими указывают и новые данные Мешхедской рукописи, содержащей книгу Ибн ал-Факиха.⁴ С сирийским связан и эфиопский перевод романа.

Несомненный интерес представляет входящая в сирийский свод христианская легенда об Александре, перевод которой дан ниже (стр. 88). Содержание этой легенды следующее. Александр, призвав своих близких сообщает им о своем желании направиться к последним пределам земли, узнать „на чем стоит небо“. Ему отвечают, что океан — грязное, вонючее море — препятствует возможности видеть край вселенной, но Александр решает убедиться в этом сам, а также попутно захватить земли других царей. В Александрии было собрано войско в 320 тысяч мужей и на кораблях оно прибыло в Египет. Здесь Александр берет у Сарнака, египетского царя, 7 тысяч кузнецов, которые должны двинуться с его войском.

За одиннадцатью светлыми морями, после четырех месяцев и двенадцати дней плавания, корабли достигли твердой земли. Отсюда Александр послал приговоренных к смерти людей к грязному морю,

¹ Th. Nöldeke. Beiträge zur Geschichte des Alexanderroman. Denkschrift der K. Akademie der Wissenschaften, Philos.-histor. Classe, Wien, 1890, стр. 12—15.

² Там же, стр. 15—16.

³ Там же, стр. 17.

⁴ П. Г. Булгаков. Арабская параллель к 24-й главе III книги сирийской версии романа об Александре. Палестинский сборник, вып. 2 (64—65), 1956, стр. 53—57.

приблизившись к которому они умерли. Тогда царь Македонский решает отправиться к светлому морю, где восходит солнце.

Затем „на западе“ Александр находит большую гору Мусас, очевидно (Масис — Арарат), а также истоки Евфрата. На Кавказе Александр призывает старцев, которые рассказывают ему о диких народах, живущих за горой, называемых гуннами. Их наступление повергает всех в ужас. Александр решает выстроить железные ворота с замками, между скалами, чтобы преградить возможность нашествий гуннов. Такие ворота были построены, и на них была сделана надпись. Персидский царь Тубарлак с другими царями выступает против Александра. Разбитый Тубарлак признал себя побежденным и охрану железных ворот персы и ромеи приняли на себя в равной мере. Александр удалился с войсками „из Парса“.

В том виде, как до нас дошла легенда, она несомненно составлена из разнородных частей, малоискусно соединенных в одно повествование.

Первая часть легенды связана с теорией мироздания, так как в ней сообщается о том, что находится на краю вселенной. Чтобы сделать сведения о солнце, небе и земле достоверными, в свидетели приведен Александр, которому легче всего было приписать путешествие на край земли. В представлении составителя легенды земля за одиннадцатью „светлыми“ морями окружена „грязным“ океаном, который препятствует возможности достигнуть ее края. Самая идея „грязного“ океана могла родиться в связи с природой Мертвого моря, хорошо известного на Ближнем Востоке. Рассказ о солнце, как оно выходит из окошка, как от него прячутся в пещерах, является домыслом, попыткой объяснить эти сложные явления смены дня и ночи. Во второй части легенды затронуты другие вопросы мироздания, известные из предшествующих сочинений греческих и сирийских, распространенных на Ближнем Востоке, как четыре реки, текущие из „рая эдемского“, а также расположение рая — „парадиза“ между небом и землей, „как град прекрасный и мощный, таким он виден между небом и землей“. О четырех райских реках и парадисе существовало много легенд, которые разукрашивались и изменялись в изложении различных авторов.¹

В этой части легенды Александр готовит в Александрии войска для выступления и просит кузнецов у Сарнака, царя Египта. Но совершенно очевидно, что географические представления здесь неясные, потому что войска Александра расположились „на горе Синай“, а потом на кораблях „прибыли в Мицраим“.

Более основательными являются сообщения второй части легенды, географически связанной с Кавказом. Александр был на востоке,

¹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 76—77.

где имеется окошко в небе, из которого выходит солнце, он „посмотрел на запад неба и нашел большую гору, по которой спустился“. Текст здесь неожиданно переходит к новой теме, имеющей реальное содержание, так как речь идет о различных областях и географических пунктах Кавказа. „Мусас большая“ — это Масис, гора Арарат, по которой Александр спускается, очевидно, с севера на юг, так как он попадает в Колхиду (Калодия), затем к истокам Евфрата и Халуру. У реки Халат они поднялись к горе Рамат, с которой направились „в северный край, вышли в Армению, Адорбайган и во внутреннюю Армению“. Далее его путь лежит по ряду областей, и он вновь проходит „у горы Мусас“, т. е. у Арарата. Только две составные части всего этого пути географически оправданы — от Арарата к истокам Евфрата и Халуру, с одной стороны, и от Калата на север в Армению, с другой стороны.

Третья часть легенды содержит описание постройки железных ворот, которые были воздвигнуты Александром, чтобы „запереть“ гуннов и отрезать им возможность выхода за Кавказский хребет. Описано сооружение ворот подробно и даны размеры отдельных их частей, что придает этому сообщению реалистический характер.

„Люди той земли“, т. е. той части Кавказа, где находились железные ворота сообщили о приходе Александра царю персов Тубарлаку. Четвертая часть легенды посвящена войне Александра с коалицией 82 царей, которые „восстали“ против него. Чудесным образом Александр побеждает всех. В этой части легенды имеется не мало данных, позволяющих определить время ее возникновения. Ворота по соглашению между Тубарлаком и Александром должны были охраняться 600 мужей „из ромеев“ и такого же числа воинов-персов. Это обстоятельство живо напоминает сообщение Приска Панийского о том, что персы охраняли „крепость Юроейпах (*Ἰουροειπάχῃ*), находящуюся у Каспийских ворот“, ¹ а также соглашение между персами и ромеями, о котором говорит Иешу Стилит, помогать в случае войны, направляя отряд в 300 человек воинов с оружием и конями. ² Тот же хронист говорит: „В наши дни Пероз, царь персидский, из-за войны с кионайе, т. е. с гуннами, неоднократно получал золото от ромеев, не требуя его как подати, но вызывая их усердие, будто бы ради них он вел с ними борьбу, чтобы они не перешли в вашу землю“. ³

Нападения гуннов и других кочевых народов, проникавших через ущелья Кавказского хребта в области Междуречья, вплоть до побережья Средиземного моря и на восток в Иран, побудили и персов и

¹ Priscus Panitus. Excerpta de legationibus, pars II, ed. C. De Boor. Berolini, 1903, стр. 586—587.

² Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. М.—Л., 1940, стр. 82, 131.

³ Там же, стр. 131.

ромеев оберегать кавказские ущелья. Упомянутая крепость Юроейпаах была одним из их оплотов, в охране которого были заинтересованы оба государства.

Вторжения гуннов известны по целому ряду источников. К 707 г. по селевкидской эре, т. е. к 395/96 г. относится их нападение на византийские области, сопровождавшееся опустошениями и уводом в рабство. Вся Сирия находилась в руках гуннов „благодаря предательству епарха Руфина и слабости стратилата Аддая“.¹ Упомянутый сирийской хроникой Руфин как временщик пытался захватить престол Аркадия, одного из сыновей императора Феодосия. 27 ноября 395 г. Руфин был убит солдатами, следовательно, нападение гуннов имело место именно в этом году. Об этом нападении упоминает и Сократ, считавший, что Руфин „призвал варварский народ гуннов“ в ромейские земли, что согласуется с мнением Иешу Стилита об измене Руфина. Клавдиан в сочинении „против Руфина“ упоминает о том, что гунны прошли через „Каспийское ущелье“ в Армению и наводнили области на востоке империи.²

Около 448 г. через Кавказские горы прорвались Васих и Курсих, принадлежавшие к войску Атиллы „мужи из царских скифов и начальники многочисленного войска“ и напали на области Ирана.³ Сохранивший об этом рассказ Приск Панийский сообщает, что, по их словам, они переправились через какое-то озеро, которое они считали Меотидой (обычно Азовское море), предварительно преодолев степные пространства. Через пятнадцать дней, миновав горы, они перешли персидскую границу и произвели жестокие опустошения. Персидское войско напало на них и отняло обратно большую часть добычи. Отступая, отряды Васиха и Курсиха были вынуждены следовать „другой дорогой“, где пламя вырывается из скалы. Через несколько дней они возвратились к себе. Отсюда стало известным, что Скифия и Мидия (Иран) находятся недалеко друг от друга. Из текста нельзя заключить, какие этнические группы произвели нападение на персидскую территорию, наиболее вероятно, это это были смешанные группы „скифов“ и „гуннов“. Первый раз орды Васиха и Курсиха прошли через ущелья, расположенные ближе к западу, к Меотиде, откуда они и шли. Это могло быть дарьяльским ущельем. „Другая“ дорога, по которой они возвращались, где был виден „огонь“, вырывающийся из скалы, скорее всего была дорогой через Дербентский перевал.⁴

¹ Там же, стр. 131.

² Socratus Scholasticus. Ecclesiastica Historia, 6, 1, ed. Hussey, t. II. Oxonii, 1853, стр. 656; Claudianus adversus Rufinum, 2, 25. Socratus Historia, t. III. Annotationes, стр. 438.

³ Priscus Panitus, ук. соч., pars I, стр. 141.

⁴ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 45—46. (В дальнейшем: Н. Пигулевская. Сирийские источники).

В середине V в. в Армении возникло движение, продолжавшееся долгое время, направленное против Ирана, в которое были вовлечены соседние государства. Армяне пытались связаться с соседями для того, чтобы противопоставить силам персов целую коалицию. На стороне Армении приняла участие в борьбе Албания (агваны). Общими усилиями персидские отряды были выбиты из „гуннских гор“. Вагану, родственнику царской семьи агван, была поручена охрана важнейшего ущелья. Ему же армяне поручили войти в соглашение с гуннами, к которым он был направлен в качестве посла, и со „многими другими варварами“. Союз с варварскими племенами был подтвержден клятвами с обеих сторон.¹

В 451 г. армянские войска перешли Куру и под предводительством Вагана разбили персидские войска, а затем двинулись к ущелью, разделяющему страну „агван и гуннов“. Персидский гарнизон был выбит из этой крепости, и охрана ворот возложена на отряды Вагана.²

К 453/54 г. относятся войны персов с эфталитами на среднеазиатской границе. Тогда же восстали охранявшие Алланские ворота гарнизоны, состоявшие из армян, иверов и аллан.³

Таким образом, охрана Кавказских ущелий и так называемых „ворот“ в течение веков была предметом беспокойства и постоянного внимания как для Византии, так и для Ирана.

Нападения гуннов со стороны Кавказского хребта имеют место и в VI в. В сирийской хронике Захарии Ритора имеется сообщение о нападении гуннов в царствование императора Анастасия, но в ее текст вкрались некоторые анахронизмы, которые были подвергнуты анализу.⁴ Сирийская хроника относит войну персов с гуннами к тринадцатому году правления Анастасия. Но то, что персы при Каваде после заключения мира с Византией вели борьбу с гуннами, указывает скорее на пятнадцатый год Анастасия, т. е. 504/05 г., как это можно заключить из сообщения Прокопия Кесарийского.⁵ Гунны эти находились в северо-западной стороне и прошли через „ворота“, т. е. через ущелья Кавказских гор.

---

¹ *Elisée Vartabed. Histoire d'Armenie. Collection des historiens anciens et modernes par V. Langlois, t. II. Paris, 1869, стр. 208—209; Н. Пигулевская. Сирийские источники, стр. 46.*

² *Lazare de Pharbe. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie par V. Langlois, t. II. Paris, 1869, стр. 293—294.*

³ *Elisée Vartabed, ук. соч., t. II, стр. 185—186, 189; J. Marquart. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901, стр. 56; Н. Пигулевская. Сирийские источники, стр. 43; R. Ghirshmann. Les chionites hephtalites. Le Caire, 1948, стр. 86.*

⁴ *Н. Пигулевская. Сирийские источники, стр. 65—66.*

⁵ *Procopius Caesarensis. De Bello persico, I, cap. 10; Opera omnia, t. I, ed. J. Hauriy. Lipsiae, 1905, стр. 47.*

Хронографы Малала и Феофан говорят о нападениях гуннов, проврвавшихся через Каспийские ворота опустошивших Армению и Каппадокию. Феофан дополняет к этому Галатию и Понт, как подвергшиеся разорению области. Хронология Феофана, как известно, требует всегда поправок, это событие он расположил под 6008 г. греческого летоисчисления. Комит Марцеллин относит нападение гуннов-сабиров на области Армении и Малой Азии к 515 г.¹

В тексте рассматриваемой сирийской легенды имеются две даты, обе даны как пророческие, предусматривающие события, которые должны были произойти в отдаленном будущем. Все основания предполагать, что эти даты даны по селевкидскому летоисчислению, которое велось „от Александра“, и они могут быть привлечены для определения времени составления этой легенды.

Год 826 соответствует 514/15 г., когда произошло нападение гуннов на области Армении и Малой Азии. В пророчестве Александра в легенде говорится, что в этот год „выйдут гунны по малой дороге, которая выходит против Хилораса, откуда вытекает Тигр, подобно доске, вращающей жернов“.²

Вторая дата вложена также в уста Александра: „И еще я пишу, возвещаю и пророчествую, что по прошествии девятисот сорока лет... другой царь...“ Текст здесь несколько испорчен, но дата сохранилась и несомненно относится к еще одному нападению „варварских народов“. 940 год по селевкидскому счислению соответствует 628/29 г.³

Нельдеке, принимая во внимание первую из дат, относил этот памятник к 514/15 г., ко времени нашествия гуннов-сабиров. Что касается пророчества относительно 940(628/29) г., то Нельдеке считал его „чисто фантастической картиной“, не имевшей „опоры в фактах“.⁴ Но так как 628 год был годом нашествия хазар, проникших через Дербентское ущелье благодаря попустительству Византии при императоре Ираклии, то следует полагать, что здесь имеется указание на этот факт. Едва ли это — интерполяция, внесенная позднее в составленный раньше основной текст.

Близко к христианской легенде по своему содержанию стоит стихотворная гомилия (мимра) из четырехстрочных строф по двенадцати слогов в строке.⁵ Ошибочно эту гомилию приписывали Иакову Серугскому, плодовитому сирийскому писателю и поэту, умершему в 521 г.⁶

¹ Theophanes. Chronographia, ed. De Boor, t. I, Lipsiae, 1883, стр. 161; Marcellini comiti. Chronicon. Monumenta Germaniae historica, t. XI, ed. Mommsen, pars II, стр. 99.

² E. A. W. Budge, ук. соч., стр. 268.

³ Там же, стр. 269.

⁴ Th. Nöldcke, ук. соч., стр. 31.

⁵ A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, стр. 191.

⁶ G. Knös. Chrestomatia. Syriaca. Göttingen, 1807; A. W[eber]. Des mor Yağûb Gedicht über den gläubigen König Alexander. Berlin, 1851, стр. 9—35.

6 Палестинский сб. вып. 3

Это анонимное стихотворное произведение, в первой части по содержанию совпадающее с нашей легендой, которое было составлено между 628 и 637 гг.¹ Как и в легенде, Александр высказывает желание дойти до пределов земли, до зловонного моря, берет у Сарнака, царя Египта, 12 000 ремесленников и отправляется в путь. Александр спрашивает совета у 300 старцев, но затем повествуется о его путешествии в страну тьмы и источника живой воды, чего нет в легенде. Имеются рассказы о Тубарлаке, царе Персии, и о народах „агог и магог“. Описывается также построение железных ворот, как и в легенде, с большими подробностями и сведениями о ширине и длине их отдельных деталей.² Но далее следует явление Александру ангела, который сообщает македонскому царю, как произойдет конец мира. В этих эсхатологических представлениях значительное место принадлежит и железным воротам, которые будут настез открыты перед концом света. Следует вспомнить, что и приписываемое Ефрему Сирину „Слово“, в котором упоминаются железные ворота и описываются гуны, также содержат эсхатологические мотивы; оно так и называется: „Слово о агоге и магоге и о последнем конце“.³

Таким образом, оба эти произведения — „Мимра“, и „Слово“ — связаны друг с другом теснейшим образом по замыслу и сюжету. Возможно, что и написаны они приблизительно в одно и то же время, в начале VII в. Много оснований предполагать, что их предшественником была наша „Легенда об Александре“, которая дошла, однако, в неисправных рукописях, с небольшими пропусками, как на это указано нами ниже.

Нашествия „гуннов“ и „хазар“ в первой половине VII в. потрясли всю жизнь Закавказья и Междуречья и оставили глубокий след в литературе сирийцев. „Легенда об Александре“ ставила целью описать нашествия гуннов и постройку железных ворот. „Слово о последнем конце“, приписываемое Ефрему Сирину, и анонимная стихотворная гомилия использовали данные „Легенды“, но оба эти произведения имеют свою особенность в эсхатологических дополнениях. В „Легенде“ значительное место занимают географические данные, представления о пределах мира, о строении вселенной, в обоих стихотворных произведениях получает развитие тема о конце мира, его последних судьбах, которые пророчески открыты Александру.

¹ C. Hunnius. Das syrische Alexanderlied. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Bd. LX, 1906, стр. 169—209, 508—589, 802—821 (сирийский текст и немецкий перевод); датировку см. стр. 171; A. Baumstark, ук. соч., стр. 191.

² C. Hunnius, ук. соч., стр. 564—567.

³ St. Ephraem Syrus. Hymni et sermones, ed. Th. J. Lamy, t. III, Mechliniae, 1889, столб. 211.

В христианской легенде македонский царь — праведный и удостоенный особого благоволения правитель. Следует согласиться с Нельдеке, что непосредственным источником гомили был наш памятник — христианская „Легенда об Александре“. Высказывались предположения, что обе они восходят к общему источнику.¹ Следует указать и на приписываемое Ефрему Сирину „Слово о последнем конце“, в котором упоминаются ворота, построенные Александром, перечисляются народы, жившие за этими воротами и от которых была построена эта защита. Особо упоминаются гунны, охарактеризованные как „народ, стоящий на первых ступенях варварства, что совпадает с содержанием гомили и христианской легенды. Однако высказывались сомнения относительно принадлежности этого слова Ефрему Сирину.“² Следует отметить, что „Житие Ефрема Сирина“, составленное в IV в. его ближайшими учениками, сообщает, что Ефрем был свидетелем нападения гуннов на Эдессу, где он прожил последнюю часть своей жизни и умер в 373 г.³

Нападение гуннов на области Междуречья и на Сирию известно сирийской хронике Иешу Стилита, относящей это событие к 395/6 г. Следовательно, Ефрем не мог быть его свидетелем. Но армянский агиологический источник V в. сообщает, что шаханшах Шапур II (309—379 гг.) в ходе войны с армянами в 368—371 гг. призвал на помощь гуннов и открыл им „ворота аллан“. Гунны и другие перечисленные автором народы наводнили Адорбайган (Азербайджан) и всю Армению.⁴ Фавст Бузанд сообщает о тех же фактах, несколько иначе их интерпретируя, и о победе византийских и армянских войск над персами и их союзниками.⁵

Таким образом, можно предполагать, что Ефрем Сирин был свидетелем нападений гуннов, и рассказ в его „Житии“ не является вымыслом. В „Слове о последнем конце“ гуннам уделено особое место,⁶ описание их обычаев повторяется затем на протяжении веков у различных сирийских авторов, до XII в. включительно. Так и Михаил Сириец с некоторыми вариантами повторяет его в своей „Хронике“ в главе XIV, посвященной тюркам.⁷ Те обычаи, которые в „Слове“

¹ W. Bousset. Beiträge zur Geschichte der Eschatologie. Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. XX, 1889, стр. 103—131.

² A. R. Anderson. Alexander's gate, Gog and Magog, and the inclosed nations. Cambridge, Massachusetts, 1932, стр. 16—17.

³ A. Baumstark, ук. соч. стр. 34.

⁴ Vie de st. Nersès. Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, ed. V. Langlois, t. II. Paris, 1869, стр. 34.

⁵ Фавстос Бузанд. История Армении. Ереван, 1953, кн. V, гл. 4—5, стр. 148—156; Collection... ed. V. Langlois, t. I. Paris, 1867, стр. 281—282.

⁶ St. Ephraem Syrus, ук. соч., стлб. 198—199.

⁷ Michel le Syrien. Chronique editée par J. B. Chabot, t. III. Paris, 1905, стр. 149—152; Texte, t. IV, Paris, 1910, стр. 556—568.

относятся к гуннам, позднейшие авторы относят к различным тюркским народам, часто повторяя своих предшественников дословно.

В „Слове“, в главе, предшествующей сообщением о гуннах, перечисляются различные народы, этот список варьирует, имена огласуются по-разному, но в основном список не изменяется, и в нем всегда фигурируют Гог (Агог) и Магог. В „Слове“ первыми названы „Агог и Магог, Наваль и Агаг“, в христианской легенде об Александре повторяются те же имена — „Гог, Магог и Наваль — цари, сыны Иафета“. Имя Агага перенесено с другой огласовкой, как имя Гиг, в число двенадцати имен, о которых говорится, что „это цари гуннов“. В этих именах в „Слове“ и в легенде — большая разница, так что их нельзя сопоставить друг с другом. В качестве народов, которые сопутствуют и „идут с ними“, т. е. с гуннами названы „меды и персы, армяне и трои“. ¹

Если это последнее имя trokaie (𐌲𐌿𐌵𐌰𐌹) прочитывать как „турки“, как предлагает Лами, то это является указанием на позднее происхождение „Слова“, так как до VI в. имя тюрков не упоминается. Тюрки не названы и в легенде об Александре. В тексте „Слова“ в trokaie „вав“ стоит после „реш“ и прочитывать это слово как turkaie можно лишь переставив буквы. Переписчики знали название народа тюрков и сохранили в тексте написание trokai.

Есть основания предполагать, что источником „Слова“, приписываемого Ефрему Сирину, была легенда об Александре. Об этом свидетельствует расположение материала и некоторые детали. В тексте „Слова“, приписываемого мар Афрему (Ефрему Сирину), ворота, „что устроил Александр“, „от гласа божественного“ „поколебались, рухнули и вышли все народы и языки“, которые жили за ними. Далее перечисляются эти народы со ссылкой на пророчество Иеремии. В христианской легенде об Александре перечисляются различные имена, не совпадающие с этим перечнем в „Слове“, причем это имена не народов, а „царей гуннов“. В „Слове“ же, кроме разных имен неизвестных племен или народов, названы и заведомо не гуннские народы, как мидийцы, персы, армяне.

В § 6 „Слова“, непосредственно следующим за пророчеством о народах, описаны гунны и их обычаи, при этом сначала рассказана легенда о военном обряде, а затем о том, с какой ужасающей быстротой, нагоняя страх и ужас, гунны движутся вперед. ² Первый рассказ варьирует в „Слове“ и в „Легенде об Александре“. Часть текста, которая характеризует приближение и нападение гуннов, совпадает, но более полным является текст „Слова“. В „Легенде“ явно выпали некоторые строки текста, который имеет последовательный и понятный смысл в „Слове“.

¹ St. Ephraem Syrus, ук. соч., стлб. 195—198.

² Там же, стлб. 197, 199.

Для сравнения приводим оба текста.

„Слово“¹

Они [гуинны] легки в беге, быстрее ветра и бури. Когда распространяется слух на земле, что пришли в движение гуинны, они восстают со всей вселенной, потому что они волшебники. Между небом и землей летят их повозки, подобно ветру. Их мечи и копыя как страшные молнии, в руках они держат вожжи двух или трех коней. Каждый из них берет с собой человек пятьдесят шестьдесят, они предшествуют и следуют за ним, подобно ветру и бури. Звук улюлюкания одного из них как голос льва, ибо ужас перед гуиннами страшен всей земле, так как они наводняют всю землю, как воды в дни Ноя, покрывают края вселенной и нет никого, кто бы стал перед ними.

„Легенда об Александре“²

Они [гуинны] быстрее ветра, который дует. Они опережают слух во вселенной, что они выступили войной, потому что они волшебники. Они движутся между небом и землей, их повозки, мечи, дробтики летят как страшные молнии, и вожжи они держат в руках, по две, по три пары лошадей у каждого из них. У одного пятьдесят, у другого шестьдесят человек следуют за ним и предшествуют ему. Звук улюлюкания каждого из них страшнее рева льва, так как это воля Божия предавать им народы в руки друг друга. Страх перед гуиннами нападает на всех живых, видящих их, потому что они лишены человеколюбия.

Приведенные тексты указывают на полное их совпадение. В „Слове“, приписываемом Ефрему Сирину, первоначальный рассказ находится в согласии со всей темой „Слова“, одним из источников которого является „Христианская легенда об Александре“. Это сказалося и на перечислении народов, живущих за „железными воротами“; оно имеется как в „Слове“, так и в нашем памятнике.³ Сообщение об амазонках сближает последний с припиской 555 г. в Хронике Захарии Митиленского, которая хронологически предшествовала времени составления „Легенды“.

Следует указать на то, что легенда об Александре Македонском, о народах „гог и магог“ и о железных воротах известна и Корану. В 18 суре, стихах 82—102 содержится краткое изложение этой легенды.⁴ Но здесь расстояние между скатами гор, иначе говоря проход или ущелье замкнуто не воротами, а по распоряжению царя оно было заложено кусками железа и залито расплавленной медью. Завершающие этот эпизод стихи 98—102 имеют эсхатологический характер; когда наступит конец мира, эта преграда рассыпится, а все неверные будут обречены на гибель. На эти данные Корана обратил внимание еще Де-Гузэ,⁵ и они неоднократно упоминались и другими исследователями

¹ Там же, стлб. 199.

² E. A. W. Budge, ук. соч., стр. 264.

³ St. Ephraem Syrus, ук. соч., стлб. 195. E. A. W. Budge, ук. соч., стр. 263.

⁴ Cerani textus arabicus, ed. G. Fluegel. Lipsiae, 1853, Коран. Перевод с арабского Г. С. Сабукова. 3-е изд., Казань, 1907.

⁵ B. J. de Goeje. De Muur van Gog en Magog. Amsterdam, 1888, стр. 1.

легенд и сказаний об Александре. Имя македонского царя в Коране не названо, но его прозвание „двурогий“ ذى القرنين (зюлькарнайн), как и все содержание этой части 18-й суры, не вызывает сомнения в том, что здесь нашло себе отражение сказание об Александре. Прозвание его „двурогим“ и соответствующие изображения его связаны с египетской традицией, нашедшей широкое распространение на всем Ближнем Востоке. Эта традиция уходит своими корнями в культ Озириса и Изиды. В некоторых версиях сказаний об Александре говорится, что ему были даны рога, чтобы ими поразить все народы земли.

Таким образом, имеются все основания говорить о широком распространении легендарных сказаний об Александре именно в VII—VIII вв. н. э.

Большой интерес представляют данные о „железных воротах“. Их географическое местоположение в представлении различных авторов неоднократно перемещалось; это название прилагали к различным ущельям. Существенное значение имеет и совершенно реальное описание самого вида ворот, сохранившееся лишь в этой сирийской легенде.

Ворота, воздвигнутые якобы Александром Македонским, названные Каспийскими, первоначально относили к горному проходу на юго-восток от нынешнего Тегерана, т. е. Сидара или Фируз-Кух. Этот проход между Мидией и Парфией известен Плинию Старшему. Со времени походов Корбулона в 57—67 гг. н. э. Каспийскими воротами стали называть Дарьяльское ущелье в центральной части Кавказского хребта. Об этом говорят многие латинские и греческие авторы, как Тацит, Светоний, Иосиф Флавий, Егезипп, св. Иероним, Прокопий и Иордан. Дарьяльские ворота, названные Каспийскими, в представлении этих авторов были укреплены Александром Македонским, они стали „железными воротами“.

Перенесение традиции о Каспийских воротах на Дарьяльское ущелье отмечалось многими исследователями и было подтверждено и в детальном труде Андерсона.¹ В дальнейшем „Легенда об Александре“ связала с его именем и Дербентское ущелье. Последнее было укреплено шаханшахом Хосровом I Анушерваном, который продолжил устройство стены и ворот, начатые еще при его отце Каваде I. Приписывать эти укрепления Александру было возможно лишь по прошествии известного времени после смерти Хосрова, следовательно, не раньше конца VI или начала VII в. н. э. Во всяком случае это сказание известно Дербент-намэ.

¹ A. R. Anderson. 1) Alexander at the Caspian Gates. American Phil. Ass. Transactions, t. LIX, 1928, стр. 130—163; 2) Alexander's Gate, Gog and Magog and the inclosed nations. Cambridge, Massachusetts, 1932, стр. VII, 15.

Географическое перемещение „ворот“ объясняется тем, что для всей передней Азии особую опасность представляли народы, жившие за Кавказским хребтом и делавшие оттуда набеги. От них и оберегались ромей и персы, отстраивая крепости и валы в ущельях Кавказа.

Среди народов, упоминаемых сирийской христианской „Легендой“ об Александре, сообщается о народе, внешнее описание которого не вызывает сомнения в его северном происхождении. Перечислив гуннских царей, в „Легенде“ на вопрос македонского царя сообщается, что „среди них“, т. е. среди этих народов, имеются племена „с голубыми глазами“, их жены воинственнее мужчин. Эти женщины — амазонки, в бой они отправляются увешанные оружием и „режут мужчин ножами“. Приписка, датированная 555 г. в сирийской „Хронике“ псевдо-Захарии Митиленского, считает ближайшими соседями амазонок народ *hrus* (*hros*). Мужчины этого народа имеют огромные конечности, „у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей“.¹ Маркварт считал эти сведения связанными с представлениями об „иранских номадах“ — сарматах. Так как это данные VI в., то в них можно видеть и описание славянских племен, живших в причерноморских областях.²

В легенде имеются и другие данные, отвечающие исторической обстановке того времени; таково описание кавказской крепости, построенной Александром. Ворота, описанные в легенде, представляют сооружение, существовавшее в действительности, с высоким порогом, тяжелыми дверями, скованными болтами и запертыми на тяжелый висячий замок. Размеры железных ворот и отдельных его составных частей даны в „локтях“. Точность этих измерений можно поставить под сомнение, но общее описание и подробности относительно отдельных частей несомненно говорит о реальном представлении, о воочию виданном сооружении. Все это имеет несомненный интерес, так как кавказская крепость, так часто упоминаемая греческими и сирийскими авторами раннего средневековья, в подробностях ими нигде не описана, кроме нашей легенды.

Космографические представления памятника также сближают его с авторами V—VI вв. Четыре райские реки хорошо известны Филосторгу, как и океан, омывающий всю землю.³ Представления о мироздании Анании Ширакаци, Козьмы Индигоплова во многом совпадают с представлениями сирийской легенды; их общим источником были

¹ Zacharias Rhetor. *Historia ecclesiastica*, ed. E. W. Brooks. *Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores Syri. Series III, t. VI, Parisiis, 1921*, стр. 215.

² Н. Пигулевская. 1) Сирийские источники, стр. 9—12, 80—81; 2) Имя „рус“ в сирийском источнике VI в. н. э. В сборнике статей: Академику Б. Д. Грекову, М., 1952, стр. 42—48.

³ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 76—78.

учения философов-несторинан.¹ Но некоторые детали, сообщаемые легендой, например, о том, как солнце всходит из своего „окошка“ и от него люди прячутся в пещерах, чтобы оно не обожгло их, являются как бы домыслом составителя легенды.

Все приведенные данные указывают на то, что сирийская легенда об Александре в настоящем своем виде появилась в VI—VII вв., но впитала и освоила материалы предшествующих веков. Среда, из которой вышла легенда христианская, сирийская, — хорошо осведомленная и связанная с традициями литературы Ближнего Востока, особенно греческой и сирийской.

Сказание об Александре²

Еще сказание из писаний, что в архиве царей Александрии, о том же Александре сыне Филиппа Македонского, как он вышел к пределам мира, устроил железные ворота и заключил их перед северным ветром, чтобы не вышли гунны и не полонили земель.

Во второй или седьмой год царствования Александра он возложил венец на свою голову, оделся в царские одежды и послал призвать увенченных венцами его царства: стратилатов, Перикиоса и Перагила и все свои войска. Он спросил их и сказал им: „Слушайте все мои дворцовые люди“. Они сказали ему: „Говори, мудрый царь, царь греков, и все, что ты прикажешь нам, будет [исполнено]“. Он сказал им: „Этот ответ подходит мне, но мне любопытно: каково пространство земли, какова высота неба, сколько земель моих товарищей-царей и на чем стоит небо. (256) Туманы и ветры оно выносит, как и столбы огня; вырывающиеся из середины земли, и их выносит небо, и насколько не сдвигается. Или по указанию божию оно поддерживается и не падает? Поэтому я желаю отправиться и увидеть, на чем держится небо и что окружает все творение“. Свободные (ܐܝܢܐ) отвечали и сказали царю: „Прикажи нам сказать“. Он приказал им, и они заговорили и сказали ему: „Господин, что твое царство или твое величество желает отправиться и увидеть, на чем держится небо и что окружает землю, то страшные моря, окружающие мир, не дадут [тебе] дороги. Есть одиннадцать светлых морей, по которым плавают людские корабли. За ними есть земля сухая, около десяти миль. А за этими десятью милями есть море грязное — океан, который окружает все творение. Люди не могут приблизиться к этому грязному морю, корабли не ходят по нему и птицы не летают над ним. И если птица полетит над ним, она отравляется, падает и гибнет в нем. Его воды похожи

¹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 147—156.

² Русский перевод Н. Пигулевской с сирийского по изданию: E. A. Budge. The history of Alexander the Great being the syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889, стр. 255—275.

на гной (μοῦχλα), а люди, если выкупаются в нем, тотчас умирают. Листья деревьев, что около него, высыхают как будто слизывает их огонь от ветра этих вод“.

И сказали это знатные Александру. Он ответил им: „Вы своими ногами ходили и видели, что море таково?“. Сказали ему: „Нет, мудрый царь (257). То самое, о чем думало твое величество, думалось и нам. Мы отправились, чтобы посмотреть на чем покоится небо, но не дало нам прохода грязное море“.

Сказал им Александр: „Я не считаю вас лжецами, но если вы пошли, а море не дало вам прохода, чтобы пройти, то и я отправлюсь и посмотрю все края неба. И если есть царь, земли которого больше моих, то я захвачу его земли и убью его, даже если они с той стороны, откуда выходят хищники“.

И послушали все дворцовые люди, что им сказал Александр. Тотчас зазвучали рога в Александрии, и было подсчитано войско — триста двадцать тысяч мужей, чтобы выступить с ним. Царь Александр склонился и поклонился, говоря: „Бог, господь царей и судей, ты, который ставишь царей и расторгаешь их власть, я постиг своим разумом, что ты возвеличил меня среди всех царей, дал мне рога на моей голове, чтобы я сломил ими государства мира. Дал мне помощь с неба, чтобы я прославил тебя, получил силу большую, чем царства мира, и я унизил бы их. Я возвеличу имя твое, господин, навеки, и да будет память твоя вовеки. Я напишу имя твое, Боже, в хартии моего царства, дабы была память о тебе во всякое время. Если придет в мои дни Христос, который есть сын Божий, то почту его я и мои войска. Если же он придет не в мои дни, то когда я пойду и подчиню царей, (258) захвачу их земли, этот трон-седалище из серебра, на котором я сижу, я возьму и поставлю его в Иерусалиме. Когда Христос придет с небес, он сядет на престол моего царства, так как его царство пребывает вовеки. Семьсот литр¹ золота будет даром Христу, когда он придет. Если я умру в какой-нибудь другой стороне мира или здесь в Александрии, пусть будет взята моя царская диадема и повешена на троне, что я подарил Христу. Каждый царь, который умрет в Александрии, его диадема пусть будет взята и повешена на трон из серебра, что я подарил Христу“.

Они выступили и отправились на гору Синай, расположились на ней и отдохнули. Они пустили суда в море и прибыли в Мицраим, который есть Египет. Спустились наблюдатели и смотрели, прозрачны или непрозрачны² моря и их волны. Ответили и сказали военачальники: „Царь Александр, не может следовать дальше лагерь без кузнецов. Прикажи, чтобы они отправились с нами из Египта, потому что таких

¹ Литра — мера веса, равна около 300 г.

² Буквально „видимы или невидимы“.

кузнецов, как египетские, нет на земле“. Призвал Александр Сарнака, царя египетского, и сказал ему: „Дай мне семь тысяч мужей, работающих по меди и железу, чтобы они отправились со мной. Если я приду из земель, в которые я уведу их, куда они попросят, я их пошлю, а если они попросят [остаться] в одной из земель, подвластных моему государству, я им это предоставляю. Они не будут (259) давать [подать]¹ царю, но они будут давать нам“. И избрал Сарнак, царь Египта, семь тысяч мужей, работающих по меди и железу, и дал их Александру, и они ели хлеб друг с другом.

Суда отправились в море и плавали по морю четыре месяца и двенадцать дней и достигли земли твердой, внутри одиннадцати светлых морей. Расположился Александр и его войско и послал призвать эгемона, бывшего в лагере, и сказал ему: „Есть ли здесь люди, осужденные на смерть?“. Он сказал ему: „Есть у нас тридцать семь мужей, схваченных и осужденных на смерть“. Сказал царь эгемону: „Приведите их сюда, этих злодеев“. Их привели, и царь приказал им и сказал: „Идите к морю грязному, вколотите столбы, чтобы привязать корабли, и приготовьте все необходимое для того, чтобы войско перешло море“. Вышли мужи и отправились к берегам моря. Александр же раздумывал: „Если правда то, что говорят, что всякий, кто приблизится к грязному морю, умрет, то лучше, чтобы умерли те, что осуждены на смерть“. Когда они отправились и достигли берегов моря, они тотчас умерли. Александр и его лагерь увидели, что они умерли, потому что он и его знатные поехали, чтобы посмотреть, что с ними будет, и увидели они, что те умерли тотчас, как достигли моря.

Царь Александр испугался и вернулся, он узнал, что им не пройти (260) к краям неба. Весь его лагерь поднялся, и поехал Александр и его войска от грязного моря к морю светлому, где выходит солнце из окошка неба. Так как солнце — раб Господен, то ни ночью, ни днем оно не прекращает своего движения. Там, где солнце восходит, оно восходит над морем. Люди, живущие там, когда солнце приходит, чтобы взойти, бегут и прячутся в море, чтобы не быть спаленными его лучами. Идет оно по середине неба до того места, где входит в окно неба. Где оно проходит, там находятся те страшные скалы. У тех, что живут там, имеются пещеры, выдолбленные в скалах. Когда они видят, что солнце заходит, то бегут от него люди и птицы и скрываются в пещерах, потому что от его жара трескаются камни и падают. И людей ли, зверей ли камни настигают, тотчас их сжигают. Когда солнце входит в окошко неба, оно склоняется и преклоняется пред Богом,

¹ — chiliarchae, centuriones. Payne-Smith. Thesaurus syriacus, t. 1. Oxonii, 1879, col. 1464. Мы приняли перевод — „подать“ C. Brockelmann. Lexicon syriacum. Halis, 1928, p. 290.

своим творцом. Оно движется и спускается всю ночь в небе, пока не окажется там, где восходит.

Александр посмотрел на запад неба и нашел гору одну, по которой он спустился, ее имя — „Мусас большая“,¹ и с ним спустились [его войска], пошли и достигли горы Калодии² и там ели хлеб. Они спустились к истоку Евфрата и нашли, что он вытекает из пещеры. Они пришли к Халурасу (261) туда, где вытекает Деклат как поток, враждающий мельницу. Они ели хлеб в Халурасе. Они вышли оттуда и отправились к реке Калат и поднялись на гору, называемую Рамат, там было сторожевое место. Александр и его войска стали на вершине горы и видели четыре края неба, и сказал Александр: „Пойдем по северной дороге“. Они пошли в северный край, вышли в Армению, Адорбайган и во внутреннюю Армению. Они прошли землю Торнагиос, землю Бет Пардаёа, землю Бет Текиль, землю Бет Дерубиль, землю Бет Катармин, Бет Габуль и Бет Замрат. Эти земли прошел Александр, отправился и прошел у горы Мусас и вышел в проход, называемый Бахи Лебта. Он двинулся и достиг ворот великой горы, в которой есть дорога, по которой возят товары во внутренние земли. Александр остановился на ней и послал вестников мира, всадников мира, верховых, объезжавших и провозглашавших во всякой земле: „Царь греков пришел в эту землю, не убивает, не сжигает, не уничтожает, но пусть всякий живет в мире. Изберите триста человек старцев (ܟܬܝܒܝܢ), и пусть они придут ко мне, говорит царь Александр, и я узнаю от них все, что я желаю, а все остальные пусть живут в мире“.

Когда услышали жители земли вестников, (262) возвещавших мир, они не испугались, избрали триста старцев (ܟܬܝܒܝܢ). Те отправились к Александру, как только он остановился на [их] земле. Он сам приказал, чтобы не бежал народ от него.

Когда пред ним предстали местные старцы, он спросил этих мужей: „Кто вы, кому даете подать и какой царь правит в этой земле?“. Отвечали старцы и сказали царю: „Эта земля Тубарлака, царя персидского, что из рода Ахшурах, и ему мы даем золото“. Он сказал им: „Эта гора, куда она так спускается?“. Ответили ему: „Эта гора тянется без перерыва и доходит до моря Бет Катрайе, тянется и кончается у внешнего Парса, близ Индии. По этой дороге и вверх доходит гора до одной большой реки, а с этой стороны — до моря. Есть там узкие дороги, по которым человек не может пройти, а только проехать верхом на лошади. Люди, там проезжающие, не могут проехать без звенящих колокольчиков, потому что звери выходят из моря, из рек, [сходят] с горы и сваливают их на тропах. Если проходящие люди едут без звенящих колокольчиков, они тотчас бывают умерщвлены“.

¹ Мусаса — Масис, Арарат.

² Калодия — Колхидя, ошибка в сирийском; „вав“, вероятно, вместо „хе“.

Александр сказал: „Эта гора больше и страшнее всех гор, которые я видел“. Сказали царю местные старцы: „Ни твое величество, господин царь, ни мы, ни отцы наши не могли пройти по этому проходу (ܟܘܠܡܐ), и не могут пройти (263) люди ни с той, ни с этой стороны, потому что эту границу поставил Бог между нами и народами, что находятся за ней“. Сказал Александр: „Какие это народы находятся за этой горой, на которую мы смотрим, и как они живут?“. Сказали ему местные люди: „Это — гунны (ܟܘܢܢܐ)“. Он сказал им: „Кто их цари?“. Сказали старцы: „Гог, Магог и Наваль — цари, сыны Иафета; царь Гиг, Тимрон, Тиамрон, Бет Гамли, Иафоабар, Шумардак, Глустика, Акшафар, Салгадо, Нислик, Амарфиль, Каоза, это — цари гуннов“.

Сказал Александр: „Какова их внешность, одежда и язык?“. Ответили старцы и сказали царю: „Среди них есть с голубыми глазами, а у их женщин только одна грудь, и женщины гораздо более воинственны, чем мужчины, так как они режут мужчин ножами (ܟܘܢܢܐ). Ножи повешаны у них на боках, на руках, на шее, для того чтобы, если кто-нибудь из них вступает в бой, то куда бы ни протянула руку, нашла бы нож. Они одеваются в шкуры, которые выделывают, едят сырое мясо (264) всякого [животного], которое встретится, пьют кровь людей и зверей. Они не осаждают и не воюют против городов и крепостей, но они рыщут по дорогам и у ворот крепостей и городов, окружают мужей выходящих, чтобы встретиться с ними.¹ Они быстрее ветра, который дует. Они опережают слух во вселенной, что они выступили войной, потому что они волшебники. Они движутся между небом и землей, их повозки, мечи, дротики летят как страшные молнии, и вожжи (ܟܘܢܢܐ) они держат в руках, по две, по три пары лошадей у каждого из них. У одного пятьдесят, а у другого шестьдесят человек следуют за ним и предшествуют ему.² Звук улюлюканья (ܟܘܢܢܐ) каждого из них страшнее рева льва, так как это воля Божия предавать им народы в руки друг друга. Страх перед гуннами нападает на всех живых, видящих их, потому что они лишены человеколюбия. Когда они выходят на войну, они приводят беременную женщину, разжигают огонь и привязывают ее к огню, в ней сваривается ее ребенок, ее чрево раскрывается и из него выходит ребенок сваренным, (265) его кладут в сосуд, наливают на его тело воды и растворяют его тело в этой воде. Они спускают в эту воду свои мечи, луки, стрелы, копья и смачивают их. Всякому, кто касается этой воды, кажется, что с ним сто тысяч всадников, а каждой сотне мужей кажется, что

¹ Текст неясен (см.: E. A. W. Budge, ук. соч., text, стр. 261).

² Текст неясен, исправляю эти слова по тексту „Слова о последнем конце“, приписываемому Ефрему Сирию (St. Ephraem Syrius. Hymni et sermones, ed. T. J. Lamy, t. III. Mechliniae, 1889, стлб. 199).

с их стороны стоит сто тысяч полчищ демонов, потому что их волшебники сильнее всех [волшебников] других царств“.

„И это еще мы должны добавить твоему величеству“, — сказали старцы Александру, — „если не ниспослан гнев Божий, чтобы убить отцов и детей и если не наказывает Господь землю в своем гневе, гунны не выходят для нашествия, потому что они более жестоки в войне, чем все цари“. Александр сказал местным людям: „Выходили ли они для опустошений в ваши дни?“. Отвечали и сказали старцы царю: „Да укрепит Бог твое царство, господин царь, и твою корону! Эти крепости, которые разрушены в наших областях и в областях ромеев, разрушили они и вывернули эти башни, когда вышли, чтобы грабить землю ромеев и землю персов, и затем пришли в свою землю“.

Сказал им Александр: „Что за народы находятся за ними [далее них]?“. Старцы сказали: „Это Бет Амардат и люди-псы, за людьми-псами — народ Менине, а за народом Менине (266) нет людей, но страшные горы, высоты, долины, пропасти и страшные пещеры, в которых есть змеи, драконы и ехидны. Люди не могут там пройти, так как тотчас их поедают змеи, места там просторные и ничего нет, кроме пустыни. За всеми этими горами виден рай Божий, вдалеке. Рай не близок ни к небу, ни к земле, как град прекрасный и мощный, таким виден он между небом и землей. Облака и туманы, окружающие его, видны издадека, и рог северного ветра почует над ним“.

Сказал им Александр: „Куда впадают четыре реки?“. Сказали старцы: „Господин, мы осведомим твое величество, вывел Бог четыре реки из рая эдемского, потому что знал Бог, что люди возмутятся, захватят реки, поедут по ним, чтобы войти в рай, и провел Бог реки по земле и повел их по долинам, горам и ущельям. Он провел их по многим горам, провел и вывел из гор. И есть (река), вытекающая из пещеры. Он окружил рай морями, долинами и океаном, морем грязным, и люди не могут приблизиться к раю. Они не видят, куда текут реки, но видят, что текут они с гор или из (267) долин“. Когда Александр услышал то, что говорили старцы, он весьма удивился великому морю, окружающему все сотворенное.

Сказал Александр своему войску: „Желаете ли вы сделать что-либо удивительное на этой земле?“. Они ответили ему: „Как прикажет твое величество?“. Сказал царь: „Сделаем железные ворота и запрем это ущелье“. Его войска сказали: „Мы сделаем так, как прикажет твое величество“. Александр приказал, и пришло три тысячи кузнецов, работников по железу, и три тысячи мужей, работников по меди, они расплавили медь и железо и приготовили их, как муж, изготавливающий глину, доставили и сделали ворота длиной в двенадцать локтей (كعصم), а шириной в восемь локтей. Был устроен нижний порог от горы до горы протяжением в двенадцать локтей, вделан в скалы горы и выкован из меди и железа. Высота нижнего порога — три локтя. Он устроил

верхнюю скобу от горы до горы в двенадцать локтей, вделал ее в скалы горы и выковал к ней два железных болта, каждый болт — в двенадцать локтей.¹ Болты входили в скалу [на протяжении] по два локтя. Были сделаны два (268) железных болта от края до края ворот и были вделаны головки затворов в скалы. Были утверждены ворота и затворы, вколочены железные гвозди и забиты один за другим, так что если и придут гунны, прорубят скалу под железным порогом, то пройдут пешие мужи, а лошадь с всадником не сможет пройти, пока ворота, закрытые затворами, будут стоять. Был доставлен и скован нижний порог и петли с воротами и привешены железные болты, которые вращались в сторону, как ворота Шушан Бармедайской.² Мужики доставили и смешали железо с медью, покрыли ворота и устои один за другим, подобно человеку, который формует глину. Был сделан железный замок в скале и был выкован железный ключ в двенадцать локтей, и повернули [=заперли] им медный замок, так он и остался висеть.

Царь Александр привел [гравера] и написал на тех воротах: „Выйдут гунны и полонят земли ромеев и персов, они будут метать стрелы в Армагест,³ возвратятся и пройдут в свою землю. Еще я написал, что по прошествии восьмисот двадцати шести лет выйдут гунны по по малой дороге, которая выходит против Халураса, откуда вытекает Деклат [Тигр], подобно доске, вращающей жернов. Они полонят народы, прервут дороги, сотрясут землю своим передвижением. И еще я пишу, возвещаю и (269) пророчествую, что по прошествии девятисот сорока лет... другой царь, когда кончится мир по повелению Бога, правителя твари. Разгневает сотворенная тварь Бога, умножится грех, воцарится гнев, людские грехи вздыбятся, будут угрожать небесам, и уничтожит Господь в гневе своем государства, находящиеся за этими воротами. Когда Господь желает уничтожить людей, он посылает людей на людей, и они вырезают друг друга. Соберет Господь царей и их войска, что находятся за этой горой. И по знаку его все соберутся и придут сами, со своими копьями и мечами, станут перед воротами, уставятся в небо и призовут имя Господне: „Господи, открой нам эти ворота“. И пошлет Господь знак свой с неба и позовет гласом у этих ворот, повернутся эти ворота и упадут по знаку Господню, а не откроет их ключ, который я сделал. И выйдет войско из этих ворот, которые я сделал, и целая часть нижнего железного порога будет изношена копытами всадников и верховых, которые пройдут для того, чтобы опустошить землю по повелению Господню. А верхняя скоба будет изношена⁴ зубцами

¹ В тексте ошибочно *ⲕⲃⲏⲥ*, следует читать *ⲕⲃⲏⲥ*.

² Издатель предлагает читать *ⲕⲃⲏⲥ* —, крепость, т. е. „крепости Шушан“.

³ *ⲕⲃⲏⲥ* — значение этого слова неясно. (E. A. W. Budge, ук. соч., Glossary, стр. 206.).

⁴ Буквально „съедена“.

копий тех, что будут проходить под ней и выходить. Когда выйдут гунны, как приказал Бог, с края (270) неба придут царства гуннов, персов, арабов, двадцать четыре царства, которые записаны в этой книге. Нападут царства одно на другое, и запачкана будет земля кровью и испражнениями людей. Двинется и пойдет царство греков, возьмет железный молот в правую руку и медный молот в левую руку и ударит царство греков молотки друг о друга, и как железо расплавляется от огня, как медь кипит на пламени, так растает сила государств пред государством греков, т. е. ромеев. Государство гуннов и персов будет уничтожено одно другим, немногие из них избегут этого, чтобы бежать в свои земли, а оставшиеся из них будут уничтожены государством ромеев. Мое царство, называемое домом Александра, сына Филиппа Македонского, выйдет и вырежет землю до края неба, и не найдется среди народов и племен,¹ находящихся в мире (כְּבִיבוֹ), которые бы устояли перед ромейским государством. Это написал и возвестил я, Александр, собственной рукой и я не солгал (271) в моем писании. Если не поверят мне народы и сотворенные, что случится то, что я написал, и не примут этих моих слов, то пусть поверят пророку Иереми, который в своем пророчестве еще прежде указал относительно этого царства и так сказал в своей книге: „С севера появится зло для всех жителей земли“. Есть у меня знак, соделанный Богом. На скале за воротами есть одна вершина, а если спуститься с вершины [покатой], есть там другая вершина, где находится губка, напоенная кровью, и течет кровь по этой скале. Гунны приходят и омывают головы в этой крови, пьют ее и возвращаются. Это свидетельство, установленное там Богом для того, чтобы видели его люди и боялись. Как вытекает кровь из этой губки, так будет пролита кровь людей на горах и на холмах“. И удивились Александр и его войска воротам, которые они сделали.

Тогда спустились люди той земли и сказали Тубарлаку, царю персов: „Пришел сюда греческий царь Александр, сын Филиппа Македонского, и сделал железные ворота перед гуннами, но ты восстань, возьми свое войско, приди, убей его и возьми все, что у него есть“.

(272) Восстал Тубарлак и послал к Мешазбари, царю внутренней Индии, к Бар Зидуку, царю Кадеша, к Хураздану, царю Явана, послал в Армению и во все земли, послушные ему. Он нанял и привел восемьдесят два царя и их войска — миллион сто тринадцать тысяч. Они советовались перед Тубарлаком и перед всеми царями и порешили идти цари и их войска. Было летнее время, и весь лагерь Александра отдыхал и покоился, и сам царь отдыхал. И вот Господь пришел к Александру и нашел его спящим. Он позвал его и сказал ему: „Восстань отсюда“. Царь встал, благославил и почтил Господа. Сказал ему Господь: „Вот

¹ Буквально „языков“.

я возвеличил тебя над всеми царями и вырастил железные рога на твоей голове, чтобы ты пронзил ими царства земли. На меня ты надеялся, когда ты вышел на войну и чтобы видеть земли. Но вот многие цари и их войска вышли против тебя, чтобы тебя убить. Призови меня, чтобы я пришел помочь тебе, потому что я — Господь и я помогаю всем, которые призывают меня“. И Господь удалился от Александра. Царь пробудил свои войска и сказал им: „Вот пленные вышли на нас, но пусть дозорные взойдут на вершину горы, проследят и посмотрят, потому что Господь явился в этот час“. Дозорные взойшли и увидели войска (273) и их царей, бесчисленное [количество]. Они прибежали и сказали царю: „Царь мы умираем, но Бог, который знает их число, убьет их“.¹

Тотчас приказал царь Александр пересчитать войско его лагеря с тем, чтобы умрут ли, будут ли жить — был пересчитан лагерь. Оказалось в нем триста шестьдесят тысяч, четыре тысячи умерло, потому что, когда они уходили из Александрии их было триста двадцать тысяч мужей.¹

Александр приказал своему войску, каждому мужу, подвластному ему: „На черепке или на камне всякий муж, который здесь есть, пусть принесет сожжение ароматов Господу, для того чтобы Господь пришел нам на помощь, чтобы он, придя, нашел лагерь благоуханным от дыма ароматов“. Александр взял диадему и пурпур, положил их пред Господом и сказал: „Ты, Господи, имеешь власть над моей жизнью и над моим царством и твое, Господи, это царство, ты освободишь раба твоего и его лагерь от его врагов“. Когда Александр молился, цари и их войска окружили их. Отвечал Александр и сказал: „Эта победа Господня“. Лагерь воскликнул и сказал: „Боже, приди нам на помощь“. Александр сказал: „Боже, показавшийся мне в этой земле, помоги нам“. Тогда показался Господь, грядущим на колеснице серафимов, а стражи и ангелы, славя, предшествовали ему. И он поставил свой сонм над лагерем Александра, и явился Господь стоящим на западе (274). Весь лагерь Александра воззрел на Господа, и был Господь помощью лагерю, и укрепился народ потому, что пришел Господь им на помощь. Настала страшная битва, и народ в этой битве кричал, что это Господь нисшел и стоит в ней. Вновь явился Господь Александру и сказал ему: „Не бойся царей и их войск, вот я с тобой“. И глас Божий раздался между ними, пока не задрожали цари и их войска пред лагерем Божиим. Убил Александр и его войска шестьдесят царей и их войска, а бежавшие бежали, рассеянные рассеялись. Тубарлак, царь Парса (𐎱𐎠𐎿), был взят, но Александр его не убил.

Встал Александр и его войско и Тубарлак, царь Парса, связанный и знатные всего Парса, и вынес Тубарлак золото, серебро, бериллы,

¹ В тексте ошибка, 360 тысяч выступили из Александрии, осталось 320 тысяч.

жемчуга и драгоценные камни сапфиры и дал царю Александру. Александр покорил весь Парс до грязного моря. Александр хотел убить Тубарлака. Тубарлак сказал ему: „Чего ты достигнешь, если ты убьешь меня. Возьми себе золото, которое принадлежит мне, я предоставлю тебе Парс, и он будет давать тебе золото пятнадцать лет. Через пятнадцать лет будут Вавилон и Ассирия твоими“. Сидели Тубарлак и Александр, советовались и говорили, что к этим железным и медным воротам на севере они отправят шестьсот мужей из ромеев и шестьсот мужей из персов [гарнизон], (275) и они будут их стеречь; есть и пить каждый будет [за счет] пославшего его царя. Тубарлак, царь Парса, привел волшебников, магов и гадал по знакам зодиака, огню, воде и всем своим богам. Они сообщили ему, что позднее, при конце мира, выйдет царство ромеев, и оно покорит царей всей земли, будет убит царь Парса, который в нем находится, будет опустошен Вавилон и Ассирия по повелению Божию.

Таково было гадание царя Тубарлака, и он дал собственноручную рукопись царю Александру. В писании он изложил [совместно] с Александром то, что случится с Парсом, что царь и знатные пророчествуют, что будет опустошен Парс руками ромеев, что будут уничтожены все царства, но [они] останутся и будут царствовать до конца времен и предоставят земное царство грядущему Христу.

Поднялись Александр и его войска и вышли из Парса и двинулись по пустыне, отправились и расположились на горе ромеев. Он привел тех кузнецов, которые были из Египта, и дал им Бет Дама и Бет Душар, чтобы они там работали и жили, но царю они не платили [подать]. Он отправился, поклонился Иерусалиму; спустил корабли в море и отправился в Александрию. Когда он умер он отдал свой серебряный царский престол в Иерусалим.

Окончена история побед и войн Александра, царя греческого, сына Филиппа.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ХЫМЬЯРИТСКИХ НАДПИСЕЙ

Хронология южноарабских надписей основывается на упоминаниях отдельных правителей Йемена в различных иноязычных источниках, датировка которых известна. Датирующие сведения дают надписи некоторых ассирийских царей, сообщения римских писателей о походе Элия Галла в южную Аравию, „Перипл Эритрейского моря“ и ряд сирийских и греческих источников VI в. н. э.: Симеон Бетаршамский, Иаков Серургский, Козьма Индикоплов, Прокопий Кесарийский и др.

Южноарабские надписи раннего периода даты не имеют, и их время определяется по именам правителей и их взаимной последовательности или по именам эпонимов. Только в I в. н. э. появляются надписи, имеющие дату, исчисляемую по эре, которую обычно называют „сабейской“, или „хымьяритской“. В IV—VI вв. подавляющее большинство надписей имеет дату.

Синхронизация хымьяритской эры была предложена довольно рано; для этого были использованы данные одной из первых найденных южноарабских надписей, знаменитой надписи из Хушн ал-Гурāба, рассказывающей о вторжении в южную Аравию абиссинцев и датированной 640 г. хымьяритской эры.

Уже Галеви¹ удалось установить тождество этих событий с событиями известного по арабским и византийским источникам вторжения абиссинцев в южную Аравию, которое он датировал на основании данных „Послания“ Симеона Бетаршамского и „Мученичества Арефы (Хāриса)“ 525 г. н. э. Однако вскоре после этого появился целый ряд работ, посвященных сравнительному анализу различных сирийских и греческих источников о кушито-хымьяритских войнах, показавших противоречивость имеющихся в них данных. В частности, выяснилось, что источники смешивают разные походы эфиопов в южную Аравию, поход 525 г. и так называемый „первый поход“, который исследователи относили к 522 г. Это показывало сомнительность датировки, предложенной Галеви.

¹ J. Halévy. Etudes sabéennes Journal Asiatique, 7 série, t. I—II, 1873, стр. 519.

Глазер¹ высказал предположение, что 640 г. хымьаритской эры следует идентифицировать с 522 г. н. э., годом первого вторжения эфиопов; хотя это предположение не вызвало решительных возражений, большинство сабеистов продолжало придерживаться прежней датировки, считая 115 г. до н. э. начальным годом хымьаритской эры. Млакер, посвятивший большую и очень добросовестную работу надписи из Хусн ал-Гураба,² уделил в ней некоторое внимание и вопросам хронологии. Однако он не мог прийти к определенному выводу и лишь указал, что обе датировки являются равно вероятными.³

После этого вопросы хронологии хымьаритских надписей не подвергались пересмотру до самого последнего времени.⁴ В 1954 г. в связи с открытием значительного числа новых датированных надписей VI в. н. э. этот вопрос вновь стал предметом оживленного обсуждения. Надписи, упоминающие хымьаритского царя Йусуфа 'Ас'ара зу-Нуваса и датированные 633 г. хымьаритской эры,⁵ сообщающие о его борьбе с эфиопскими войсками, находившимися уже тогда в южной Аравии, совершенно изменили представления о датировке так называемого „первого похода“, который, по данным сирийских и греческих нарративных источников, обычно относили к 522—523 гг. н. э. Неожиданной оказалась и датировка надписи Абрахи о походе в центральную и северную Аравию — 662 г. хымьаритской эры 547 г. н. э., в то время как византийские источники датировали его началом 40-х годов VI в.

Вопросам хронологии хымьаритских надписей уделено много внимания в работах Смита⁶ и Бистона,⁷ причем авторы их приходят к различным выводам. В настоящее время столь авторитетное издание, как

¹ E. Glaser. Zwei Inschriften über den Dambruch von Marib. Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, 1897, Bd. 6, стр. 123—126.

² M l a k e r. 1) Die Inschrift von Husn al-Churab. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, Bd. 34, 1927, стр. 54—75; 2) Zur Inschrift von Husn al-Ghurab. Zeitschrift für Semitistik, Bd. 7, 1929.

³ M l a k e r. Die Inschrift, стр. 75.

⁴ К сожалению, мне осталась недоступной посвященная этому вопросу работа Г. Рикманса (G. Ryckmans. Chronologie sabéenne. Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1943, стр. 236—256), но, судя по упоминаниям о ней в работах, которыми я имел возможность пользоваться, Рикманс также склонялся к общепринятой дате начала хымьаритского летоисчисления — 115 г. до н. э.

⁵ Издание их см.: G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Dixième série. Le Muséon, t. LXVI, Louvain, 1953, №№ 507—508, стр. 284—303. (В дальнейшем: Ry.)

⁶ S. Smith. Events in Arabia in the 6-th Century A. D. Bulletin of the School of Oriental and African Studies (в дальнейшем: BSOAS), v. 16, part 3, 1954, стр. 425—468.

⁷ A. Beeston. The Problems of South Arabian Chronology. BSOAS, v. 16, part, 1, 1954, стр. 37—40.

„Энциклопедия Ислама“ дает перевод хымьаритской эры лишь с точностью до десятилетия.¹

Аргументация всех предложенных датировок оказывается несостоятельной в свете внимательного изучения данных новых надписей. Так, следует решительно отвергнуть датировку Глазера, который полагал, что в 522 г. был убит абиссинцами предшественник Йусуфа зу-Нувāса, ибо надписи Ru 507 и Ru 508 свидетельствуют, что Йусуф 'Ас'ар, идентичный с зу-Нувāсом, правил уже в 518 г.

Смит, также считающий началом хымьаритской эры 118 г. до н. э., приводит в подтверждение этого мнения новый вариант перевода надписи из Хушн ал-Гурāба: „Когда царь Хымьяра и его қайли приказали убить людей из Хымьяр и Рахаб“.² Однако в этом случае термины 'hmrn/w'rhbn должны быть в неопределенном состоянии, в то время как все издания надписи дают определенное состояние (нунацию).³ Смит, правда, считает, что термин „хымьаритские“ ('hmrn по приводимой им транслитерации) стоит в неопределенном состоянии, но это просто недоразумение.

Второе основание для новой датировки, приводимое Смитом, то, что поход Абрахи в центральную Аравию, о котором говорится в надписи из ал-Мурайғана (Ru 506), датированной 662 г. хымьаритской эры, не может быть отнесен, по его мнению, ко времени более позднему, чем 544 г. н. э.⁴ Он основывается на данных Прокопия Кесарийского, сообщающего, что война между Юстинианом и Хосровом длилась с 540 по 545 г.; то, что поход Абрахи был предпринят под давлением Юстиниана и проводился в интересах Византии, для Смита несомненно.

Новые надписи позволяют рассматривать этот поход совершенно иначе. Он был, по-видимому, предпринят Абрахой самостоятельно, как и поход Ма'дикариба Йа'фура, осуществленный тридцатью годами ранее, о котором сообщает надпись Ru 510. Поход Абрахи преследовал цель восстановления владений хымьаритского государства в центральной Аравии, значительно уменьшившихся в результате хымьяро-эфиопских войн и активной завоевательной политики хирского государства при ал-Мунзире III (504—554 гг.). Тот же Прокопий Кесарийский сообщает, что вскоре после заключения перемирия между Византией и Ираном, в начале 546 г., вспыхнула война между Лахмидами и Гас-

¹ См. статью: Abraha. The Encyclopaedia of Islam. New Edition, v. I, 2, Leiden, 1954, стр. 102—103.

² Smith, ук. соч., стр. 455 и прим. 8.

³ Mlaker. Die Inschrift; Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars IV. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens, № 621 (в дальнейшем: CIH); Répertoire d'Épigraphie Sémitique, rédigés par G. Puyckmans, № 2633. (В дальнейшем: RES).

⁴ Smith, ук. соч., стр. 436—437.

санидами;¹ ал-Мунзир вначале имел некоторые успехи и даже захватил в плен и казнил сына гассанидского правителя ал-Хариса ибн Джабала, но затем потерпел ряд поражений. Есть все основания связывать поход Абрахи на север с этими событиями: затруднительное положение ал-Мунзира создавало благоприятные условия для похода. По-видимому, вторжение Абрахи и создало перелом в ходе войны между ал-Мунзиром и ал-Харисом.

Возможно, что Абраха действовал в союзе с Гассанидами и даже по тайному наущению Юстиниана, тем более вероятно, что война между Византией и Ираном в Лазике еще продолжалась. Прокопий, с целью отвести от Юстиниана обвинение в нарушении перемирия, относит поход Абрахи к более раннему времени. Таким образом, отпадает и второй довод Смита, и датировка, предложенная им, должна быть отвергнута.

Бистон в своей датировке также исходит из текста надписи из Хусн ал-Гурāба; оставляя в силе имеющийся перевод, он предлагает оригинальную и остроумную интерпретацию надписи. По его мнению, поход абиссинцев в Хымьяр, о котором говорится в надписи, следует идентифицировать не с походом против Йусуфа зу-Нувāса, а с походом против Абрахи, предводителя оставшихся в южной Аравии эфиопских войск, восставших и свергших Сумайфа 'Ашва' около 530 г. н. э.; к этому времени он и относит надпись. В „царе Хымьяра“, убитом абиссинцами, он видит не зу-Нувāса, а одного из соправителей Сумайфа 'Ашва', убитого восставшими эфиопскими войсками. Сумайфа же бежал от восставших в Хадрамаут, где укрепился в крепости Мавийат, о чем и рассказывает надпись из Хусн ал-Гурāба. Бистон отмечает, что мало вероятно, чтобы во время борьбы 'Эла 'Асбахā с Йусуфом зу-Нувāсом явный сторонник абиссинцев, претендент на хымьяритский престол Сумайфа 'Ашва' спокойно сидел вдали от развернувшихся событий и подробно описывал восстановление незначительной береговой крепости, лишь в одной строке упоминая о событиях, в результате которых он вскоре получил царскую власть.

Эти соображения достаточно убедительны, однако следует указать на важный факт, противоречащий мнению Бистона. В надписи из Хусн ал-Гурāба Сумайфа 'Ашва' не носит титула „царя Саба“, в то время как в надписи Стамбульского музея (RES 3904),² которую Бистон считает более ранней, Сумайфа назван этим титулом. Если после восстания 'Абрахи Сумайфа бежал в Хадрамаут, где продолжал борьбу, то совершенно непонятно, почему он не называет себя царским

¹ Procopius Caesariensis. Opera Omnia, recognovit J. Haury. I, Lipsiae, 1905, стр. 148—149.

² G. Ruyckmans. Une inscription chrétienne sabéenne. Le Muséon, v. LIX, 1946, стр. 165—172.

титолом; мало вероятно также, чтобы термин 'ḥbsn — „абиссинцы“ обозначал восставшие войска 'Абрахи. Все это заставляет нас усомниться и в датировке Бистона.

Греческие и сирийские источники указывают, что хымьяро-эфиопские войны и преследования христиан в Наджране продолжались несколько лет. Так, до нас дошло послание Йакова Серургского, сирийского писателя, умершего в конце ноября 521 г., которое имеет характер утешения и увещания жителей Наджрана.¹ Текст послания не оставляет сомнений в том, что преследования продолжались в момент его написания; следовательно, начало преследований нужно отнести к 520 г. н. э. или к более раннему времени.

„Послание“ Симеона Бетаршамского² содержит ряд хронологических указаний, позволяющих отнести его написание к середине 524 г. н. э.; достоверность этого источника была предметом споров, но исследование Н. В. Пигулевской окончательно разрешило этот вопрос и полностью реабилитировало источник.³ Симеон пишет, что „20 числа месяца кануна второго 835 г.“, т. е. 20 января 524 г. он выехал из Хиры в лагерь, где находился тогда ал-Мунзир III, и через десять дней прибыл в его ставку. Там Симеон встретил посла, прибывшего к ал-Мунзиру от хымьяритского царя (Йусуфа зу-Нувāса). Весной того же года, по возвращении в Хиру, Симеон видел прибывшего из Наджрана посланца христиан-хымьяритов, проживавших в Хире, которые послали его, чтобы получить известия обо всем, происходившем там. Симеон объясняет, что его труд написан с определенной практической целью: он желал, чтобы о преследованиях в Наджране знали все „города верующих“ (монофизитов), а также сторонники других религиозных направлений, для того чтобы убедить „царя и его знатных“ принять меры против иудеев Тивериады, поддерживавших сношения с Йусуфом зу-Нувāсом, и предпринять дипломатические шаги непосредственно в южной Аравии; по мнению Симеона, некоторая сумма денег могла бы удержать царя хымьяритов от преследования христиан.⁴

Это показывает, что в 524 г. преследования христиан в Наджране еще продолжались; они тянулись минимум с 520 по 524 г., а поход абиссинцев в южную Аравию, приведший к свержению зу-Нувāса, со-

¹ Schröter. Trostsreiben Jacob's von Serug an die him'arischen Christen. Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, Bd. 31, стр. 360—399.

² I. Guidi. La Lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam sopra i martiri omeriti. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 3-e, v. VII, Roma, 1881, стр. 1—32.

³ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 228—233. Бистон (Beeston, ук. соч., стр. 37, прим. 3) весьма скептически относится к „Посланию“ Симеона, но он основывается на устаревших работах Галеви.

⁴ Guidi, ук. соч., стр. 27.

стоялся не ранее осени 524 г., скорее же в 525 г., как предполагал еще Галеви.

Наиболее подробное описание преследования христиан в южной Аравии дает „Книга хымьяритов“;¹ именно она дает наиболее точные хронологические указания. В сохранившихся фрагментах нигде не указан год, но текст дважды дает рядом месяц, число и день недели: „воскресенье, 25 тешрина второго“² и „понедельник, 26 тешрина второго“.³ На эти даты обратил внимание уже А. Муберг, который и указал, что ближайшим годом, когда на 25 ноября падает воскресенье, был 518 г. н. э.⁴ Однако он некритически воспринял существовавшую датировку начала преследований христиан в Наджране 523 г. и не сделал необходимых выводов из этих данных. В дальнейшем эти сведения также не привлекались исследователями. Между тем эти хронологические указания вполне согласуются с данными других сирийских и греческих источников, приведенных выше, и позволяют датировать начало гонений в Наджране ноябрем 518 г.

Следует указать, что день „мученичества Арефы“ который, по „Книге хымьяритов“ падает на 25 ноября, отмечался в различных странах в разные сроки, от 4 октября до 31 декабря.⁵ Но „Книга хымьяритов“ является более надежным источником, чем различные жития, и ее данные заслуживают предпочтения. Абиссинский календарь, в котором в первую очередь могли сохраниться наиболее достоверные сведения, восходящие к очевидцам событий, отмечает день памяти мучеников Наджрана 22 ноября,⁶ а разница в три дня вполне допустима, так как казни в Наджране начались за 3—4 дня до смерти Арефы и продолжались еще некоторое время после нее.

Находка новых южноарабских надписей, рассказывающих о борьбе хымьяритского царя Йусуфа 'Ас'ара зу-Нуваса с абиссинцами и о его приготовлениях к походу на Наджран,⁷ дает богатый материал для синхронизации сведений надписей и „Книги хымьяритов“ и позволяет окончательно подтвердить датировку хымьяритской эры, предложенную еще Галеви.

Анализ надписей показывает, что они говорят о тех событиях, которым посвящены главы VII—IX „Книги хымьяритов“, причем описания совпадают иногда вплоть до мелочей. „Книга хымьяритов“ так описывает события. После ухода абиссинцев зу-Нувас собрал свои войска и направился к Зафāру, где был расположен эфиопский гарнизон. Он

¹ A. Moberg. The Book of the Himyarites. Lund, 1924.

² Там же, стр. 23а.

³ Там же, стр. 30а.

⁴ Там же, стр. LVII—LIX.

⁵ Там же, стр. LIX, прим. 1.

⁶ Там же, стр. LIX.

⁷ Ру 507 и Ру 508.

отправил письмо к этому гарнизону, обещая воинам свободное возвращение на родину, если они сдадут город. Часть из них (300 человек) приняла условия и оставила город, но все они были вероломно перебиты. После этого войска зу-Нувāса вошли в З̣аф̣āр и сожгли церковь, в которой находилось 280 абиссинцев.

После этого зу-Нувāс послал письмо в Наджран с приказом выслать ему на помощь войско; это войско выступило и подошло к лагерю царя, но, узнав о преследованиях христиан в З̣аф̣āре, вернулось назад. Далее следует большая лакуна в тексте, достигающая, по мнению издателя, трех листов. Следующая, IX, глава сообщает, что полководцы зу-Нувāса, не сумев захватить город, направили царю письмо, прося его о помощи. Зу-Нувāс направил жителям Наджрана новое послание, обвиняя их в возмущении против него и требуя покорности, но оно не подействовало. Конец главы отсутствует, но, судя по заголовку, в ней говорилось о походе зу-Нувāса против Наджрана. Отсутствует и глава X, в которой говорилось об осаде и взятии города.

Обе южноарабские надписи, повествующие о первом этапе хымьяро-эфиопских войн, найдены в непосредственной близости от Наджрана: более ранняя, Ру 508, датированная месяцем зу-қайзан 633 г. хымьяритской эры, была найдена в оазисе Каукабан несколько севернее города, вторая, датированная месяцем зу-мазра'ан, — у колодца Химā на автомобильной дороге Рийād—Наджран. Содержание обеих надписей очень сходно, хотя они и не являются точными копиями. Надпись Ру 507 значительно полнее и подробнее, но, к сожалению, сильно повреждена. Первые строки ее почти совершенно не читаются, а в дальнейшем тексте также иногда встречаются лакуны, весьма сильно затрудняющие чтение и понимание надписи. Наличие двух параллельных текстов позволяет довольно точно установить ход событий.

В полном соответствии с данными „Книги хымьяритов“ надписи рассказывают, что первым крупным событием завязавшейся борьбы был захват Йусуфом 'Ас'аром З̣аф̣āра, где находились абиссинские войска. Подробностей захвата З̣аф̣āра надписи не сообщают, за исключением краткой фразы wdhrw/qlsn — „и они сожгли церковь“, также вполне соответствующей сведениям, имеющимся, как указывалось выше, в „Книге хымьяритов“. В издании надписей эта фраза была переведена не вполне точно, поэтому я позволяю себе остановиться на ней несколько подробнее.

Оба термина встречаются в южноарабских надписях впервые. Тем не менее значение слова qlsn выясняется довольно легко. Так, ат-Табарī сообщает, что правитель южной Аравии 'Абраха построил в Ṣана' церковь, названную в тексте термином القليس.¹ Северноарабские сло-

¹ Annales auctore Abu Djarfar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, ed. de Goeje. Sectionis primas, pars tertia, 1890, стр. 934.

вари дают термин *qalis* — „церковь“.¹ Слово, несомненно, происходит от греческого *εκκλησια* „церковь“.² Более сложен перевод термина *dhg*. Из контекста следует, что речь идет о разрушении церкви; между тем северноарабский корень *dhg* имеет значение „приходить, случаться, появляться“ и т. д.³ Перевод Г. Рикманса „бросаться, набрасываться“⁴ недостаточно аргументирован и дает мало удовлетворительное понимание текста. Расшифровать термин позволяет лишь дасинский диалект, сохранивший до сих пор значительное количество южноарабской лексики. Словарь этого диалекта дает следующие значения глагола *dahara* — „разводить огонь, зажигать“,⁵ откуда принятое нами — „сжигать“.

Надпись Ру 507, 6 сообщает о посольствах, отправленных в Наджран, о которых говорит и „Книга хымьяритов“. К сожалению, неясно, кто отправлял эти посольства — Йусуф 'Ас'ар или автор надписи Шарах'ил Йақбул, его полководец. Надписи, как и „Книга хымьяритов“, сообщают, что первоначально Наджран был осажден не самим Йусуфом зу-Нувасом, а его полководцем Шарах'илем.

Многочисленные соответствия, приведенные выше, не оставляют никаких сомнений в том, что надписи Ру 507 и Ру 508 и „Книга хымьяритов“ описывают одни и те же события. Соответствие 633 г. хымьяритской эры и 518 г. н. э. становится, таким образом, несомненным. Привлечение нового эпиграфического материала в сочетании с данными нарративных источников, в первую очередь сирийских, полностью подтверждает правильность датировки хымьяритской эры, предложенной еще Галеви, и устраняет разногласия сабеистов, возникшие за последнее время.

Настоящая статья была уже закончена, когда я получил возможность ознакомиться с новой работой Ж. Рикманса, посвященной проблеме хронологии хымьяритских надписей, любезно присланной мне автором.⁶ Ж. Рикманс приходит к выводам, отличным от предложенных выше, считая начальным годом хымьяритской эры 109 г. до н. э.; однако приводимые им доводы ни в чем не поколебали мнения автора.

Я не имел еще времени и возможности проделать детальный анализ работы Ж. Рикманса и хочу лишь указать на шаткость некоторых приводимых им доводов. Так, хронологические данные „Мученичества Арефы“ весьма ненадежны, ибо одно и то же событие, преследование христиан в Наджране, датируется там тройко: 2-м индиктионом Юстина (г. е. 523 г. н. э.), 835 г. селевкидской эры (524 г.) и 5-м годом Юстиниана

¹ Dozy. Supplement aux dictionnaires Arabes. T. II. Leiden, 1881, стр. 395.

² См.: Пигулевская, ук. соч., стр. 317.

³ Lane. Arabic-English Lexicon. Book I, part. 3, London, 1867, стр. 293.

⁴ Ру, стр. 290.

⁵ Landberg. Glossaire Datinois, t. I. Leipzig, 1920, стр. 859.

⁶ J. Ruckmans. La Persécution des chrétiens himyarites au sixième siècle. Istanbul, 1956, 24 стр., 5 табл.

(что даже при необходимом исправлении „Юстин“ дает 522 г.). Вряд ли этого достаточно, чтобы датировать начало преследования христиан Наджрана 524 г., как это делает Ж. Рикманс, причем он вступает в противоречие с данными Симеона Бетаршамского, по которым преследование христиан Наджрана уже шло в 523 г. Правда, предлагаемое Ж. Рикмансом толкование 835 г. селевкидской эры у Симеона как 525 г. н. э. (см. стр. 18 и прим. 63) возможно, но отнюдь не обязательно.

Годы с 117 по 111 до н. э. как возможное начало хымьяритской эры Ж. Рикманс исключает, ибо, по его мнению, в период войны между Византией и Ираном (540—546 гг.) невозможно было одновременное прибытие к Абрахе посольств Ирана и Византии, о чем сообщает СІН 541 под 657 г. хымьяритской эры (см. стр. 3). Однако южная Аравия в этой войне не участвовала и встреча посольств на нейтральной почве была вполне возможной, тем более, что Ж. Рикманс отмечает, что уже в 542 г. шли предварительные переговоры о мире,¹ которые могли даже сделать такую встречу желательной для обеих держав.

Датировка, предложенная Ж. Рикмансом, не устраняет некоторых противоречий: так, данные Козьмы Индикоплова и Иакова Серугского заставляют его предположить существование еще одного преследования христиан Наджрана и еще одного похода абиссинцев в южную Аравию до 521 г. (см. стр. 12, прим. 46) при царе Ма'дикарибе Йа'фуре. Ж. Рикманс вынужден также отрицать идентичность Сумайфа' 'Ашва', царя Саба' (RES 3904) и Сумайфа' 'Ашва', автора СІН 621, с чем нельзя согласиться.² Поход Абрахи в центральную Аравию, о котором говорится в надписи Ру 506, несомненно идентичен с походом Абрахи против персов, упоминаемым Прокопием Кесарийским, и его нельзя датировать, как это делает Ж. Рикманс, 553 г., ибо, по его же мнению, книга Прокопия не упоминает событий после 545 г.³

Исследование Ж. Рикманса лишь подтверждает датировку, предложенную нами выше, ибо он согласен, что надписи Ру 507 и Ру 508 описывают события, происходившие непосредственно перед началом преследования христиан в Наджране (см. стр. 17—18), которое я датировал, как указывалось выше, 518 г., соответствующим 633 г. хымьяритской эры.

¹ См. стр. 3 и прим. 13, со ссылкой на работу Альтхейма и Стиль (F. Altheim und R. Stiehl. Araber und Sasaniden, в Edwin Redlob zum 70. Geburtstag, 1955, стр. 204), известную мне лишь по этому упоминанию.

² Этим он признает существование трех Сумайфа' 'Ашва' (ибо Сумайфа' 'Ашва', сына Шарахби'ила Йакмула в RES 3904₂ он считает отличным от первых двух) в одно время и в одном роде Йаз'ан (все упоминания Сумайфа' относятся к надписям, высеченным членами этого рода. См.: RES 4069, Ру 508, СІН 621, Ру 507₂, где, по нашему мнению, имя следует восстанавливать, а также сомнительное RES 3901.)

³ См. стр. 3 и прим. 11. По мнению автора, Прокопий упоминает и события 546 г.: войну между ал-Харисом и ал-Мунзиром уже после заключения мира между Византией и Ираном в 546 г. и войну в Лазике.

ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ АРАБАМИ

В VII в. Северная Африка формально считалась подчиненной Византии. В действительности подавляющая часть страны представляла тогда независимые „княжества“, племенные союзы. Опираясь на укрепленные города и форпосты, Византия господствовала над прибрежными равнинами и некоторыми важными коммуникациями восточной части Алжира. И только в Тунисе, благодаря протяженности береговой линии и доступности интерланда с побережья, византийцы относительно прочно покорили проконсульство Африка (Ифрийка) с Карфагеном и, в меньшей степени, Бизацену.¹ Однако и здесь не прекращались восстания, сливавшиеся обычно с борьбой независимых племен и „княжеств“ против покушений империи на их свободу.

К тому же позиции Византии в Северной Африке ослаблялись сепаратизмом местного экзарха и гарнизонов, подчиненных ему. Ко времени завоевания страны арабами экзарх Григорий объявил себя независимым от Византии. Присланный Константинополем новый наместник, поддержанный с моря, овладел Карфагеном, но Григорий перенес свою резиденцию в город Сбейтла. Это удаление византийских сепаратистов от моря закрепило их независимость от Византии, но не открыло им доступа в глубь страны: их новая резиденция была отрезана от основных земель берберов непреодолимой преградой горного массива Аурас, веками служившего центром свободолюбивых полуседлых племен, враждебных всем завоевателям.

Арабы, завоевав Египет, с 642 г. организовали оттуда ряд удачных побегов на Триполитанию, главным образом на ее византийские города. Египетский наместник 'Амр ибн ал-'Ас просил у халифа 'Омара

---

¹ Ибн Халдуи. Та'рих ад-дувал ал-исламй би-л-Магриб (арабский текст). Алжир, 1847—1851, т. I, стр. 132; французский перевод: De Slane, Alger, 1852—1856, t. I, стр. 207—209. (В дальнейшем: Ибн Халдун); Ph. Kh. Hitti. History of the Arabs. London, 1916, стр. 214. (В дальнейшем: Hitti); Ибн 'Аззари (Ибн 'Изирй). Ал-Байн ал-Могриб... (арабский текст). Лейден, 1848, т. I, стр. 3; французский перевод: E. Fagnan, Alger, 1901, t. I, стр. 2. (В дальнейшем: Ибн 'Аззари); Mesnage. Le christianisme en Afrique. Revue Africaine, 1913, стр. 686 сл.

разрешения наступать дальше на запад, но не получил его. Экспедиция туда была организована в 647 г. при халифе Османе, который призвал арабов к джихаду и предоставил от себя для этой цели оружие, тысячу верблюдов, лошадей. Откликнулось двадцать тысяч добровольцев, собравшихся в Медине. Их отправили в распоряжение египетского наместника Абдаллаха ибн Сада ибн абу Сарха. В Триполитании, видимо, к ним присоединились некоторые берберские племена, и близ Сбейтлы они разгромили армию византийцев. Экзарх Григорий погиб в бою, остатки войска его бежали в Карфаген. Византийцы захваченных арабами городов согласились уплатить им большую дань.¹ Отныне разрозненные гарнизоны их представляли лишь опасность как базы, как возможный резерв на случай вторжения сил метрополии с моря или при другой угрозе извне.

В наступившее пятилетие борьбы внутри халифата (656—661) вождь местных сторонников омейядов, Муавийа ибн Худайдж, сделал Триполитанию своей базой. Затем он, по поручению Амра, восстановленного омейядами в качестве египетского наместника, возглавил новую экспедицию в Северную Африку и, по некоторым сообщениям, доходил даже до Бизерты.²

Во всех этих набегах арабов основным объектом их были византийские города, непосредственной целью — добыча. Так именно расценили набеги берберы. Возглавлявшая их Кахина в своей тактике обороны исходила из учета того, что „арабам в Ифрийки нужны города, золото и серебро“.³

Новый этап в отношении к Северной Африке начался назначением особого правителя после Ибн Худайджа. Этот пост Амр поручил своему племяннику Укбе ибн Нафи, участнику ряда предшествующих набегов на Триполитанию. Он сделал данниками группы оазисов Фаззән, Ваддән, Гадәмес, возглавил нападение на города Ифрийки, проявляя неизменную жестокость. Его войска истребляли, увечили непокорных, грабили, угоняли детей в плен.

Существенным в продвижении арабов на запад явилось их стремление иметь свой город, свое укрепленное место. С этой целью был по-

¹ Ибн Абд ал-Хакам. Футуҳ Мыр... (арабский текст). Лейден, 1920, стр. 183 сл., 192 сл. (В дальнейшем: Ибн Абд ал-Хакам); H. Fournel. Les Berbères. Paris, 1875, t. I, стр. 110—112. (В дальнейшем: Fournel); A. Bel. La religion musulman en Berberie. Paris, 1938, t. I, стр. 91. Отмечается, что наложенная при этом дань понуждала население продавать детей в рабство (ср. также: Ибн Аззәрй, т. I, стр. 7, фр. перевод стр. 8).

² Fournel, t. I, стр. 139—141; Ибн Халлун, т. I, стр. 133—134, фр. перевод стр. 210—211.

³ Ибн Аззәрй, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27. Здесь уместно вспомнить общее для всех народов положение классиков марксизма: „Грубая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 152).

строен город Кайруан. Обычно основание его датируется 670 г.¹ и приписывается 'Уқбе. Кроме 'Уқбы, основание Кайруана приписывается еще последующему правителю Ифрйќии Абӯ ал-Мухаджиру. Наконец, первую постройку такого города-базы связывают и с именем Ибн Худайджа, причем здесь слово „кайруан (ќайраван)“ употребляется не как имя собственное, а в обычном арабском его значении — „база“, „военный лагерь“.² Естественно, что фактически места для баз намечались непосредственно отрядами, укреплявшимися в них, а строили их массы окрестных племен. Нередко базы переносились на новое место в соответствии с изменившимися задачами завоевателей, а также в связи с честолюбивыми замыслами претендентов на роль основателя города: 'Уқба дважды перенес город, Абӯ ал-Мухаджир, по советам местного союзника его Кусейлы, построил Кайруан в другом месте.³ Некоторые считают, что первоначально 'Уқба назвал город Ифрйќией, видимо для отличия от остальных подобных баз.⁴

Удачный выбор местоположения и усиление арабов обеспечили нынешнему Кайруану его политическое и стратегическое значение, сделали нарицательное имя собственным именем города. Расположение города посреди обширной равнины, пересекаемой хотя и небольшими, пересыхающими летом реками, обеспечивало арабам пастбище, достаточное для их верблюдов, и удобное наблюдение за стадами из Кайруана. Перекрещивающиеся в этом месте пути в Северную Африку и Триполитанию подводили арабов непосредственно к подступам в глубь страны, не отрывая в то же время от коммуникаций с их тылом на востоке. Вместе с тем расстояние, равное двухдневному переходу от моря до Кайруана, ограждало город от опасности неожиданной атаки римского флота.

¹ Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 194 сл.; Fournel, t. I, стр. 159 сл. Приводятся и другие даты. В частности заслуживает внимания указание на 663/64 г. (43 г. хиджры) как на время основания Кайруана. Этот год приводится в источнике, недавно опубликованном крупнейшим французским ученым востоковедом ('Ubayd Allah ben Abi 'Ali Saliḥ ben Abd al-Halim. Un nouveau récit de la conquete de l'Afrique du Nord par les arabes. Перевод и вступительная статья E. Lévi-Provençal. Arabica, Paris, 1954, t. I, part. 1, стр. 38. (В дальнейшем: Arabica). Подобные расхождения в определении дат событий довольно обычное явление для изучаемого периода и в дальнейшем мы на них не останавливаемся.

² Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 193.

³ Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 194 сл.; Ибн Халдун, т. I, стр. 134, фр. перевод стр. 211; Fournel, t. I, стр. 159 сл.

⁴ Arabica, стр. 26, 33, 43. Приведенные здесь противоречия в именах деятелей — типичное явление для используемых источников, пытающихся историю свести к предпринимчивости выдающихся лиц. Порочность такого метода очевидна. Тем не менее имена правителей, полководцев упоминаются нами очень часто. Они особенно важны как отдельные черты при изучении исторических событий, значительно стертых временем, окутанных легендами. А факты расхождений в именах выдающихся деятелей лишь подчеркивают их относительную роль.

Благодаря этим преимуществам Кайруан, в ходе последующих событий, превратился из базы для набегов в центр организации глубоких рейдов внутрь страны, а затем и в центр завоевания ее, арабизации и распространения ислама среди берберов. Соответственно этим задачам вокруг Кайруана были воздвигнуты стены, в городе построены казармы, здания местной администрации и мечети. В первые же годы вокруг Кайруана объединилось ядро принявших ислам берберов.¹ Подобно тому как ранее Карфаген стал воротами в Северную Африку с моря, так Кайруан выполнял здесь роль ворот с суши.

В 674/75 г. новый египетский наместник назначил правителем Ифрйкии вместо 'Уқбы своего „клиента“ (маулā) Абū ал-Мухāджира. Берберы оказывали ему упорное сопротивление. Центром борьбы оставался район гор Аурās, в котором доминировало тогда населявшее западную часть гор полуоседлое племя аураба. Вокруг аураба объединились племена одной из двух ветвей (берāнес, синахādжа), на которые делили берберов. Племенем аураба правил тогда Кусейла, именуемый обычно „царем“ или эмиром (малик, амйр), избранный пожизненно.² Видимо, рассчитывая на использование религии в качестве знамени объединения берберов и борьбы за гегемонию с другими соперниками, Кусейла принял христианство.³

Выражением того же соперничества, но уже с ориентировкой на союз с арабами, было принятие ислама группой племен, принадлежавших ко второй ветви (ботр, зенāта), во главе с племенем магрāва. Они занимали территорию к западу от Аурāса до Тлемсенского массива включительно. Таким образом, арабы могли опереться на союзников, расположенных в тылу у Кусейлы.⁴ Последний был вынужден отступить перед силами Абū ал Мухāджира и, преследуемый ими до Тлемсена, капитулировал, приняв ислам.

В 682 г. новый египетский наместник вернул 'Уқбе пост правителя Ифрйкии. Мстя Абū ал-Мухāджиру, 'Уқба возил его с собой закованным в цепи, а Кусейлу третировал как слугу.⁵ 'Уқба совершил глубокий рейд до Танжера, а затем до Сўса, на южной окраине Марокко. На этом пути лишь в четырех пунктах берберы оказали ему сопротивление: в оазисах Зāб, у Тāхерта, Танжера и на перевале через Атлас. У со-

¹ Ибн Халлун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 327.

² Ибн Халлун, т. I, стр. 134—135, 185, фр. перевод стр. 211—213, 286.

³ Ибн Халлун, т. I, стр. 131—135, фр. перевод стр. 211—113.

⁴ Ибн Халлун, т. I, стр. 133; т. II, стр. 34; фр. перевод т. I, стр. 210; т. III, стр. 227—228; см. также: т. I, стр. 134, фр. перевод т. I, стр. 212 — о племенах магрāв и других зенāта-мусульманах, пришедших на выручку арабам при завоеваниях последними Алжира и Марокко.

⁵ Ибн Халлун, т. I, стр. 185, фр. перевод стр. 286—287.

противлявшихся 'Уқба не только разграбил имущество, но истребил боеспособное население, других взял в плен.¹

Несмотря на старания 'Уқбы распространить здесь ислам и упрочить свое господство, рейд его не оставил заметных следов. На обратном пути 'Уқба столкнулся с непреодолимым сопротивлением. Кусейла, опираясь на берберскую знать, вырвался из рук 'Уқбы, организовал ему сопротивление и убил его недалеко от Кайруана (683 г.). Заместитель 'Уқбы в Кайруане Зухайр ибн Қайс отступил на Восток.

Восстановив независимость своего княжества, Кусейла сделал Кайруан своей резиденцией, покровительствовал его жителям, включая арабов. Около пяти лет правил Кусейла, энергично добиваясь объединения племен и рассеянных византийских гарнизонов. Для этого он рассылал представителей, устанавливал связь с племенами.² Хотя авторы иногда и говорят о власти Кусейлы над Ифрйкией и „Магрибом в целом“,³ в действительности он не успел еще объединить даже Ифрйкию.

В 686/87 г. в Ифрйкию была снаряжена новая экспедиция арабов, возглавленная бывшим заместителем 'Уқбы Зухайром ибн Қайсом ал-Балави. Кусейла и собранное им в Кайруане совещание берберской знати, опасаясь удара с тыла со стороны местных мусульман, решили оставить город и дать бой в открытом поле.⁴ В сражении Кусейла погиб, берберы отступили, аураба укрылись в Марокко. Однако Зухайр тоже вынужден был отступить и вторично оставил Кайруан.

В 688/89 г. арабская армия в сорок тысяч человек, во главе с Хассаном ибн ан-Нуманом, предприняла новый поход в Ифрйкию. Первый удар они нанесли оставшимся еще в Карфагене византийцам, разбили их и те бежали за море. Город заняли тогда здешние берберы, но Хассан вторично разграбил его, разрушил до основания, много жителей истребил, других угнал в плен. Точно также Хассан разбил поднявшиеся против него отряды соседних берберов и византийцев. Первые бежали в район Бона, вторые — в город Бужи.⁵

Серьезное сопротивление арабам по-прежнему оказывали племена Аураса. На этот раз их возглавило населявшее восточную часть гор полуоседлое племя джерава, вокруг которого объединились племена

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 131, 185, фр. перевод т. I, стр. 212, 286—287 и Приложение (Nuwairy), стр. 332; Fournel, t. I, стр. 161—170. Достоверность рейда 'Уқбы вызывала ранее сомнения у некоторых востоковедов. В упомянутой выше публикации приводятся новые данные подтверждающие этот факт и дополняющие его рядом существенных подробностей (Arajsa, стр. 17 сл.).

² Ибн 'Аззари, т. I, стр. 15, фр. перевод стр. 19; Ибн 'Абдал-Хаккам, стр. 198.

³ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 15, фр. перевод стр. 19; Ибн Халдун, т. I, стр. 134, 185, фр. перевод стр. 211—212, 286 и Приложение (Nuwairy), стр. 335.

⁴ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 16, фр. перевод стр. 20.

⁵ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 19—20, фр. перевод стр. 25. Наиболее достоверной датой завоевания Карфагена арабами можно, очевидно, считать 688/89 г. (ср. Arajsa, стр. 43).

зенāта, сохранившие старую религию. Верхи джерāва, в целях того же соперничества с другими претендентами на гегемонию и для укрепления авторитета складывавшегося государства, придерживались, как полагают, иудейства. Правила ими в те годы кāхина („прорицательница“), известная главным образом под этим именем и называемая „царицей“ (малика) берберов.¹ Отмечается усиление ее со времени разгрома Григория, а затем Кусейлы.²

В источниках отсутствуют какие-либо сведения о племени джерāва и деятельности Кāхины до вторжения Хассāна. Точно также о сыновьях Кāхины, лишь упоминаемых впоследствии, мало сообщается за период, предшествующий столкновению с Хассāном. Рассказывая о том, что у Кāхины было двое сыновей, Ибн 'Иззāри добавляет: „...один из них обоих — бербер, а другой — грек“.³ Это загадочное сообщение вызывает предположение о некоторых расхождениях между царицей и ее сыновьями или о различии связей и влияний, соответственно тому, какими племенами правили сама мать и сыновья, в качестве вассалов ее или самостоятельно, близ районов господства румов, вдали от них и т. д. Возможно, что то и другое предположения имеют основание.

Отчасти эти предположения подтверждают и дополняют более важные и подробные сообщения Ибн 'Абд ал-Хакмама. Он рассказывает, что еще во время рейда 'Укбы в Сус по степи его преследовали, незаметно для него, берберы во главе с сыном Кāхины, засыпавшие колодцы, которыми пользовались войска 'Укбы.⁴ Таким образом, на обратном пути войско завоевателей оказалось лишенным воды, продвигалось с боями. Во время этих боев 'Укба и был убит. Вместе с ним погиб Абū ал-Мухāджир, закованный в кандалы.⁵

Таким образом, в противоположность приведенной выше общепринятой версии о Кусейле, как единственном серьезном противнике 'Укбы и Зухайра, Ибн 'Абд ал-Хакмама отводит значительное место также сыну Кāхины.⁶ Эти данные проливают свет на ряд существенных моментов, затемненных другими источниками. Необъяснимое, явно гибельное для 'Укбы раздробление им своего войска перед лицом сконцентрированных сил берберов вполне может быть мотивировано описанной выше тактикой сына Кāхины, засыпавшего колодцы. Мы лучше пойдем, как

¹ Ибн 'Абд ал-Хакмама, стр. 200; Ибн Халдун, т. I, стр. 132, 135, фр. перевод стр. 208—209, 213 (собственное имя Кāхины было Дихья бинт Табет).

² Ибн Халдун, т. II, стр. 9, 11, фр. перевод т. III, стр. 191, 193. Среди примкнувших к Кāхине зенāта упоминается даже племя, союзное с магрāва, Кāхина „надела их землями у ее горы“.

³ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27.

⁴ Сына Кāхины Ибн 'Абд ал-Хакмама зовет Ибн ал-Кāхина ал-Берберī (стр. 198).

⁵ Об этом, как одном из вариантов, сообщает также Ибн 'Абд ал-Хакмама (стр. 198).

⁶ В упомянутой публикации Леви-Провансаля приводятся новые данные о кровопролитных боях 'Укбы с берберами в степях, на обратном пути его, до сражения с Кусейлой (Arabica, стр. 30, 39).

в бою против берберов погиб вместе с 'Уқбой друг Кусейлы Абу ал-Мухаджир,¹ если примем во внимание, что, помимо Кусейлы, сражениями руководили и другие вожди. Отступление Зухайра из Кайруана после блестящей победы, одержанной им над Кусейлой, и вопреки этой победе, источники объясняют обычно опасениями Зухайра перед „мирскими соблазнами спокойной жизни“.² Лишь в источнике, недавно опубликованном Леви-Прованселем, приводится более основательная причина — „Зухайр уходит на Восток ввиду истощения трофеев, захваченных у Кусейлы“;³ иными словами: берберы, блокировавшие Зухайра, вынудили его отступить. Победа над Кусейлой не решила исхода борьбы между арабами и берберами. Учитывая сказанное выше и то, что Ибн 'Абд ал-Ҳакам определенно объясняет первое отступление Зухайра победой над ним сына Кāхины,⁴ мы поймем и причину второго отступления Зухайра. А вместе с тем приобретает закономерность появление Кāхины на исторической арене в ведущей роли.

Именно активная связь племен Кāхины с событиями последних лет может объяснить преувеличенную, но выразительную характеристику, которая дается ей в информации, представленной Ҳассāну: „...все рўмы Ифрйқии боятся ее, а все берберы ей подчиняются...“.⁵ Лишь после решительных побед над византийцами и берберами в районе Карфагена Ҳассāн выступил против сил берберов, объединившихся вокруг Кāхины. Спустившись с гор Аурāса, последние напали на арабов и нанесли им решающее поражение. Ҳассāн, преследуемый, вынужден был бежать в Триполитанию. Восемьдесят знатных арабов из армии Ҳассāна попало в плен к Кāхине.

Очевидно, еще до этого боя, готовясь к нему, берберы разрушили город-крепость Бағāйя на восточных подступах к Аурāсу, занятый византийским гарнизоном; они опасались использования его арабами. Видимо, такое отношение к городам у верхов полуоседлых племен, на которые опиралась Кāхина, стало основой тактики в борьбе против арабов. Сообщают, что изгнав Ҳассāна, Кāхина решила развить эту тактику и обратилась к племенам с программой: „Арабам в Ифрйқии нужны города, золото и серебро, а нам нужны от нее поля и пастбища. Мы, стало быть, не видим для вас ничего лучшего, как опустошить Ифрйқию в такой мере, чтобы арабы, отчаявшись добыть здесь что-либо, никогда больше не мечтали вернуться сюда“.⁶ Некоторые

¹ Так характеризует его Ибн Ҳаллун (т. I, стр. 185, фр. перевод стр. 286).

² Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 17, фр. перевод стр. 21; Ибн Ҳаллун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 337.

³ Arabica, стр. 30.

⁴ Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 199.

⁵ Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 20, фр. перевод стр. 25; см также: Ибн Ҳаллун, т. I, стр. 135, фр. перевод стр. 213.

⁶ Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27. Эта программа, кстати, по-

авторы утверждают, что Кāхина полностью осуществила план.¹ Во всяком случае обычно в источниках отмечается вызванное этими планами недовольство горожан, оседлых — берберов и румов. Очевидно, в связи с этими отношениями с городами, Кāхина, победив, не осела в Кайруане, а вернулась в свои горы.

Около пяти лет правила таким образом Кāхина. Ее значение в эти годы вернее всего определяет характеристика Ибн 'Абд ал-Хакама — „владычица большей части Ифрйқи“.² Стратегическая роль этой позиции была решающей — она закрывала арабам доступ в Северную Африку. Между тем, Хассан, обосновавшись по соседству в Триполитании, использовал рознь между Кāхиной и оседлыми для привлечения части берберов и остатков румов на свою сторону, в целях разложения лагеря Кāхины. Дело дошло до того, что окружение Кāхины обсуждало вопрос о капитуляции. Кāхина гордо отвергала подобные предложения — „это было бы позором для ее народа“.³ Но сопротивляемость берберов была ослаблена разбродом в верхах, руководивших ими. Именно это подчеркивала разведка Хассана в своих донесениях: „...берберы разрознены, нет порядка у них и нет у них [общего] мнения“.⁴

Неудивительно, что перед лицом сплоченной тогда арабской армии знать берберов, в том числе и племени джерāва, стала на путь сговора с халифатом. Это предрешило поражение Кāхины. В 695 г. в битве с Хассаном силы ее были разбиты, сама она пала в бою. Сопrotивление героического Аурāса завоеванию Северной Африки было сломлено.

Вопрос об обстановке и условиях покорения Северной Африки всегда интересовал историков. Арабы придерживались того мнения, что берберы покорились и приняли ислам „с целью сохранения своих земель“. Присоединяясь к этой точке зрения, брат знаменитого историка Яхйā ибн Халдун оговаривает, однако, спорность принятия берберами ислама добровольно или под давлением силы.⁵ Между тем факт оставления земель в собственности берберов, принявших ислам, — доказательство договора об арабо-берберском союзе, письменного или устного; принятие ислама населением после военного поражения, как

казывает, что джерāва вели полуоседлый образ жизни, но, видимо, отличались от аураба меньшей связью с оседлыми.

¹ Ибн Халдун, т. II, стр. 136, фр. перевод стр. 214. Однако нет, например, никаких сообщений о попытках разорить главную базу арабов — Кайруан. Поэтому основательно сомнение, выражаемое западноевропейскими востоковедами в реализации Кāхиной тактики „полосы пустыни“ (ср.: Basset. *Melanges Africaines*. Paris, 1915, стр. 6).

² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200.

³ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200—201; Ибн 'Аззārī, т. I, стр. 22, фр. перевод стр. 28—29.

⁴ Ибн 'Аззārī, т. I, стр. 22, фр. перевод стр. 28.

⁵ Яхйā ибн Халдун. Бигйā ар-рувād... (арабский текст), т. I, стр. 72; фр. перевод: A. Bel. Alger, 1904, стр. 96.

полагают мусульманские законоведы не освобождало завоеванные земли от передачи их в качестве трофея (фай') арабам.

Известный голландский востоковед Р. Дози в работе, освещающей завоевание Северной Африки, признает союз арабов с берберами и подчеркивает его условие; "... чтобы перед североафриканцами никогда не кичились добытыми правами, щадили бы их самолюбие и обходились с ними не как с побежденными, а как с равными, с братьями".¹ Однако наиболее распространенная точка зрения отрицает наличие какого-либо союза. Так, французский востоковед Р. Басэ, ссылаясь на ту же работу Р. Дози, приходит к следующему диаметрально-противоположному выводу: „Арабское завоевание Северной Африки, в отличие от Сирии и Египта, столкнулось с общим фронтом берберов и румов, породило арабо-берберский антагонизм, обостряющийся чем дальше, тем больше“.²

Обе точки зрения, несмотря на резкое различие, объединены формальным, неправильным представлением о природе союза. Равенство, братство и т. д. на деле оказались неосуществимыми здесь, в обществе, где союз претворяли в жизнь верхи, уже озабоченные присвоением прибавочного продукта, вырабатываемого своими и чужими народными массами. В борьбе за долю этого продукта сама знать распалась на враждующие группы. Такое расхождение идеализированного союза с действительностью дало повод сторонникам версии незатухающего арабо-берберского антагонизма огульно отрицать существование какого-либо союза. Между тем вся история арабо-берберских отношений развивалась именно под знаком союза, только реального и изменчивого, в соответствии с соотношением сил сторон, с развитием общества и его классов.

Обратимся к фактам из истории арабов и берберов. Много писалось о том, что арабы перед завоеванием какой-либо страны обычно обращались к населению ее с предложением союза в форме принятия ислама на условиях равенства: "... для вас то, что для нас, и на вас то, что на нас“.³ В таком именно порядке началось, по рассказу Нувайри, завоевание Северной Африки.⁴

Приводя указанную формулу, акад. В. В. Бартольд здесь же отмечает расхождение между теорией и практикой. Действительно, первоначальные уравнивательные тенденции мусульманского союза уже скрывают привилегии арабов и классовую дифференциацию, заложенные в его основе. Обязательной формой союза — исламом — освящалась преимущественная роль арабов, знати их в разделе власти, добычи: пророка, сородичей его (шарифов, курайшитов, даже всех мударитов, и т. д.), сподвижников его (аҫ-сахаба) — мекканцев (мухаджиров) и мединцев

¹ R. Dozy. Histoire des musulmans d'Espagne... Leyde, 1861, t. I, стр. 229.

² R. Basset. Melanges Africaines. Paris, 1915, стр. 219—220.

³ В. В. Бартольд. Мусульманский мир. Пгр., 1922, стр. 30.

⁴ Ибн Халдун, фр. перевод, т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 317.

(ансаров), многочисленных учеников их, преемников (таби') и т. д.¹ Союзникам объективно предназначалась роль вассалов. Это привилегированное положение арабской знати дополнялось освящением их городов как центров ислама, их языка как единственного ритуального языка, а затем и государственного.

Кроме того, ислам не просто сохранял за союзниками их собственность; он освящал претензии местных верхов на владение землями, которыми те, до арабских завоеваний, лишь распоряжались от имени племени. Формировавшийся же государственный аппарат халифата помогал этим верхам постепенно осуществлять экспроприацию племенных масс.

Классовая тенденция такого союза особенно наглядно выступает в форме, называемой мусульманской традицией „та'лиф ал-кулуб (привлечение сердец). С ней связано расходование налога садака, предусматривающего долю его в пользу „тех, чьи сердца завоевываются“² (наряду с долей в пользу родичей пророка и др.). Авторитетные толкователи Корана подтверждают, что здесь имелись в виду именно верхи склоняемых к исламу племен и народов. Один из них сообщает, например, об одаривании Мухаммедом курайшитской знати и племенных вождей за счет садака; вожди племен Неджда получили по 100 верблюдов. Это были „дары, жалуемые могущественным лицам и недоступные бедным.“³ Именно такую политику пытался проводить в Северной Африке упомянутый правитель ее — Абӯ ал-Мухаджир. Так как преемник его, Укба, нарушил эти принципы в отношениях с Кусейлой, то он укорял его словами: „... пророк добивался соглашения с вождями арабов, а ты третируешь мужа, могущественного в своем племени“.⁴

Берберы, конечно, были информированы об этих тенденциях арабов издавна. Кроме того, арабы во время своих набегов на города-форпосты румов в Северной Африке объективно оказывали помощь берберам, борющимся против Византии, становились их союзниками. В свете всего изложенного несомненным отражением действительных событий является сообщение арабских источников о союзе, заключенном между халифом Османом и верхушкой упомянутого племени магрáva. Авторы расходятся в оценке деталей состоявшегося соглашения — то ли представители племени магрáva явились к арабам в качестве послов, то ли они попали в плен к ним. Равным образом нет единства в определении даты события.⁵ Зато в характеристике соглашения они единодушны: представители

¹ Ср.: Коран VIII — 1, 42, 73—76; IX — 101, 118; LVII — 10, а также табель распределения доходов от добычи у Дж. Зайдана: Та'рих ат-тамаддун ал-исла́мий (арабский текст), Каир, 1902 т. 1, стр. 125; Hitti, стр. 172.

² Коран IX — 60. Кстати, этот вопрос совершенно обходится востоковедами.

³ H. Laoust. Le traité de droit public d'Ibn Taimya. Beyrouth, 1948, стр. 49—51.

⁴ Ибн Халдун, т. I, стр. 186, фр. перевод стр. 287.

⁵ Ибн Халдун, т. I, стр. 127, 132, фр. перевод стр. 199, 210; Яхйя ибн Халдун, т. II, стр. 84, фр. перевод стр. 110. Источники относят это событие ко вре-

магрāва приняли ислам как союзники, со всеми вытекающими последствиями, халиф принял их под свое покровительство (в качестве мавāли), утвердил главу магрāва Сўлāта ибн Узмāра из рода хазар в качестве правителя их княжества. Подчеркивают, что при переговорах „мусульмане оказали вождям берберов особый почет, которого не проявляли ни к одному из народов“.¹ Затем источники сообщают об этих вождях берберов: „Они вернулись в свою страну радостные, с дарами“.²

При всех разногласиях и определенных элементах легенды основа этих сообщений проверяется и подтверждается большинством источников и всеми событиями. Больше того, логично полагать, что союз 'Осмāна с магрāва оказал решительное влияние на планы халифа, в известной мере определил решение его организовать поход. Тогда становится понятной и отмена категорического запрета похода, установленного 'Омаром, и энергичное участие 'Осмāна в организации его. В противном случае осталась бы беспредметной инвестиция 'Осмāна хазаридам, обязательство покровительствовать им и т. д.

Выше приводились упоминания о верности магрāва союзу, об активной помощи их арабам. Именно от них могло исходить приведенное донесение Хассāну о силе Кāхины. В устах соперников ее, хазаридов, союзников арабов, приобретает смысл признание превосходства роли Кāхины, с обязательством: „А если убьешь ее, покорится тебе весь Магриб и не останется против тебя ни врага, ни сопротивляющегося“.³

В противоположность хазаридам, образы Кусейлы и Кāхины отражают в основном волю народа к борьбе за независимость. Однако и в их действиях сказывалась тенденция к определенному сближению с арабами. Кусейла даже сделал такую попытку, вступив в соглашение с Абū ал-Мухāджиром. Только нарушение условий 'Уқбой и его заносчивость толкнули Кусейлу на борьбу против него. При этом Кусейла сохранил союзные отношения с арабами Кайруана, ставшего его столицей.

Кāхина сама не вступала в соглашение с арабскими правителями, но она проявила особое доброжелательство к знатным арабам, попавшим к ней в плен, отпустив их на свободу, исключая одного Хāлида ибн Йāзида, усыновленного ею. Хāлид, видимо, не всегда без ведома Кāхины сносился с Хассāном. Во всяком случае, предание приписывает ей поручение Хāлиду, накануне решающего сражения, договориться с Хассāном о предоставлении последним амāна (безопасности, покровительства) для сыновей Кāхины, получивших ее согласие перейти в стан арабов.⁴

мени правления 'Османа, однако встречается, хотя и редко, и датировка правлением 'Омара (ср.; Fournel, т. I, стр. 26, 113).

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 133, фр. перевод стр. 210.

² Ибн Халдун, т. II, стр. 234, фр. перевод т. III, стр. 228.

³ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 20, фр. перевод стр. 25.

⁴ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200—201; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 21—23; фр. перевод стр. 27—29; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 214—215.

Единственное оправдание этого шага Кāхина видела в том, что таким путем ее „сыновья достигнут власти... и гарантируют берберам славу“.¹ В этих словах наиболее рельефно выступает политическое значение союза арабо-берберских верхов. Действительно, сыновья Кāхины, приняв ислам, выставили, по условию с Хассāном, двенадцатитысячный отряд берберов Аурāса для участия в джихāде и были поставлены во главе этого войска.² Таким образом, вместе с племенами, руководимыми магрāва на западе от Аурāса и состоявшими давно в союзе с арабами, халифату покорились, приняв ислам, основные племена центральной части страны.

Соответственно задачам укрепления арабо-берберского блока, Хассāн утвердил Кайруан резиденцией, сделал ее центром управления, основал здесь ведомства (дивāны), построил соборную мечеть. При поддержке союзных племен берберов, город превратился в центр распространения ислама. В свою очередь соседние и другие „правоверные“ берберские вожди получили большую возможность упрочить и развить свое внутривозрожденное господство, носившее еще феодально-патриархальный характер. Экспансию их ограничивала задача арабским завоевателям земель непокорных племен („неверных“). Но и повинности правоверных вождей берберских племен в отношении центральной власти ограничивались незначительным полупатриархальным сбором зекāt, садақа (очистительный налог, милостыня). В этом заключалось экономическое значение блока.

Общая картина феодальных отношений в Северной Африке не находит конкретной расшифровки в арабских источниках. Говоря о них, авторы, начиная с самых ранних (Ибн ‘Абд ал-Хакам — середина IX в.) и кончая позднейшими (Ибн Халдун — вторая половина XIV в.), почти дословно повторяют одну нечеткую формулировку, не внося в нее ни дополнений, ни разъяснений. Они сообщают, что Хассāн „наложил харрāдж на ифрйкийских чужеземцев (аджем) и на тех берберов, которые вместе с первыми отстаивали христианство“.³

Эта нечеткость отражает складывавшиеся еще феодальные отношения того этапа развития халифата. Дошедшие до нас известия дают основание считать, что халифат усваивал найденные в готовом виде на территории Ирана и Византии⁴ феодальные формы экспроприации и

¹ Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23—24, фр. перевод стр. 29.

² Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23, фр. перевод стр. 29; Ibn el-Athir. Annales du Maghreb... Перевод E. Fegnap. Alger, 1898, стр. 31; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 214 и Приложение (Nuwairy), стр. 341; Ибн Абд ал-Хакам, стр. 201.

³ Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 201; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215. См. также: Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23 (исключая несущественное стилистическое отступление), фр. перевод стр. 29.

⁴ Об этом свидетельствует термин харрāдж. Упомянутый ниже арабский правитель

эксплуатации непосредственного производителя. Последнего облагали налогом-рентой, „харādж“, за пользование экспроприированной у него землей, а леннику предоставлялось право сбора этого харādжа с земель, отданных ему в бенефицию (икта¹). Однако на деле, феодализация в Северной Африке встречала упорное сопротивление племен. Последующие события подтверждают, что арабская и берберская знать лишь в слабой мере осуществляли предоставленные им права. Хассан успел только сделать некоторые попытки в этом направлении, как его отозвали.

На политике Уқбы и Абū ал-Мухādжира отразилась феодальная борьба, связанная с двумя линиями в отношении завоевателей к берберам: блока с ними (Абū ал-Мухādжир) и безоговорочного подчинения их (Уқба). С ростом успехов мусульманского войска усиливалось значение арабской аристократии, чванство ее своей родовитостью и пренебрежение к союзникам — „безродным“ мавāли („клиентам“). В смещении Хассана основной причиной выступает уже более явное межфеодальное соперничество. Египетский наместник, от которого зависел Хассан, отозвал его, вознамерившись присвоить все богатства, которые тот накопил в Северной Африке. Хассан, узнав об этом, благополучно миновал Египет, спрятав главные ценности в кувшины с водой, и поднес их затем в дар халифу.¹ Тем не менее он не вернулся более в Магриб. В последующих назначениях и деятельности правителей Северной Африки еще ярче выступит соперничество феодальных группировок в борьбе за долю прибавочного продукта.

В 698/99 г. правителем Северной Африки был назначен Мусā ибн Нусайр, ранее занимавший пост сборщика харādжа в Басре.² Он застал страну в огне восстания и начал свою деятельность с опустошительных экспедиций в глубь страны. В радиусе трех дней пути от Кайруана племена, сохранившие старую доисламскую религию или отрехшиеся от ислама, принятого верхами, подвергались разграблению, массовому угону в плен, в рабство взрослых и детей. Он казнил мятежных, непокорных вождей, глав городов, ставил на их место из других племен вождей „хорошей репутации“. Называют, в частности, города Сūs, Буср (крепость), Зегвāн, Седжūма, подвергшиеся таким расправам. Особенно пострадала Седжūма. Известие говорит о шестистах именитых горожа-

Северной Африки, Йазид ибн абū Муслим, прямо ссылался в этом на опыт Рима (Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213—214).

¹ Хассан сам преподнес египетскому наместнику в дар „200 молодых девушек знатного происхождения, румок и берберок“ (Ибн 'Аззāрй, т. I, стр. 23, фр. перевод стр. 30).

² Мусā был сыном маулā, плененного в Недже в 633 г., по одной версии, из лахмидов (южан, йеменитов), по другой — из племени Бакр ибн Ва'ил (северян, ветви рабй'а). Сам Мусā числился „под покровительством“ брата халифа. Дата назначения его в Северную Африку, как и другие, относящиеся к событиям того времени, не уточнена — от 699 до 705 г. (Ср.: Ибн 'Аззāрй, т. I, стр. 24, фр. перевод стр. 31; Fouquet, t. I стр. 231).

нах, убитых там, и разъясняет, что Мусā дал согласие на эти расправы находившимся при нем трем сыновьям 'Уқбы, как месть за убийство их отца племенем аураба.¹

В Марокко Мусā проделал повторно поход, осуществленный 'Уқбой. На позициях, контролировавших перевал через горы Атласа и далее до долины Сус, Мусā закрепил покорность племен тем, что утверждал послушных ему вождей и отбирал заложников из среды знати. Непокорных жестоко наказывали и уводили в плен. Одна пятая часть пленников, переданная халифу как его доля добычи, исчислялась десятками тысяч.

Мусā не только утвердил свою власть над главными племенами центральной части, но опираясь на них, стал покорять племена соседних областей. Ему покорились некоторые кочевники племени хаввāра на юге, приняли утвержденного им вождя горцы Кабилии (кетāма).² Опустошения, произведенные всей предшествующей борьбой, Мусā использовал для разрыва старых связей племен, переселив многих из окраин в опустошенные районы центра.³

Некоторые источники сообщают о капитуляции, без сопротивления Мусе, всех перечисленных районов, о подчинении их системе заложников, согласии с утвержденными для них вождями.⁴ Во всяком случае нет основания считать, что Мусā нарушил союз с берберскими верхами. Наоборот, он завершил его. Правителем Марокко (Танжера) Мусā назначил своего маулā, бербера Тāриқа.⁵ Заложники были влиты в отряд последнего, насчитывавший двенадцать тысяч берберов. Ему были переданы также арабы, назначенные для обучения берберов Корану и шаритату. Ибн 'Аззāри именно Тāриқу приписывает исламизацию Марокко.

Наконец, Мусā подвел новый материальный фундамент под арабоберберский блок и расширил его социальную базу соучастием берберских воинов ряда племен в набегах и разделе добычи. Мусā был первым правителем Северной Африки, организовавшим набег на Сицилию и ограбление Сиракуз. Укрепившись в Танжере, Мусā организовал набег берберов в 710 г. на побережье Испании, давший участникам его очень богатую добычу. В том же году он отрядил Тāриқа

¹ Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 205; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 25—26, фр. перевод стр. 31—33.

² Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 25—26, фр. перевод стр. 32—33; Fournel, т. I, стр. 234—35.

³ Ибн Ҳаллун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215.

⁴ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 27, фр. перевод стр. 35.

⁵ Среди военачальников Мусы были его сыновья, племянник, трое сыновей 'Уқбы и другие представители арабской знати. Надо полагать, что только заключенный союз принудил арабскую знать уступить такое выдающееся положение берберу (ср.: Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 204—205; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 36—37).

с войском, состоявшим главным образом из берберов, на завоевание земель Испании.¹

Участие этих берберских масс под руководством своих племенных вождей в разделе богатой добычи, перспективы новых завоеваний, иллюзии раздела власти, временно сцементировали арабо-берберский блок. Источники отмечают, что отпадение берберов от ислама было обычным явлением до 710 г., а с этого времени „упрочилась среди них [берберов] заповедь ислама и прекратилось вероотступничество“.² Тогда же Северная Африка — ранее область, подчиненная египетскому „наместнику“ и охватывавшая одну Ифрийку, — получила особое управление в халифате. Эта провинция приобрела арабское название Магриб (запад); Испания вначале была включена в состав новой провинции.

Не только у разных авторов, но в одних и тех же источниках для правителей, облеченных одинаковой властью, применяются разные термины. Так, термин „валі“ применялся и к „наместнику“ Египта, от которого зависел правитель Ифрийки, и к последнему.³ Встречается этот термин и для обозначения правителя района, города (Туниса), подчиненного полузависимому наместнику халифа в Ифрийке.⁴ В последнем значении, а также для обозначения наместников Египта, Триподи, Барки употреблялся также термин „амил“.⁵ Чаще всего встречающийся термин „эмир“ применялся преимущественно для обозначения крупных племенных вождей, как берберских племен,⁶ так и арабских.⁷ Очень редко, и то не в конкретном применении к тому или иному лицу, встречается значение „эмир“ как правитель Ифрийки, Северной Африки в изучаемое время.⁸ Таким образом, Северную Африку нельзя пока уточнить ни как эмират, ни как вилайет, и поэтому пользуемся общими терминами „наместничество“ и т. д. Самое превращение Северной Африки в наместничество прослеживается по возросшей власти местного представителя халифата.⁹

¹ Характеризуя состав войска Тарики, авторы дают о нем различные сведения: „арабы, берберы и их заложники“ (Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 36), „берберы и их вожди“ (Ибн Халлун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215); различно определяется и численность войска: 12 000 берберов (Ибн Халлун, там же), 1700 человек (Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 204) и т. д.

² Ибн Халлун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215—216.

³ Ибн Халлун, т. I, стр. 136 и 139; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200.

⁴ Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 56; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 205.

⁵ Ибн Халлун, т. I, стр. 135, 138; Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 77, 80; Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 216—217, 221.

⁶ Ибн Халлун, т. I, стр. 127—128, 136, 138—139; Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 67, 69, 72.

⁷ Ибн Халлун, т. I, стр. 18, 27, 33, 218—219.

⁸ Ибн Халлун, т. I, стр. 137; Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 36.

⁹ Ср.: Ибн 'Аззәррӣ, т. I, стр. 33—34, фр. перевод стр. 44—45; Fournel, t. I, стр. 231.

Завоевания вели к углублению эксплуатации масс и обострению борьбы господствующего класса за экономическое благосостояние, за власть. Феодалные распри отдельных группировок стали выступать еще более обнаженно, чем при Хассане. И понятно, что первыми жертвами распри становились вассалы-берберы. Именно на этой почве разгорелся конфликт между Мусой и Тариком. Завидуя славе своего маула в Испании, растущему влиянию его и захваченной им добыче, Мусā лично явился с отрядом в составе „арабской знати, мавāли и берберских вождей“ в Испанию. Тариқ встретил своего „покровителя“ покорно, словами: „Подлинно, я твой маула, и это завоевание — твое“.¹ Мусу не удовлетворила эта внешняя покорность, он схватил Тариқа, собираясь казнить его.² Однако по распоряжению халифа Мусā вынужден был отпустить Тариқа. Он сам был вскоре отозван, а его богатства были присвоены халифом, по тем же причинам, по которым Мусā ранее преследовал Тариқа.³

Преемник Мусы Мухаммед ибн Йазид аз-Курайши, маула курайшитов, прибыл с поручением окончательно уничтожить в Магрибе влияние своего предшественника, захватить богатства его родичей и сторонников. Сына Мусы, Абдаллаха, поставленного отцом править Ифрийкией, Мухаммед подверг пытке, затем казнил. Второй сын Мусы, Абд ал-‘Азйз, правитель Испании, был убит своими приближенными по призыву халифа. Головы обоих сыновей были отосланы халифу и предьявлены Мусе, в то время как его самого подвергали пытке.⁴

Распри между отдельными семьями господствующего класса, наряду со столкновениями между арабами и берберами, осложнялись давним соперничеством между арабами-северянами (қайситами) и южанами (йемени-тами, калбитами). Мухаммед ибн Йазид, как маула курайшитов, назначил қайситов правителями.⁵ Политика Мухаммеда в отношении берберов сводилась к набегам на непокорные племена, с целью захвата добычи и расширения круга подданных, обязанных уплачивать харāдж.

Тем временем во всем халифате становится все обременительней налоговый режим. Вслед за экспроприацией и закабалением неверных, ставших подданными халифата, покоренных силами правоверных, насту-

¹ Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 207.

² Сообщается, что донесение халифу о конфликте доставил посланный Мусы, которого Тариқ подкупил, подарив ему 100 рабов (Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 210; Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 37).

³ Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 29—32, фр. перевод стр. 38—42.

⁴ Этих характерных подробностей касаются не все источники. А Ибн ‘Аззāрй, сообщая о них (т. I, стр. 32—33, фр. перевод стр. 43—44), выражает сожаление по этому поводу, ибо эти акты „позорят халифа“. Надо полагать, что именно поэтому другие авторы опустили подробности, позорящие халифа. Казнь Абдаллаха некоторые источники связывают с последующими событиями 739 г. (Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 213).

⁵ Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 33, фр. перевод стр. 44.

пил черед закабаления мусульманских масс. Этот поворот выразился прежде всего в обложении налогом-рентой — хараджем — земель мусульман. Огнем и мечем проводилась новая политика на востоке халифата. Как наиболее яркий представитель ее, известен иракский наместник Хаджжадж, железной рукой уничтоживший всякую оппозицию.

Эта практика нашла отражение в налоговой политике магрийских наместников. Вместе с тем, наряду с тенденцией распространить хараджные отношения на берберов-мусульман, все определеннее стала выступать в Магрибе форма реализации феодальной собственности на землю, система икта'. Имеется сообщение, подтверждающее это: „... в период завоеваний, когда мусульмане овладели Магрибом и его провинциями, они поделили его между собою“.¹ Там же дано описание лена (икта'), предоставленного в результате этого раздела одному калбиту, Салеху ибн Мансур, на земли долины р. Нокур в Марокко, близ Средиземного моря, в период наместничества Мусы. Брачные и иные союзы Салеха с местной знатью, превратившие берберов в его мавали, многочисленное потомство, а также поддержка халифата — все это упрочило его влияние. Затем этот лен стал наследственным владением, феодальным княжеством. Княжество не избегло восстаний эксплуатируемых берберов, отречений их от ислама, временного возврата к полупатриархальному строю, во главе с выборным сородичем-вождем; но в конечном счете Салеху и его преемникам удавалось восстановить свою власть.²

Наличием феодальных владений икта' можно объяснить постоянные выступления в Магрибе потомства и мавали прежних завоевателей — Му'авии ибн Худайджа, Укбы, Мусы, Мухаммеда ибн Йазйда и т. д. Осев здесь в своих вотчинах, они были военной и гражданской властью; дополнявшей джунд — войско наместника. Их, очевидно, имеют в виду источники, часто упоминая „знать ифрикийцев-курайшитов, ансаров и др.“³

Политика экспроприаций и тяжелых повинностей, особенно ошутительная на востоке халифата, вызывала восстания, расшатывавшие трон халифата. В противовес этому росла тенденция другой части арабских верхов отменить „некоранические“ налоги, пойти на некоторые уступки популярному требованию „возврата к книге Аллаха и сунне посланника его“, которое выражало сопротивление растущей феодальной эксплуатации. Представителем этой тенденции стал халиф Омар II, правивший с 717 до 720 г.

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 282, фр. перевод т. II, стр. 137.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 283—284, фр. перевод т. II, стр. 138—141. Династия Салеха правила до начала X в.

³ Ибн Абд ал-Хаккам, стр. 218, а также стр. 210, 214, 219.

В соответствии с этим курсом наместником Магриба был назначен внук Абу ал-Мухаджира, убежденного сторонника союза с берберами, Исма'йл ибн Убайд Аллах. Вместе с ним в Магриб прибыло десять мусульманских богословов. 'Омар II обратился с соответствующим призывом к населению, объявленном во всех городах Магриба. Отмечается особо, что Исма'йл „вел примерную жизнь и в его владениях не осталось ни одного бербера вне ислама“.¹ Такая характеристика, конечно, очень преувеличена, хотя упрочение ислама в те годы действительно наблюдалось, в частности, именно тогда на Магриб был впервые распространен запрет пить вино.²

Однако каковы бы ни были благие порывы или предусмотрительность отдельных представителей правящего класса, никакие религиозные каноны не могли побудить феодалов добровольно отречься от своих привилегий, никакие призывы халифа и примерная жизнь наместника не могли задержать, повернуть вспять колесо истории. Наоборот, преемник 'Омара II сделал крутой поворот в сторону углубления социальной дифференциации.

Ярким выразителем поворота политического курса стал новый наместник Магриба Йазид ибн абу Муслим; он был маула упомянутого Хаджжаджа и правой его рукой. Йазид возобновил преследование против родичей и мавали Мусы, а заодно и против первого преследователя Мусы, преемника его, Мухаммеда ибн Йазйда.³ В этих мероприятиях Йазйда уже отчетливо прослеживается борьба феодальных группировок, осложненная стремлением центральной власти ограничить могущество местных держателей ленов.

В первый же год управления деятельность Йазйда вызвала волнения, приведшие к его гибели. Большую роль в данном случае сыграли интриги обосновавшихся в Магрибе арабских феодалов. Однако причина возмущения лежала гораздо глубже. Почти все арабские источники, несмотря на разноречие в деталях и на подчеркивание значения интриг, приводят факты, свидетельствующие о народном характере волнений. Один из них говорит об Йазиде, что „он хотел действовать подобно Хаджжаджу в Ираке“.⁴ Другие передают, что он пытался „клеить“ руки своих дружинников „по образцу Византии“, „для отличия их от остальных берберов“.⁵ Большинство источников связывает этот акт с намерением Йазйда присвоить, в качестве доли халифа

¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213.

² Ибн 'Аззайри, т. I, стр. 34, фр. перевод стр. 44—45.

³ О многочисленных фактах этого рода сообщают Ибн 'Абд ал-Хакам (стр. 213) и Нувейри [Ибн Халдун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairi); стр. 354]. Однако Ибн 'Аззайри умалчивает о них.

⁴ Ibn el-Athir. Revue Africaine. Alger, 1897, стр. 26.

⁵ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213; Ибн 'Аззайри, т. I, стр. 34, фр. перевод стр. 45.

в добыче, самих дружинников и их богатства. Ибн 'Абд ал-Хакам также сообщает об учете Йазидом имущества и детей клейменных, в качестве причитающейся халифу доли добычи.¹ Действительно, „клеймение“ части берберов-мусульман могло означать только их закрепощение в качестве воинов, членов дружины, тогда как повинностью всех остальных берберов, мусульман и немусульман, стала уплата налога хараджа за пользование захваченной у них завоевателями земли, к которой они фактически прикреплялись. Именно эта острота классовой борьбы привела к убийству Йазйда.²

Однако в 721 г. взаимная связь арабо-берберских верхов оказалась еще достаточно прочной. Массы еще доверяли халифу. Местные верхи выдвинули кандидатом в правители одного из осевших здесь ансаров Мухаммеда ибн Ауза, находившегося вне подозрения в причастности к убийству Йазйда. На время халиф признал его.

В том же году прибыл новый наместник, калбит (йеменит) Бешр ибн Сафван. Он, видимо, окончательно захватил собственность Мусы ибн Нузайра и уничтожил его род.³ Важнейшими источниками доходов наместника оставались: завоевания в Испании, набеги на Сицилию, экспроприация берберов, оставшихся „неверными“. Поэтому правителем в Испании Бешр поставил верного ему калбита, а сам возглавил экспедицию в Сицилию. Бешр умер в 727 г., оставив своим заместителем другого калбита.

Халиф, однако, в следующем году прислал наместником 'Убайда ибн 'Абд ар-Рахмана. С удивительным однообразием повторилась прежняя история: новый наместник, захватив врасплох всех помощников и приверженцев предшествовавшего наместника, Бешра, стал пытаться их, понуждая платить контрибуцию. Арабские историки и некоторые современные исследователи рассматривали эти меры как поддержку халифом қайситов в их соперничестве с калбитами.⁴ Но приведенные данные подтверждают беспочвенность попыток сводить феодальную борьбу в пределах господствующего класса к межплеменным распрям. После пятилетнего правления 'Убайда халиф внял жалобам его противников и отозвал его (734 г.).

¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 214.

² Некоторые считают, что дружина была сформирована из мавля, захваченных у родичей Мусы ибн Нузайра. Влиянием последних они объясняют роль этих мавля в убийстве Йазйда. Но мы впредь встретимся с подобным участием мавля Мусы в массовой борьбе против халифата, против всей арабской знати. (Ср.: Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213—218).

³ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 35, фр. перевод стр. 46. Напомним, что зачинатель ликвидации рода Мусы, Мухаммед ал-Курайши опирался на қайситов (там же, стр. 33, фр. перевод стр. 44) и, очевидно, к ним же следует отнести Йазйда, маула қайситов, продолжателя этих акций.

⁴ См. фрагмент поэмы, приведенный Ибн 'Аззари (т. I, стр. 36—37, фр. перевод стр. 48). Очевидно, в этом была доля истины, но только доля.

Свыше года временно правил заместитель, а с середины 734 г. прибыл новый наместник. Значение Магриба к этому времени возросло, его наместнику был подчинен Египет, в которой последний назначал своего заместителя, как и в Испании. Новый наместник 'Убайд Аллах ибн ал-Хабхаб, маула рода Селул, был қайситом. Египтом и Танжером правили его сыновья; в Испанию он назначил правителем сына своего „покровителя“, которому считал себя обязанным предоставить выгодное место.¹

В годы правления 'Убеид Аллаха к прежним экспедициям из Магриба на его окраины и в Сицилию прибавились набеги на Судан, доставлявшие войску золото и девушек-рабынь.² Однако вместе с укреплением феодальных отношений халифата и в Магрибе основой фискальной политики стали налог-рента и закрепощение непосредственного производителя.

На этой почве в 739 г. под знаменем мусульманской ереси, хариджизма, вспыхнуло невиданное ранее массовое восстание. Первыми жертвами народного гнева были правители, поставленные наместником на севере и на юге Марокко. В отличие от прежних возмущений восстание, начавшееся в 739 г., в результате тяжелых поражений, нанесенных войскам халифата, выросло в войну, в итоге освободившую Магриб от господства халифата.

Долгие годы длилась эта борьба. Отдельные ставленники халифата удерживались еще на восточной окраине в Кайруане, в Ифрийки. Но и там они, подобно некоторым другим мелким государствам, возглавляемым арабами, отложились от халифата, а затем вовсе были сметены, уступив дорогу складывавшемуся в Магрибе независимому государству.

Полувековой контакт с арабами не мог пройти бесследно для Магриба. Прежде всего влияние его выразилось в почти полном вытеснении исламом других монотеистических религий — иудейства и христианства, распространенных ранее среди части берберов. Новая религиозная идеология как надстройка ускорила развитие феодальных отношений, упрочила господство их, стала основой союза арабо-берберских верхов. Углубление классовой дифференциации, рост противоречий между феодальными группировками, в процессе которого арабская знать вытесняла берберов с командных позиций, вызвали нарастающее сопротивление неравноправным, насильственным формам союза. Однако свержение господства халифата после 739 г. не разорвало связей Магриба с арабами. Оно лишь отчасти устранило их насильственную форму. Тем самым открылись новые возможности развития арабо-берберских связей, на более прочной и расширенной социальной основе. Этот вопрос, а также более подробный анализ классовых отношений намечается осветить в следующем сборнике, в статье, посвященной хариджитам Магриба.

¹ Ибн 'Аззәрй, т. I, стр. 39—40, фр. перевод стр. 51—52.

² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 217.

„КНИГА ПУТЕЙ И ГОСУДАРСТВ“ ИБН ХОРДАДБЕХА

(К изучению и датировке редакций)

„Книга путей и государств“ Ибн Хордādбеха является, если не считать памятников математической географии, первым из дошедших до нас арабских географических произведений. Со времени ее первого издания в 1865 г. по Константинопольской и Оксфордской рукописям этот труд вызвал большой интерес в востоковедных кругах.¹

Книга Ибн Хордādбеха целиком относится к IX в. н. э. Она открывает статистическое направление в арабской географической литературе и занимает благодаря своеобразию, оригинальности и высокой степени достоверности содержащихся в ней сведений исключительное место среди прочих географических сочинений. Основу ее тематики составляет детальное описание маршрутов ряда стран Переднего Востока, Северной Африки, Ирана, Кавказа и Средней Азии. В центр маршрутной сети положен Багдад; автор подробно перечисляет станции с указанием расстояний между ними по маршрутам, идущим из Багдада на Кавказ, в Среднюю Азию, в города Ирана, Китай и Индию. Другие маршруты ведут в Палестину, Сирию, Ирак, Малую Азию, в города Северной Африки и различных областей Аравийского полуострова. Значительное место в тематике сочинения занимают также сведения об административном делении различных стран и областей, о налогах, взимавшихся с той или иной административной единицы. Кроме того, в книге немало материалов по истории и истории культуры отдельных стран, описаний их природных условий и сведений этнографического характера. Следует подчеркнуть, что большую часть материалов, собранных в архивах раз-

---

¹ Le Livre des routes et des provinces par Ibn Khordadbeh. Publié, traduit et annoté par C. Barbier de Meynard. Journ. Asiatique, sér. VI, t. V, № 17, Paris, 1865. (В дальнейшем: Ибн Хордādбех, изд. Барбье де Менара); M. Ch. De fr é m e r y. Remarques sur l'ouvrage Géographique d'Ibn Khordadbeh. Journ. Asiatique, sér. VI, t. VII, Paris, 1866, стр. 239—277; N. K h a n i k o f. Lettre à M. Ch. De fr é m e r y. Journ. Asiatique, sér. VI, t. VII, Paris, 1866, стр. 282—287.

личных ведомств халифата, Ибн Хордādбех впервые ввел в средневековую арабскую научную литературу, и его книга была одним из основных источников для ряда позднейших авторов.¹ Правда, столь очевидная для нас ценность статистических сведений Ибн Хордādбе́ха не всегда признавалась средневековыми учеными. Арабский историк и географ X в. ал-Мас'удий писал по поводу „Книги путей и государств“: „Нет пользы в знании расстояний и дорог, поскольку оно [необходимо лишь] завоевателю, экспедиторам и письмоносам“,² хотя, по его словам, эта книга была самой известной из всех географических сочинений в его время.³

В 1889 г., основываясь на найденной в Египте более подробной редакции „Книги путей и государств“, де Гуге в своей известной серии „Bibliotheca Geographorum Arabicorum“ дал новое (с французским переводом) ее издание,⁴ на которое отозвался и академик В. Р. Розен.⁵

С изданием де Гуге, дающим вполне надежный текст, „Книга путей и государств“ заслуженно обретает широкую известность и входит в научный обиход как важнейший источник для истории и исторической географии стран Ближнего Востока, Северной Африки, Средней Азии и Кавказа. К этому памятнику не раз обращались в своих работах Томашек, Бартольд, Маркварт, Шварц, Минорский и другие ученые.

Об авторе „Книги путей и государств“, полное имя которого Абу-л-Кāсим 'Убейдаллāх ибн 'Абдаллāх ибн Хордādбех, мы знаем очень немногое. Ибн Хордādбех родился в Хорасане⁶ (точнее место его рождения неизвестно), как предполагают, в 205/820 г. н. э.⁷ Отец его,

¹ Сведения Ибн Хордādбе́ха использовали в своих сочинениях Ибн ал-Фақйх (X в.), Кудама ибн Джа'фар (X в.), ал-Джейхāни (X в.), ал-Муқаддасй (X—XI вв.), ал-Идрисй (XII в.), Йāкут (XIII в.) и другие авторы.

² Al-Mas'udi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, I—IX. Paris, 1861—1877, t. II, стр. 70.

³ Kitāb at-tanbih wa'l-išhrāf. Auctore al-Mas'udi, ed. M. de Goeje, Bibliotheca Geographorum Arabicorum (в дальнейшем: BGA), t. VIII, Lugduni Batavorum, 1894, стр. 75.

⁴ Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik. Auctore Abu'l Kāsim 'Obeidallāh ibn 'Abdallah ibn Khordadbeh. BGA, t. VI, 1889.

⁵ В. Р. Розен. Новооткрытая рукопись труда Ибн Хордādбе́ха, Зап. Вост. отд. Русск. арх. общ., т. I, 1886, стр. 225—226.

⁶ Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum primum editit. . . G. Fluegel, I—VII. Leipzig—London, 1835—1858, стр. 509. (В дальнейшем: Хāдж и Хāлйфа).

⁷ В. И. Беляев. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, Тр. Инст. востоковед. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 17. (В дальнейшем: МИТТ). См. там же (стр. 18) литературу об Ибн Хордādбе́хе.

‘Абдаллах ибн Хордādбех, в 201—203/816—819 гг. н. э. был правителем Табаристана.¹ После ухода с этой должности он не имел недостатка в средствах и дал сыну блестящее образование. Ибн Хордādбех, кроме „Книги путей и государств“, оставил после себя ряд сочинений, посвященных арабской и персидской литературе, истории арабов и персов, а также вопросам этики истории музыки.

О том, как и когда началась карьера Ибн Хордādбеха, неизвестно, но уже в 240—250/850—860-х годах он вращался в высоких придворных сферах, был лично знаком с бывшим везиром ал-Фадлем ибн Мервāном (250/864 г.), с посланником халифа ал-Вāсиқа Селлāмом ат-Тарджумāном и другими лицами. Возможно, что в эти годы он и стал начальником дивана почты и государственного осведомления в провинции ал-Джибāl.² Этот пост открыл Ибн Хордādбеху доступ к архивным документам (подорожным, спискам податей, провинций и т. п.), столь широко использованным им в своем географическом труде. Характер должности ясно показывает нам политическое лицо Ибн Хордādбеха: это был преданный халифу человек — глаза и уши халифа. Арабский географ и филолог начала X в. Қудāма ибн Джа‘фар в предисловии к главе о маршрутах своей „Книги хараджа“ говорит, что главное качество, которым должен обладать начальник почтового ведомства, — абсолютная преданность халифу.³

Верным слугой халифа Ибн Хордādбех был до конца своей жизни. Он стал приближенным халифа ал-Му‘таида (870—892 гг.) и часто развлекал его своими рассказами. На эти годы падает расцвет научной деятельности Ибн Хордādбеха. В 80-х годах IX в. он закончил свою „Книгу путей и государств“, а в 90-х — историю, которую он, по словам ал-Мас‘ūdй,⁴ довел до дней ал-Му‘таида (892—903 гг.). Если верить турецкому библиографу XVII в. Хāджи Хāлифе, Ибн Хордādбех умер в 300/912 г.⁵

„Книга путей и государств“ — единственное дошедшее до нас сочинение Ибн Хордādбеха. Перед исследователем, встает ряд сложных вопросов, связанных с историей этого замечательного памятника, в частности, требует своего разрешения проблема датировки и соотношения дошедших до нас двух редакций „Книги путей и государств“.

¹ Ибн ал-Фақйх. Китāб ахбар ал-булдāн. Фотокопия Мешхедской рукописи Инст. востоковед. АН СССР Ф-В 202, л. 153а₁₇. (В дальнейшем: Рук.).

² Об этой должности Ибн Хордādбеха говорит в своем „Фихристе“ ан-Недйм (Kitāb al-Fihrist, herausg. von G. Flügel, I, Leipzig, 1871, стр. 149).

³ Kitāb al-Kharādj. Auctore Kodāma ibn Dja‘far. BGA, t. VI, стр. 184—185.

⁴ Al-Mas‘ūdī, ук. соч., т. I, стр. 13.

⁵ Хāджи Хāлифа, II, стр. 101.

Де Гуге, в результате анализа текста обеих редакций, пришел к следующим основным выводам:

1) более подробная редакция (условно: редакция „А“) была составлена примерно в 272/885—886 г.;¹

2) краткая редакция (редакция „В“) была составлена около 232/846—847 г., т. е. за 40 лет до редакции „А“;²

3) более подробная редакция („А“) дошла до нас в сокращенном виде, и, следовательно, полным текстом „Книги путей и государств“ мы не располагаем.³

Некоторые новые материалы, а также пересмотр аргументов де Гуге убеждают нас, что только в первом выводе (относительно датировки редакции „А“) де Гуге был абсолютно прав. Два же последующих вывода требуют пересмотра.

Достаточно осторожно высказанное де Гуге предположение о том, что редакция „А“ дошла до нас только в позднейшем сокращении, прочно укоренилось в науке как бесспорный факт. Так, академик В. В. Бартольд писал: „Сведения об областях, не входивших в состав халифата, излагаются в дошедших до нас арабских сочинениях менее подробно главным образом потому, что до сих пор не удалось найти ни полного экземпляра труда Ибн Хордāдбе́ха, ни экземпляра труда ал-Джейхāни, который в X в. обработал и дополнил изложенные у Ибн Хордāдбе́ха данные“.⁴

Однако мнение де Гуге недостаточно обосновано. Остановимся на основных его аргументах. Де Гуге утверждает, что описание мечети Дамаска в сочинении арабского географа начала X в. Ибн ал-Фақйха заимствовано последним у Ибн Хордāдбе́ха и что оно отсутствует в рукописях сочинения последнего.⁵ Между тем Ибн ал-Фақйх не упоминает в данном месте⁶ имени Ибн Хордāдбе́ха как своего источника, а ссылается только на некоего автора „Книги путей и государств“, но таковым мог быть и ал-Мервази, и ас-Серахси, ибо известно, что каждый из них в IX в. составил по книге того же названия, но они до нас не дошли.

---

¹ BGA, VI, стр. XVIII.

² BGA, VI, стр. XX.

³ BGA, VI, стр. XV—XVII.

⁴ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд., Л., 1925, стр. 54. Этой же точки зрения придерживался В. И. Беляев (МИТТ, т. 1, стр. 17).

⁵ BGA, VI, стр. XVI.

⁶ BGA, V, стр. 107.

Описание Рима у Ибн ал-Фақиха¹ совершенно расходится с текстом Ибн Хордāдбеха,² и нет оснований полагать, как это делает де Гуге, что Ибн ал-Фақих цитирует здесь полный текст Ибн Хордāдбеха. Ибн ал-Фақих не упоминает ни имени Ибн Хордāдбеха, ни „Книги путей и государств“ и мог заимствовать эти сведения из другого источника.

Де Гуге³ указывает на два случая, когда текст Ибн Хордāдбеха, в его же сочинении, предваряется словами وقال („и сказал он“). Можно добавить, что этими словами вообще начинается текст сочинения Ибн Хордāдбеха,⁴ — они были внесены переписчиком, что вполне закономерно для всякой поздней копии, и потому их наличие отнюдь не доказывает, что дошедший до нас текст не отражает авторскую редакцию.

Едва ли можно полагать,⁵ что ал-Джейхāни пользовался более подробной рукописью сочинения Ибн Хордāдбеха, чем дошедшие до нас. Единственное основание для такого мнения заключается в том, что ал-Идрисй, цитирующий сведения ал-Джейхāни о путешествии Селлама ат-Тарджумāна, дает ряд подробностей, отсутствующих в редакции „А“. Но ведь ал-Джейхāни мог сам дополнить текст Ибн Хордāдбеха, и, как полагает В. В. Бартольд, он это делал в ряде случаев.⁶

Большое значение для решения данного вопроса может иметь Мешхедская рукопись „Книги сведений о странах“ Ибн ал-Фақиха (IX—начало X в.), фотокопией которой располагает Институт Востоковедения АН СССР. Эта рукопись XIII в. н. э. сохранила полную редакцию второй половины „Книги сведений о странах“, до сих пор известной только по позднему сокращению аш-Шейзарй, опубликованному де Гуге.⁷

Анализ текста Мешхедской рукописи показывает, что она содержит много значительных по объему цитат из „Книги путей и государств“ Ибн Хордāдбеха. Иногда эти цитаты охватывают целые главы „Книги путей и государств“. В частности, Ибн ал-Фақихом, если судить по Мешхедской рукописи и сокращению аш-Шейзарй, заимствованы у Ибн Хордāдбеха почти все маршрутные сведения, касающиеся Магриба, Ирана и Средней Азии,⁸ рассказы о замечательных постройках в Египте,⁹ перечни.

¹ BGA, V, стр. 150.

² BGA, VI, стр. 114.

³ BGA, VI, стр. XVI.

⁴ BGA, VI, стр. 4, 5.

⁵ BGA, VI, стр. XVI.

⁶ См. вышеприведенное высказывание В. В. Бартольда.

⁷ Compendium libri Kitāb al-baldān auctore ibn al-Fakih al-Hamadani, ed. M. de Goeje. BGA, V, Lugduni Batavorum, 1885.

⁸ Ср., например: Рук., л. 163а₁₇—164а (de facto 1636)₇ и BGA, VI, стр. 33—34; Рук., л. 164а (de facto 1636), 19—1636 (de facto 164а)₅ и BGA, VI, стр. 25—26; Рук., л. 166а и BGA, VI, стр. 26—30, и мн. др.

⁹ Ср.: BGA, V, стр. 72—73 и BGA, VI, стр. 161.

округов Египта,¹ сведения о правителях Магриба,² о торговле западных купцов,³ глава об ас-Севāде (полностью),⁴ глава о налогах Хорасана,⁵ глава о прозвищах царей Средней Азии⁶ и многие другие материалы.

Как показывает сравнение цитат из „Книги путей и государств“ в сочинении Ибн ал-Фақиха с текстом сочинения Ибн Хордāдбеха, Ибн Фақих использовал в своей книге редакцию „А“, „Книги путей и государств“, вопреки предположению де Гуге, что он имел перед собой редакцию „В“. Из многочисленных примеров, которые можно было бы привести в доказательство этого факта, достаточно взять следующие: на л. 80б¹⁴⁻¹⁵, цитируя сведения об административном делении Ирака, Ибн ал-Фақих приводит стихи Ибн Руқаййāта, имеющиеся в редакции „А“, тогда как в редакции „В“ они отсутствуют. Краткий маршрут Сāбāt-Усрūшана мог быть взят Ибн ал-Фақихом только из редакции „А“:

Редакция „А“ (BGA, VI,
стр. 29)

Ибн ал-Фақих (Рук.,
л. 166а)

Редакция „В“ Al-Ma-
soudi, ук. соч., t. I,
стр. 49)

من زامين الى ساباط
فرسغان ثم الى
اسروشنة سبعة
فراسخ منها فرسغان
في سهل وخمسة
فراسخ في استقبال ماء
جائر من ناحية المدينة

منها الى ساباط فرسغان
والى سروشنة سبع
فراسخ منها فرسغان
في سهل وخمسة
فراسخ في استقبال
ماء جئر من ناحية
المدينة

من زامين الى
ساباط فرسغان
ثم الى اشروسنة
تسعة فراسخ

Однако текст Ибн ал-Фақиха, старшего современника Ибн Хордāдбеха, не дает абсолютно никаких дополнений к тексту последнего. Поскольку изданная де Гуге редакции „А“ ни в чем не дополняется Ибн ал-Фақихом, можно полагать, что еще в IX в. Ибн ал-Фақих пользовался той же редакцией „А“, которая дошла и до нас, и потому считать ее поздним сокращением нет никаких оснований. Мешхедская же рукопись убеждает нас в обратном.

Де Гуге, основываясь на наличии в редакции „А“ стихов ал-Бухтурй, сочиненных в 269/882—883 г., и на ряде других точно датированных материалов, пришел к выводу, что эта редакция была составлена около 272/885—886 г., что не вызывает никаких возражений.

¹ Ср.: BGA, V, стр. 73—74 и BGA, VI, стр. 81—83.

² Ср.: BGA, I, стр. 79—81 и BGA, VI, стр. 87—89.

³ Ср.: BGA, V, стр. 84 и BGA, VI, стр. 96.

⁴ Ср.: Рук., лл. 80а—83а и BGA, VI, стр. 6—14.

⁵ Ср.: Рук., лл. 166б—168а и BGA, VI, стр. 34—39.

⁶ Ср.: Рук., лл. 174б—175а и BGA, VI, стр. 39—41.

Что касается датировки редакции „В“, то де Гуге не нашел в ней ни стиха ал-Бухтурй (269 г.), ни стиха ал-‘Аббаса ибн ал-Фадла ал-‘Алавй (271 г.), ни рассказа, связанного с Тулунидами.¹ Вместе с тем, в редакции „В“ упомянуты как правители различных областей Магриба некоторые лица, которые действительно правили там в 230/840-х годах.² Кроме того, в редакции приводится рассказ Селлама о его путешествии в 228/843 г., рассказ ал-Фадла ибн Мервана (лично слышанный Ибн Хордадбехом), датируемый не позднее как 233/847—848 г. Все это привело де Гуге к мнению, которое сам он считал гипотезой, что редакция „В“ была составлена около 232/846—847 г., т. е. за 40 лет до редакции „А“.³ Эта гипотеза была по-разному встречена в науке. Маркварт выступил с ее решительным опровержением, но, как показал В. В. Бартольд, его единственный аргумент (упоминание тогуз-огузов в редакции „В“) оказался необоснованным.⁴ Однако Бартольд выступал только против неудачного аргумента Маркварта, хотя сам, по-видимому, сомневался в правильности мнения де Гуге. Ему, например, казалось странным, что, как полагал де Гуге, Ибн Хордадбех, писавший первую редакцию своего труда при халифе ал-Васике, упоминает имя последнего без всяких традиционных формул.⁵ В. И. Беляев считает, что „Книга путей и провинций“ („Китаб ал-Месалик ва-л-Мемалик“) написана в 232/846—847 г. и переработана им около 272/885—886 г.⁶ Также и Минорский безоговорочно датирует редакцию „В“ 846 г. н. э.⁷ Во втором издании Большой советской энциклопедии „Книга путей и государств“ Ибн Хордадбега датируется 844—848 гг.⁸

Отсутствие в редакций „В“ стихов и рассказов, относящихся к периоду после 232 г. хиджры, следует поставить в связь с назначением „Книги путей и государств“, сущностью различий между редакциями „А“ и „В“, а также подходом Ибн Хордадбега к своим источникам. Только в рукописи полной версии сочинения Ибн Хордадбега, точно датируемой временем халифа ал-Му‘тамида (870—892 гг.), есть посвящение, адресованное одному из членов царствующей фамилии, вероятнее всего наследнику ал-Му‘тамида:⁹

„Да продлит Аллах Всевышний твое существование, о сын лучших владык и благочестивых имамов, светоч веры и избранник Аллаха среди

¹ Подробнее об этом см.: BGA, VI, стр. XVIII.

² См.: BGA, VI, стр. XIX.

³ BGA, VI, стр. XX.

⁴ Худуд ал-Алем. С введением и указателем В. В. Бартольда. (Рукопись Туманского). Л., 1930, стр. 10.

⁵ Там же.

⁶ МИТТ, т. 1, стр. 18.

⁷ Minor sky. Géographes et voyageurs musulmans. Extrait du Bulletin de la Société Royale de Géographie d’Egypte, t. XXIV, 1951, стр. 22.

⁸ БСЭ, 2-е изд., т. 17, стр. 259.

⁹ BGA, VI, стр. 3.

всей твари божией. Да сделает вечным Аллāх твоё счастье и да умножит тебе все блага, и да содействует тебе на пути праведных дел, и да причислит тебя к тем, чьими деяниями он доволен и чье положение он украсил!

„Уразумел я то, о чем ты просишь, — да вразумит тебя Аллāх ко всему доброму и да сделает тебя счастливым до кончины, и да будет счастливым твой жребий в обоих обителях и обильной в них твоя доля! — относительно ясного изложения на манер предшественников [положения] путей земли и ее государств, описания [этих государств], их отдаленности и близости, населенности и орошения, [а также относительно описания] путей между отдельными из них по их степям и окраинам, состоянии их дорог и их податей.

„Я нашел, что Птолемей разъяснил пределы [мира] и ясно изложил его описание на неарабском языке [دلغة اعجمية]. Я перевел это с его языка на истинный язык [т. е. на арабский язык], чтобы ты смог прочесть это.

„Я отметил для тебя материалы, которые [могли бы] способствовать в достижении истины во всех твоих помыслах и исканиях, — как я надеюсь, что они удовлетворят твои желания!.. и сделал их книгой, которую я открываю хвалой Аллаху“.

Из этого посвящения, а также из анализа редакции „А“ видно, что книга Ибн Хордāдбе́ха (в редакции „А“) была написана по заказу одного из членов царствующего дома, в которой подобран материал, интересовавший это лицо, с неумело пристроенными вначале положениями Птолемея,¹ которыми Ибн Хордāдбе́х хотел придать „научную окраску“ своему труду, и со множеством стихотворных цитат, в которых он хотел показать свой *адаб*.

Однако если полная редакция „А“ была специально сочинена для царственной особы, могла ли она быть переработкой редакции „В“ — труда, написанного, по мнению де Гуге, за 40 лет до этого?

¹ Ибн Хордāдбе́х во введении упоминает, что он перевел книгу Птолемея; первые две страницы „Книги путей и государств“ действительно посвящены вопросам математической географии. Однако они тематически оторваны от самого сочинения; последнее — совершенно независимо от Птолемея. Нетрудно понять, для чего Ибн Хордāдбе́ху потребовалось начинать свой труд именем Птолемея. Конец VIII и IX век — время зарождения арабской географической литературы, теоретической основой которой явились труды Птолемея. Имя его, так же как в медицине имена Галена и Гиппократ, в философии — Аристотеля и Платона, стало широко популярным в науке народов Ближнего Востока — сирийцев, арабов, персов.

Авторитет этих ученых в течение многих веков был абсолютным. Упоминание их имен, а тем более использование (в какой-то мере) взглядов их, придавало сочинению „научную окраску“, а за его автором укреплялась слава ученого и эрудита. Все это и побудило Ибн Хордāдбе́ха, преподносившего свой труд высокопоставленному лицу, прибегнуть к такому началу, придавая труду этим „научный“ характер. Однако уложить свой материал в какие-нибудь теоретические схемы он не смог.

Следует иметь в виду, что редакция „В“ была известна и размножалась переписчиками. Этот на первый взгляд запутанный вопрос легко разрешается. Если сравнить обе редакции, оказывается, что редакция „А“ содержит более чем 60 стихотворных цитат, причем в большинстве случаев упоминаются имена их авторов.¹ В редакции „В“ их только десять,² и имена их авторов ни разу не упомянуты, а стихи вводятся словами قال الشاعر — „сказал поэт“. Почти нет в редакции „В“ и занимательных рассказов, тогда как основное содержание (комплексы сведений о маршрутах, налогах и административном делении стран) в обеих редакциях в целом совпадает. При сличении редакций можно прийти к выводу, что редакция „В“ — первая, черновая сводка всех собранных Ибн Хордāдбехом материалов, где преобладают данные архивных документов и некоторые пришедшие на память или случайно найденные рассказы и стихи; этим и объясняется отсутствие имен авторов при стихах. Вторая редакция („А“) — тот же комплекс основного материала, несколько доработанный и украшенный многочисленными стихами и рассказами, причем здесь Ибн Хордāдбех специально разыскивал необходимые ему стихотворные примеры и потому приводит, как правило, при них имена их авторов.

Возможно и другое объяснение: редакция „В“ является более поздним сокращением редакции „А“, сводкой основного материала, в значительной мере очищенного от занимательных рассказов и стихов. И в том, и в другом случае отсутствие в редакции „В“ некоторых стихов и рассказов, датируемых 80-ми годами IX в., закономерно, равно как и отсутствие многочисленных стихов более раннего времени.

Мы не можем следовать де Гуге и во втором его положении — датировке редакции „В“ годами правления упоминаемых в ней князей Магриба и датами некоторых событий и рассказов. Сочинение Ибн Хордāдбе́ха (и в редакции „А“, и в редакции „В“) — сплошная цепь анахронизмов, мозаика из сведений разных эпох. Так, например, Ибн Хордāдбех в обеих редакциях упоминает город тюргешского хакана,³ хотя тюргешский ка-

¹ Анонимных цитат только семь. В числе авторов стихов — поэты VI в.: Имру' у-л-Қайс (стр. 75, 138, 140, 142, 143, 152), ан-Набига (стр. 138 и 141) и 'Адй ибн Зейд (стр. 94); поэты VII в.: 'Убейдаллāх ибн Қайс ибн ар-Руқаййāt (стр. 7), Гайлāн ибн Салама ас-Сақафй (стр. 7), Йазйд ибн Муфарриг (стр. 18, 56, 146, 147, 175), Кусайир Ибн ал-Гарйза (стр. 33), Хассāн ибн Сабит (стр. 77) и Ка'б ибн Джу' айл (стр. 98); поэты VIII в.: Хаммād Аджрād (стр. 19) ал-Ахвас (стр. 23), Абу Нуҳайла (стр. 42), Абу-ш-Шамакмақ (стр. 31), Судейф (стр. 73), ал-Ахтал (стр. 74), Джерйр (стр. 126); поэты IX в.: Абӯ-л-Атахийя (стр. 22), Абӯ-л-'Амайсал (стр. 72), халиф ал-Ма'мун (стр. 80), Мухаммед ибн 'Абдалмелик аз-Зеййāt (стр. 100, 119), ал-Аббис ибн ал-Ахнаф (стр. 100), Хусейн ибн ад-Даххāk (стр. 101, 121), ал-Бухтурй (стр. 71, 124, 262), Абу Нувās (стр. 136), и др.

² Ибн Хордāдбех, изд. Барбье де Менара, стр. 36, 43, 76, 86, 104 (дважды) 122, 123, 128 и 129.

³ BGA, VI, стр. 29.

ганат перестал существовать в 766 г. В обеих редакциях Крит¹ назван островом Византии, хотя известно, что с 825 по 961 г. он безраздельно принадлежал арабам и был главным из опорных пунктов на Средиземном море. Наконец, что особенно важно, в редакции „А“ упомянуты, как правящие князья Магриба, те же (!) лица, что и в редакции „В“, хотя в 80-х годах IX в. (время составления редакции „А“) их уже много десятилетий не было в живых.

Возможно, что отдельные части сочинения, такие, как раздел, посвященный князьям Магриба, восходит к 40-м годам IX в., тогда как все сочинение в целом могло быть написано значительно позднее.

Следует отметить, что в редакции „В“² упомянут в числе династии Хивалидов, населявшей согласно Ибн Хордādбеку район ал-Маṣāни, Йа'фур Ибн 'Абдаррахмāн ибн Курейб ал-Хивāлй. Йа'фур — основатель династии Хивалидов, первоначальным владением которого было селение Шибām, выдвинулся и расширил свои владения около 247 г.,³ когда он одолел наместника ал-Мутаваккиля.⁴ Упоминание Йа'фура как уже одного из хивалидов, а также факт расширения их владений показывает, что эти сведения восходят к периоду после 247 г., что уже опровергает предложенную де Гуге датировку (232 г.).

Наконец, наиболее авторитетный для истории арабской литературы (периода до X в.) источник — „Фихрист“ ан-Недйма — прямо указывает, что автором первой „Книги путей и государств“ был Абū-л-'Аббāс Джа'фар ибн Аḥмед ал-Мервазй, которому смерть незадолго до 274/887—888 г. помешала окончить свой труд.⁵ Ан-Недим знает Ибн Хордādбека, подробно пишет о нем, но не считает его первым автором „Книги путей“. Это свидетельство ан-Недима, подкрепленное всем вышесказанным, и дает нам право отнести редакцию „В“ к 80-м годам IX в.

Анализ приводит нас к следующим выводам: „Книга путей и государств“ Ибн Хордādбека дошла до нас в двух редакциях — краткой (В“) и пространной („А“). Нет оснований считать, что редакция „А“ дошла до нас только в сокращении. Обе редакции восходят ко времени ал-Мутамида; редакция „А“ была составлена только после 272/886 г. н. э. Сочинение изобилует анахронизмами. По своему содержанию, по богатству фактическим материалом, относящимся к разным эпохам, этот памятник занимает одно из первых мест в арабской географической литературе.

¹ BGA, VI, стр. 112.

² BGA, VI, стр. 142, прим. q.

³ R. Strothmann. Ja'fur b.'Abdal-Rahman, Enzyklopaedie des Islam, Bd. IV, стр. 1145.

⁴ Al-Hamdānis Geographie der Arab. Habinsel. Herausg. D. H. Müller, Leiden, 1884, стр. 106—107.

⁵ Kitāb al-Fihrist, herausg. von G. Flügel, I, стр. 150.

ЕГИПЕТ В ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Египетская экспедиция французских войск под командованием Наполеона Бонапарта носила колонизаторский, захватнический характер. Она была предпринята в интересах французской крупной буржуазии и военщины, чуждых и враждебных интересам народов Египта и самой Франции. Однако независимо от целей ее организаторов эта экспедиция имела и положительное значение для истории стран Ближнего Востока. Президент Республики Египет Гамаль Абдель Насер указывал, что в связи с французской экспедицией в Египет железный занавес, которым монголы насильственно отгородили страну от остального мира, был сорван: появились новые идеи, и перед народами Египта открылись новые, дотоле невиданные горизонты.

Не меньшее значение имела эта экспедиция и для Запада. Труды французских ученых, сопровождавших эту экспедицию, положили начало египтологии как науке. Их изыскания, опубликованные в много-томном, ставшем классическим „Описании Египта“,¹ представляют огромную ценность.

Определенный интерес сохраняют и воспоминания участников похода, в частности, самого Наполеона Бонапарта, находившегося в Египте в 1798—1799 гг. В ссылке на о. св. Елены Наполеон задумал создать историю всех своих походов. Смерть помешала ему выполнить это намерение; он успел полностью продиктовать лицам, последовавшим за ним в ссылку, только историю своих кампаний периода Директории. В частности, генералу Бертрону он продиктовал описание походов в Египет и Сирию. Записи Бертрона были отредактированы самим Наполеоном, оставившим на них многочисленные пометки. Поэтому, хотя записи были опубликованы только в 1847 г.,² т. е. через четверть

¹ Description de l'Égypte. Paris, 1809—1822.

² Guerre d'Orient. Campagnes d'Égypte et de Syrie. 1798—1799. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, dictés par lui-même à Sainte-Hélène et publiés par le général Bertrand. I—II. Paris, 1847. (В дальнейшем, все ссылки на это издание приводятся в тексте).

века после смерти Наполеона (1821 г.), они, бесспорно, являются произведением последнего.

Будучи прежде всего полководцем, Наполеон обращает основное внимание на изложение военной истории своих походов, однако его „Кампании в Египте и Сирии“ содержат две главы („Описание Египта“ и „Религиозные дела“), которые специально посвящены географии, этнографии, истории, экономике и политическому строю Египта, а также господствующей мусульманской идеологии. Да и в главах, повествующих о военных действиях, содержится немало интересных деталей гражданского характера.

Известно, что Наполеон, будучи еще молодым офицером, живо интересовался Египтом, делал выписки из „Записок о турках“ барона де Тотта и „Истории арабов“ Мариньи. В дальнейшем он проштудировал целый ряд описаний Египта, составленных французскими путешественниками XVIII в., начиная от де Майе и до Вольнея, изучал мусульманскую религию, составил для себя франко-арабский словарик.¹

К египетскому походу Наполеон готовился весьма тщательно, и если не изучал сам соответствующие досье министерства иностранных дел, то, несомненно, ознакомился с докладной запиской по вопросу о завоевании Египта, представленной Директории министром Талейраном. Эта докладная записка в основном повторяла документ, составленный по предложению Талейрана французским консулом в Каире Магаллоном, проведшим много лет в Египте.²

Таким образом, еще до вторжения в Египет Наполеон многое узнал об этой стране. Находясь же в Египте, он не только сам внимательно изучал египетскую действительность, но и был все время в курсе исследований и изысканий французских ученых, сопровождавших экспедиционные войска. Личным переводчиком Наполеона являлся крупный востоковед и знаток Египта Вантюр.

Ко времени заключения Наполеона на о. св. Елены уже вышли первые тома упоминавшегося выше „Описания Египта“. Диктуя генералу Бертрану свои воспоминания, Наполеон, разумеется, не располагал теми книгами и документами об Египте, которые он имел возможность изучить на протяжении своей жизни. Однако недостаток литературы и источников, в известной мере, ему восполняла его феноменальная память.

Географическое описание Египта Наполеон, естественно, начинает с рассмотрения его стратегического положения. „Египет, — пишет он, — не нуждается для защиты своих границ в системе крепостей. Их заменяет ему пустыня. Он не может быть атакован иначе как по морю или

---

¹ См.: Précis de l'histoire d'Égypte par divers historiens et archéologues, t. II. Le Caire, 1933, стр. 136.

² H a n o t a u x. Histoire de la nation égyptienne, t. V. Paris, 1931, стр. 226.

через Суэцкий перешеек“ (I, стр. 33—34). Это высказывание Наполеона было основано на отличном знании военного дела и военной техники того времени.

Характеризуя Египет, Наполеон называет его „одной из самых прекрасных, плодородных и интересных стран мира“. „Это колыбель искусств и наук, — продолжает Наполеон. — Там можно видеть самые большие и самые древние сооружения, вышедшие из рук человеческих. Если бы мы имели ключ к иероглифам, которыми они покрыты, то узнали бы о первом периоде развития общества такие вещи, которые нам сейчас неизвестны“ (I, стр. 32—33).

Дешифровка иероглифической письменности Египта, осуществленная в ходе изучения памятника, найденного во время египетской экспедиции французских войск, подтвердила правильность предположения Наполеона. С другой стороны, развитие исторической науки все яснее показывает, какое огромное значение имела африканская цивилизация древнего Египта, этой колыбели наук и искусств, для развития материальной и духовной культуры Европы.

Наполеон всячески подчеркивает роль Нила в истории и экономике Египта. „Если бы, — говорит он, — Нил был отведен в Красное море или в Ливию до Сиенского катаракта (Асуанских порогов, — В. Г.), Египет превратился бы в необитаемую пустыню; ибо река эта заменяет ему дождь и снег. Это бог здешних мест и регулятор всякого рода производственной деятельности“ (I, стр. 34). В своих воспоминаниях об египетской кампании Наполеон подробно разъясняет далее, почему урожай в Нильской долине, в конечном счете, зависел от характера паводка.

Когда французские войска под командованием Наполеона вступили в Египет, не было еще ни Асуанской плотины и водохранилищ, регулирующих режим реки, ни летнего орошения Нильской долины. В мае—июне земли, орошаемые Нилом, принимали облик полупустыни.

Переход из Александрии при стоявшей сильной жаре оказался крайне утомительным для французских войск. В своих воспоминаниях Наполеон воспроизводит жалобы солдат, создающие ясное представление о том, во что превращался Нил и прилегающая к нему местность к началу второго полугодия, когда состоялся этот переход: „Французы не переставали громко вспоминать наслаждения Италии... они сравнивали... эти высушенные солнцем, открытые и лишенные тени равнины, этот Нил — тщедушный ручеек, несущий грязную и мутную воду... с цветущими и плодородными равнинами Ломбардии“ (I, стр. 152).

Основываясь на своем знании Египта, почерпнутом из литературы и рассказов европейцев, живших в Египте, Наполеон успокаивал солдат, рисуя перед ними радужные картины ближайшего будущего, когда половодье совершенно преобразит страну. Наполеон часто подходил к своим солдатам и говорил им, что „воды Нила, который в данный

момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что о нем слышали... что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии“ (I, стр. 154).

Наступление половодья и снижение температуры воздуха, как и предсказывал Наполеон, изменили характер местности. „К концу октября жара спала, и прекрасные дни осени вызвали удовлетворение в армии. Она, наконец, освоилась с этой страной“ (I, стр. 261). В это время года оказались проходимыми даже египетские пустыни. В июле не все солдаты оказались способными выдержать переход из Александрии в Каир, хотя шли по долине Нила, в октябре же отряд французских войск достиг Суэца после 42-часового марша „через совершенно иссушенную пустыню, без воды, без тени“ (I, стр. 261).

Рассказав о различных мероприятиях по регулированию режима реки Нил, проводившихся в Египте с древнейших времен, Наполеон выделяет роль государственной власти в организации оросительных работ. „Ни в одной стране, — пишет он, — администрация не оказывает такого влияния на благосостояние общества. Если администрация хороша, то и каналы хорошо сооружаются и содержатся в порядке, орошение производится по всем правилам, половодье распространяется достаточно далеко. Если администрация дурна, порочна или слаба, каналы заполняются грязью, дамбы содержатся плохо, правила орошения нарушаются... Правительство не оказывает никакого влияния на дожди выпадающие в Босэ или Бри (во Франции, — В. Г.). Но в Египте правительство оказывает непосредственное влияние на распространение половодья, которое их заменяет. В этом и состоит разница между Египтом под управлением Птолемеев и Египтом, находившимся уже в упадке при римлянах и пришедшем в запустение при турках“ (I, стр. 45—46).

В другом месте Наполеон указывает: „Озера Мадия, Бурулус и Манзала — недавнего происхождения. Плохое управление, господствовавшее в Египте, привело к тому, что каналы и дамбы оказались запущенными. Воды Нила стали поступать в некоторые рукава менее обильно, чем прежде, что и нарушило равновесие, — в них влилось море“ (I, стр. 41). (Нил, как это указано в книге Наполеона, в древности изливался в Средиземное море через семь рукавов, некоторые из них являлись искусственными каналами).

Об озере Манзала Наполеон говорит, что оно усеяно остатками древних городов. Действительно, в древности площадь, занимаемая ныне озером Манзала, была одной из самых плодородных в стране. На рукавах Нила, протекавших через эту площадь, были расположены большие города — Танис, Пелузий, Мигдол и др.¹

¹ См.: Л. Гордонов. Египет. М., 1953, стр. 27.

Трудно установить, насколько справедливо мнение Наполеона о происхождении мелководных лагун (озер), расположенных в дельте Нила. Ряд ученых считает, что побережье Нижнего Египта медленно опускается, что и привело к затоплению морем некоторых низменных участков дельты.¹ Наполеон также касается этой проблемы, подвергая сомнению (на основании данных ниломера) утверждение Геродота о быстром повышении уровня суши в дельте Нила. Впрочем, он воздерживается от вынесения окончательного решения, указывая, что „за последние 4000 лет местность настолько изменилась, что всякие рассуждения на эту тему остаются необоснованными“ (I, стр. 47). Характерно, однако, что среди элементов, которые должны быть приняты во внимание при рассмотрении данной проблемы, Наполеон выдвигает на первое место результаты общественного труда жителей Египта, в частности, „осуществление работ, которые ввели Нил в его нынешнее русло“ (I, стр. 47).

Затопление плодороднейших в древности земель Египта в любом случае явилось результатом того „дурного управления“, о котором пишет Наполеон. Можно было успешно бороться с затоплением местности, оказавшейся несколько ниже уровня моря, путем сооружения плотин, подобно тому, как это делалось и делается на протяжении многих столетий, например, в Нидерландах.

Интересно отметить, что уже при жизни Наполеона имело место затопление морем значительного участка египетской территории. Наполеон излагает историю возникновения озера Марьют. В ходе военных действий между английскими и французскими войсками (в 1801 и 1807 гг.) была проделана брешь в дюнах к западу от Александрии. Поскольку дно впадины, занятой ныне озером Марьют, ниже уровня Средиземного моря, воды последнего затопили большую площадь, а также ряд селений.

Приведенные Наполеоном многочисленные примеры как положительного, так и отрицательного воздействия деятельности человека и общественных условий на природную и географическую среду Египта имеют не только познавательный характер. Основываясь на этих примерах, он рисует картину будущего преобразования природы Египта, расцвета народного хозяйства страны. Само собой разумеется, что Наполеон подходит к этому вопросу с позиций завоевателя, и будущее процветание Египта представляется ему результатом французской колонизации, а не сознательной деятельности египетского народа. Тем не менее твердая уверенность Наполеона в великом будущем Египта, в возможности вывести эту страну из упадка, в которую ввергли ее мамлюкские правители, безусловно заслуживает быть отмеченной.

„Но чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? — говорит Наполеон. — Воображению предстает

---

¹ Л. Гордонов, ук. соч., стр. 26.

волшебная картина! Тысяча шлюзов обуздает и будет распределять воды паводка по всем частям страны; 8 или 10 миллиардов кубических туазов воды, которые пропадают каждый год в море, распределялись бы между всеми низменными районами пустыни, озером Мерис, озером Мариут и Безводной рекою до оазисов и значительно дальше на запад, а в восточном направлении поступали бы в Горькие озера и все низменные районы Суэцкого перешейка и пустынь между Красным морем и Нилом; большое количество нагнетательных насосов и ветряных мельниц поднимали бы воду в водохранилища, откуда ее можно было бы брать для орошения“ (I, стр. 122). Показательно, что Наполеон не делает здесь никаких прогнозов относительно будущего развития техники, а основывается исключительно на тех технических достижениях, которые существовали уже в его время.

Большое внимание, которое уделял Наполеон, находясь в Египте, проблемам орошения страны, породило легенду о том, что он будто бы предлагал соорудить плотину у входа в дельту и при ее помощи регулировать распределение воды между двумя рукавами реки, чтобы в каждом из них можно было поднять по желанию уровень, пустив по нему всю воду Нила. Однако, хотя египетская кампания занимает очень большое место в мемуарах Наполеона, никаких упоминаний о подобном проекте в этих мемуарах (как и других его произведениях) нет. Между тем, Наполеон пространно повествует о другом проекте, впоследствии осуществленном и имеющем большое значение для экономики Египта, — проекте прорытия через его территорию судоходного канала, соединяющего Красное море со Средиземным.

Наполеон рассматривает в деталях проекты соединения упомянутых двух морей, разработанные французскими инженерами. Некоторые из этих проектов предусматривали восстановление канала, некогда соединявшего Нил с Красным морем, либо по трассе, существовавшей со времен древнего Египта до эпохи упадка Римской империи, либо по трассе времен арабского халифата. В самом конце 1798 г. Наполеон в сопровождении нескольких французских ученых совершил путешествие из Каира в Суэц, чтобы, как он пишет, побывать на Красном море и разыскать следы канала двух морей.

30 декабря 1798 г. Наполеону, с которым находились академик Монж и несколько генералов и офицеров, удалось обнаружить остатки древнего канала. Он следовал по трассе канала в течение 5 часов. „Остатки канала двух морей хорошо заметны, — говорит он. — Берега отстоят на 25 туазов друг от друга. В середине канала может спрятаться всадник: он оказывается скрытым с головой“ (I, стр. 272).

Наряду с исследованием вопроса о восстановлении древнего канала из Нила в Красное море, Наполеон рассматривает и проект сооружения канала через Суэцкий перешеек, что было предусмотрено, в частности, и полученной им перед отплытием из Франции инструкцией Директории.

Он подчеркивает полную осуществимость такого проекта, хотя несколько преуменьшает трудности, связанные с созданием искусственного пролива между Красным и Средиземным морями (I, стр. 78).

Мнение Наполеона относительно возможности создания Суэцкого канала, а также огромного экономического значения его полностью подтвердилось. После открытия Суэцкого канала торговля с Востоком действительно вернулась на свой древний путь, как это предсказал Наполеон.

Правильно предвидел Наполеон и будущее развитие Александрии, которая переживала к моменту его похода в Египет полосу длительного упадка. В своих воспоминаниях об этом походе Наполеон описывает величие Александрии в древности, подчеркивает исключительное удобство ее гавани, а в другом месте даже заявляет: „Если бы одни только условия местности определяли процветание и величие городов, то Александрия в большей степени, нежели Рим, Константинополь, Париж, Лондон, Амстердам, была бы призвана стать во главе вселенной“ (I, стр. 123). Говоря об Александрии, Наполеон со свойственным ему практицизмом не ограничивается выражением своего восхищения этим городом, а излагает конкретную программу мероприятий, имеющих целью вернуть ему былое значение. Так, подчеркивая преимущества Александрии перед всеми другими гаванями Египта, он отмечает существование обширного, защищенного от ветров внутреннего рейда, так называемого „старого порта“, и рекомендует построить у главного фарватера мол для облегчения входа судов, а также прорыть канал через перешеек, отделяющий старый порт от нового, что должно было облегчить выход судов в море независимо от направления ветра. Одновременно он излагает содержание разработанного французскими инженерами проекта восстановления судоходного канала, некогда соединявшего Александрию с рекой Нил; ко времени французской экспедиции канал этот мог использоваться только в период половодья для заполнения водохранилища Александрии и частично для орошения окружающей местности (I, стр. 66—67 и 69).

Наполеон говорит далее, что после осуществления указанного проекта Нил будет круглый год вливаться в старый порт, куда смогут проходить самые крупные речные суда, в Александрии сосредоточится вся торговля Розетты и почти вся торговля Дамнетты, орошение же его окрестностей сделает жизнь в ней приятной и здоровой (I, стр. 121).

Наполеон полагал, что Александрия снова должна стать столицей Египта. Торопливо диктуя перед своим поспешным отплытием из Египта инструкции генералу Клеберу, которому он поручил командование французскими экспедиционными войсками, Наполеон не забыл высказать это мнение, а также перечислить меры, могущие способствовать развитию александрийского порта за счет других портов Египта (II, стр. 154—155).

Хотя предположения Наполеона о превращении Александрии в столицу Египта не оправдались, многие другие его прогнозы оказались верными. Сооруженный в XIX в. канал Махмудия восстановил водное сообщение между александрийским портом и долиной Нила. Александрия сделалась средоточием внешней торговли Египта, а также важным промышленным и культурным центром, Розетта же с Дамьеттой потеряла всякое значение. Население Александрии, составлявшее в конце XVIII в. едва 8 тыс. человек, в настоящее время приближается к 1 млн, т. е. к той цифре, которой достигало оно в период наивысшего расцвета города в эллинистическую эпоху (I, стр. 66).¹

Понимая, какими огромными возможностями развития производительных сил обладает Египет, сознавая возможность внесения важных изменений в географическую среду, Наполеон пришел к правильным выводам и при рассмотрении вопросов демографии. Говоря о росте и снижении численности населения Нильской долины в различные исторические эпохи, Наполеон указывает для современного ему периода цифру в 3 млн человек (при численности населения всего Египта в 3200 тыс. человек).² При этом он делает смелое для того времени утверждение, что одна лишь долина Нила способна прокормить 20 млн душ, хотя в этом случае плотность населения превысит вдвое плотность населения современной ему Фландрии (I, стр. 93—94). В наше время население долины Нила практически достигло указанной Наполеоном цифры, подтвердив правильность его предположений.³

Большое внимание уделяет Наполеон египетскому земледелию и торговле. Описываемые Наполеоном сельскохозяйственные орудия чрезвычайно примитивны, приспособления для искусственного орошения (сакия — род водяного колеса и шадуф — устройство, действующее по принципу рычага) восходят к временам древнего Египта; все же приводимый им список сельскохозяйственных культур, возделываемых в долине Нила, безусловно шире аналогичного списка колониального периода. Наряду с разнообразными продовольственными и кормовыми культурами — зерновыми, бобовыми, овощными, садовыми и бахчевыми, мы находим в наполеоновском перечне многие технические культуры — такие, как сахарный тростник, табак, розы, лен, сезам, сафлор, индиго, хлопчатник, хенна и др.

Большинство этих культур (включая продовольственные — пшеницу, рис, ячмень и др.) вывозилось в конце XVIII в. в другие страны. Это видно как из данного Наполеоном анализа направления египетского вывоза (I, стр. 112—113), так и из его слов, обращенных к солдатам:

---

¹ См. также: Л. Гордонов, ук. соч., стр. 275—276.

² Фактически население Египта в этот период составляло около 2.5 млн (см.: А. Айру. Феллахи Египта. М., 1954, стр. 21).

³ См.: А. Айру, ук. соч., стр. 21.

„Страна, где они находятся, была житницей Рима и остается житницей Константинополя“ (I, стр. 152).

Как указывает Наполеон, провинции Верхнего Египта, с которых подати взыскивались натурой, ежегодно поставляли 1800 тыс. ардебов ржи, пшеницы и ячменя (1 ардеб пшеницы — около 150 кг, 1 ардеб ячменя — около 120 кг).

Касаясь состояния животноводства, Наполеон с восхищением отзываясь о египетских лошадях „прекрасной и чистокровной арабской породы“ (I, стр. 101). Описывая первую после высадки у Александрии стычку французских войск с кавалеристами-бедуинами, Наполеон говорит, что на первый взгляд кони бедуинов казались клячами. Однако эти „клячи“ передвигались с быстротой молнии; будучи пущены в галоп, они могли остановиться на всем скаку, „что является отличительным свойством лошадей этих стран“ (I, стр. 128). Высокую оценку дает Наполеон и египетским быкам, ослам, мулам и особенно верблюдам и дромадерам, значение которых для транспорта и военных операций в условиях пустыни он не устает подчеркивать.

Большое впечатление произвело на Наполеона цветущее состояние египетского птицеводства. Он подробно разъясняет действие неизвестных тогда во Франции инкубаторов, которых, по его словам, насчитывалось в Египте до двухсот (I, стр. 107). „Куры имеются в бесчисленном количестве, — вспоминает он. . . — Много уток, индеек и другой домашней птицы“ (I, стр. 107—108). Наполеон рассказывает далее, что Египет „усеян голубятнями“ и описывает организацию голубиной почты в фатимидском Египте (I, стр. 109—110).

В мемуарах Наполеона отсутствуют специальные разделы, посвященные состоянию ремесленного производства, которое после столетий мамлюкского ига, пришло в упадок. Однако, несмотря на этот упадок, египетские ремесленники сохранили свое трудолюбие и сметливость.

Характерно, что работники-египтяне, привлеченные для обслуживания лабораторий и мастерских, созданных французскими учеными, нашли общий язык с этими учеными. Как сообщает Наполеон, простые египтяне быстро усваивали необходимые сведения из области механики и химии, которые сообщались им французами (I, стр. 237). В то время эти науки совершенно не были известны даже представителям египетской интеллигенции, и если рядовые египтяне оказались способными усваивать сведения из области механики и химии, то значит еще до прибытия французов они обладали значительными практическими навыками и опытом.

Приводимые Наполеоном данные о внешней торговле страны показывают, что и в этот период продукция египетского ремесла продолжала оставаться довольно разнообразной.

Среди товаров, вывозимых в Турцию и внутренние области Африки, видное место занимала продукция египетского ремесла. Наполеон на-

зывает в числе предметов египетского вывоза различные ткани (хлопчатобумажные, шелковые и льняные), оружие, изделия из железа и меди, а также ювелирные изделия. Как сообщает Наполеон, грубое полотно, поступавшее из Египта в западную Европу, переправлялось в Америку (I, стр. 112—113).

Несмотря на перемещение важнейших путей международной торговли, имевшее место в XVI в., Египет и в конце XVIII в. являлся важным центром транзитной торговли, через который проходила немалая часть товарооборота между многими странами Азии, Африки и Европы. По данным, приводимым Наполеоном, Египет реэкспортировал на 30 млн франков одного кофе. Предметами реэкспорта служили и произведения Восточного Судана, Эфиопии и ряда других стран Африки, как слоновая кость, страусовые перья, гуммиарабик (I, стр. 112—113).

За время пребывания Наполеона в Суэце туда „прибыл караван судов из Джидды, доставивший очень большое количество кофе и индийских товаров... суда имели водоизмещение в 400—500 тонн... прибыл и караван из Каира; Суэц оживился и приобрел вид индийского города; Наполеон принял там агентов, возвращавшихся из Индии“ (I, стр. 273—274).

В другом месте он сообщает, что в 1783 г. караван судов, прибывших в Суэц из Джидды, насчитывал 38 судов, а в 1798 г. через Суэц прошло на 20 млн франков экспортных и импортных грузов. С мая по октябрь, когда дули благоприятные ветры, некоторые суда ходили из Суэца в Мадрас, причем плавание продолжалось 55 дней. Обратные рейсы, совершавшиеся в период с января по март, продолжались около 60 дней. Несмотря на отсутствие в ту пору Суэцкого канала, английские курьеры, направлявшиеся из Мадраса в Лондон, нередко следовали через Суэц, что ускоряло доставку депеш (I, стр. 73).

О караванной торговле Египта Наполеон говорит: „Караваны из пустыни прибывают в Каир неожиданно, как прибывает в порт конвой торговых судов. У пирамид замечают караван, пересекающий Ливийскую пустыню; он просит пропуска через Нил и места для лагерной стоянки. Это — караван, идущий из Феззана или из Марокко, или из Алжира, или из Триполи, или из Дарфура, или из Сеннара. Потом замечают караван, прибывающий через Суэцкую или Сирийскую пустыню; он вышел из Тора или из Аравии, или из Иерусалима, или из Дамаска, или из Багдада, или из Газы. Караван разбивает свой лагерь близ города; в центре его открывается ярмарка. Караваны, идущие из Сирии, состоят из 500 верблюдов, они доставляют табак, мыло, растительное масло, иногда уголь, фрукты и изюм. Караваны из Сеннара состоят из 500—800 верблюдов; их ежегодно прибывает несколько. Из Дарфура приходит только один; но он состоит из 1200—1500 верблюдов и 8000—10 000 рабов. Треть верблюдов используется для перевозки

воды, четверть — продовольствия и только одна восьмая — товаров“ (I, стр. 113—114).

В другом месте (I, стр. 313—314) Наполеон рассказывает о прибытии в египетский поселок Бени-Адин богатейшего торгового каравана из Дарфура, с большим количеством золота, слоновой кости, страусовых перьев и других ценностей, а также 4—5 тыс. рабынь. Вместе с этим караваном прибыла, между прочим, дочь владельца Дарфура.

Караванная торговля способствовала развитию товарно-денежных отношений, втягивая в них даже кочевые племена бедуинов. Наполеон отмечает важность той роли, которую играли бедуины в народном хозяйстве Египта. „Без них, — говорит он, — эта прекрасная страна не смогла бы поддерживать никаких связей с Сирией, Аравией, оазисами, королевствами Сеннар, Дарфур, Абиссинией, Триполи и королевством Феззан“ (I, стр. 56). Наполеон сообщает также о том, что бедуины добывали в горько-соленых озерах египетских пустынь натуральную соду — для внутреннего потребления и на вывоз.

Относительно высокий уровень развития товарно-денежных отношений приводил к скоплению значительных богатств в руках феодалов (прежде всего мамлюков) и верхушки купечества. Рядовые мамлюки, отправляясь на войну, брали с собой всю свою наличность, которая, по данным Наполеона, составляла 200—300 золотых монет. Мамлюкские беи и князья владели большим количеством серебряной посуды, ковров, фарфора.

Рассказывая о Каире, Наполеон сообщает: „Дома беев и великих шейхов красивы и однородны по своей архитектуре. В городе имеется также много гостиных дворов, принадлежащих каждой какой-либо купеческой корпорации“. „Колонны, послужившие для украшения Мемфиса, — говорит он в другом месте, — были перевезены частично в Александрию... а также в Каир. Сотни тысяч гранитных колонн были использованы для строительства трехсот мечетей и украшения главных дворцов этого города (Каира, — В. Г.)“ (I, стр. 81—83).

В мемуарах Наполеона описывается также загородная резиденция одного из мамлюкских властителей Египта Мурад-бея: „Офицеры с удовольствием взирали на этот хорошо меблированный дом, диваны, обитые лучшими лионскими шелками с золотой бахромой, произведения роскоши и искусства Европы. Сад был полон прекраснейших деревьев“ (I, стр. 161).

Совсем по-иному звучит в мемуарах описание провинциального египетского города Даманхур, который разочаровал Наполеона ничуть не меньше, чем его солдат. Дом, где принимали Наполеона местные власти, напоминал „ригу без окон и дверей“ (I, стр. 140).

В этой связи Наполеон подвергает резкой критике восторженные рассказы европейских купцов, которые распространяли на весь Египет

впечатления, полученные от пребывания в Каире и крупных портовых городах (I, стр. 139).

В донесении Директории от 24 июля 1798 г. Наполеон в энергичных выражениях говорит о бедности и отсталости египетской деревни того времени, поработанной мамлюкскими феодалами: „Трудно найти более плодородную землю и более несчастный народ... Их жилища строятся из грязи... У них нет другой мебели, кроме соломенной подстилки и двух-трех глиняных горшков. Едят и пьют они очень мало. Они не знают даже ножиц... Им неизвестны мельницы. Небольшое количество зерна, которое они превращают в муку, перемалывается камнями; в некоторых больших селах есть, впрочем, мельницы, которые вращаются быками“.¹

„Кампании в Египте и Сирии“ свидетельствуют о том, что их автор весьма тщательно изучил систему египетского землевладения, прежде всего с точки зрения податных возможностей. Раздел мемуаров, посвященный данному вопросу, в основном правильно освещает феодальный экономический строй египетской деревни конца XVIII в. Наполеон называет три основных формы феодального землевладения в современном ему Египте: 1) „вакф“, т. е. владения мечетей, „богоугодных заведений“ и т. п., 2) земли „асар“, считающиеся собственностью государства и находящиеся в распоряжении мультазимов (помещики-откупщики, передающие свои права по наследству) и 3) „васия“ — своего рода вотчины мультазимов в Нижнем Египте. Автор, однако, смешивает мультазимов с мамлюками, входившими в состав дружин беев, и поэтому приходит к неправильному выводу, будто три четверти мультазимов погибли в битве у пирамид (I, стр. 238—239).

По подсчетам самого Наполеона, в битве у пирамид погибло 7 тыс. мамлюков из участвовавших в ней 12 тыс. (I, стр. 160). Цифра же в 12 тыс. примерно соответствует общему количеству мамлюков, несших военную службу: как указывает Наполеон, к моменту этой битвы каждый из 24 беев Египта имел свою дружину численностью от 200 у слабейших из них до 1200 человек у Мурад-бея (I, стр. 96). Среди мультазимов было, разумеется, много натурализовавшихся мамлюков.² Однако (как это доказывается и приведенными Наполеоном данными) они лично не участвовали в военных действиях, как не участвовали в таких действиях и мультазимы египетского происхождения, будь то мусульмане или копты. Указанная ошибка Наполеона объясняется, вероятно, тем, что часть мамлюкских дружинников беев жила непо-

¹ См.: Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon... Ecrits par le Général Gourgaud. I—II. Paris, 1823, t. 2, стр. 344—345.

² См.: Р. аль-Барави и М. Х. Улейш. Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954, стр. 14; Description de l'Égypte, 2-e éd., Paris, 1823, t. XI, стр. 470.

средственно в деревнях.¹ Эти дружинники получали жалованье от беев за счет сумм, уплачиваемых последним мультазимами, а также за счет всевозможных поборов, взимаемых непосредственно с феллахов.²

Наполеон, видимо, не совсем четко представлял себе отношения внутри господствующего класса феодалов (или, вернее, не совсем четко эти отношения сформулировал), однако он сумел разглядеть основное и главное в экономическом строе современной ему египетской деревни, население которой составляло, по его данным, свыше 80% населения всей страны (2700 тыс. из 3200 тыс. — I, стр. 240) „Феллах в конечном счете должен платить за все“, — пишет Наполеон (I, стр. 119). „Все“ — это, как видно из мемуаров Наполеона, земельная подать — „маль-аль-хур“, из которой мультазимы, по его расчетам, удерживали в свою пользу не менее трех пятых, передавая остальное в казну и беям, различные поборы, взимаемые с феллахов мамлюками, суммы, вымогаемые у тех же феллахов лицами, которым мультазимы поручали определение доходности крестьянских хозяйств и взимание подати, а также деревенскими старостами и вождями кочевых племен. По мнению Наполеона, общая сумма всех податей, поборов и других изъятий составляла при мамлюках 73 млн франков в год (I, стр. 120). К этому следует прибавить барщину на землях „васия“ и другие повинности феллахов. С другой стороны, следует учитывать, что, как указывает Наполеон, исходя из соотношения цен на продукты и уровня заработной платы, один миллион в Египте стоил трех миллионов во Франции (I, стр. 120).

Чтобы представить себе, какое значение имела для народа Египта сумма в 73 млн франков, которую называет Наполеон, следует также учесть, что податное население насчитывало, как уже указывалось, около 2.5 млн человек (включая нетрудоспособных), а дневной труд мужчины расценивался в 8 су, т. е. 0.4 франка (I, стр. 120, 240).

Французские оккупационные власти — разумеется, ради собственной выгоды, внесли ряд существенных изменений в управление финансами и систему налогового обложения.

Как указывают современные нам египетские исследователи аль-Барави и Улейш, эти мероприятия французских властей были впоследствии учтены Мухаммедом Али при осуществлении его земельной реформы. С другой стороны, как пишут те же авторы, Мухаммед Али воспользовался опытом французской администрации при введении ежегодного бюджета, которого прежде в Египте не было.³

Созданные французами для снабжения армии промышленные предприятия и арабская типография, о которой часто упоминает Наполеон, прекратили свое существование после ухода их из Египта. Однако эти предприятия „явились важным прецедентом, который вдохновил

¹ Description de l'Égypte, t. XI, стр. 494.

² Там же, стр. 498—500.

³ См.: Р. аль-Барави и М. Х. Улейш, ук. соч., стр. 485.

впоследствии Мухаммеда Али на осуществление ряда новых начинаний в более широких масштабах и с более широкими целями¹.

Разработка этих мероприятий и планов осуществлялась с учетом тщательного изучения Египта участвовавшими в экспедиции учеными, труды которых являются важнейшими источниками по истории Египта конца XVIII в.

Экономико-географическое описание Египта того времени Наполеоном Бонапартом, отличающееся содержательностью и конкретностью, также сохраняет свое значение для всех интересующихся историей Египта.

---

¹ Р. аль-Барави и М. Х. Улейш, ук. соч., стр. 48—49.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЕГИПТОЛОГИИ

С. И. Коссаковский. Доклад о иероглифической системе Шампольона

1

Станислав Иосифович Коссаковский (1795—1872), дипломат и литератор, с 1822 по 1827 г. занимал в Риме пост первого секретаря русского посольства. Это были годы, когда в образованных кругах европейских стран стало широко известно имя французского исследователя Жана-Франсуа Шампольона (1790—1832), дешифровавшего египетские иероглифы и тем самым положившего начало новой научной дисциплины — египтологии.

В 1822 г. Шампольон опубликовал „Письмо к г-ну Дасье“,¹ в котором изложил первые результаты своего открытия, а в 1824 г. был издан его основной труд „Очерк иероглифической системы древних египтян“.²

В России сразу же по достоинству было оценено передовое значение открытия Шампольона. В русской периодической печати того времени широко освещалась научная деятельность французского исследователя. 10 января 1827 г. он был избран, в один день с Гёте, почетным членом Петербургской Академии наук.

Стремясь проверить свои построения на возможно большем числе подлинных египетских текстов и надписей, Шампольон, вскоре после выхода в свет „Очерка иероглифической системы“, предпринял длившееся, с небольшим перерывом, до ноября 1826 г. путешествие, во время которого он работал над египетскими памятниками Турина, Флоренции, Неаполя и Рима. В Риме он познакомился с Коссаковским.

¹ Champollion le jeune, Lettre à M. Dacier . . . relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains. Paris, 1822.

² Champollion le jeune, Précis du système hiéroglyphique des anciens Égyptiens . . . Paris, 1824. В 1828 г. было опубликовано 2-е издание данного труда.

В лице молодого дипломата создатель египтологии нашел не только друга, но и горячего сторонника, правильно понимавшего самое существо его научных построений и деятельно их пропагандировавшего.¹

С именем Коссаковского связана одна из работ Шампольона, опубликованная почти одновременно в Италии² и во Франции³ под названием „*Écritures égyptiennes. Lettre à M. Z.****“. Обстоятельства опубликования этой работы таковы. Во время пребывания Шампольона в столице Италии, там образовалось два лагеря — лагерь восторженных сторонников и лагерь ожесточенных противников французского исследователя. После появления в печати „Письма к г-ну Дасье“ за результатами изысканий автора „Письма“, наряду с учеными, внимательно следили и представители церкви. Некоторые из них ставили в заслугу Шампольону то обстоятельство, что он доказал позднее происхождение дендерского зодиака. Этот памятник, впервые открытый во время египетского похода Наполеона и, начиная с 1802 г., неоднократно издававшийся и комментировавшийся, возбудил в Европе огромный интерес. Авторы многих работ, посвященных дендерскому зодиаку, исходя из расположения изображенных на нем созвездий, относили время его выполнения к очень отдаленным временам и приписывали ему глубокую древность — от 6 до 15 тысячелетий до нашей эры, — невозможную с точки зрения библейской хронологии. Возникла оживленная дискуссия, длившаяся много лет и прекратившаяся только после того, как Шампольон в своем „Письме к г-ну Дасье“ установил, что этот зодиак был высечен на потолке храма в Дендера в римский период египетской истории. Такая датировка была с большим удовлетворением принята в церковных кругах. Раздавались даже голоса, будто Шампольон занялся изучением иероглифов исключительно с целью защиты библии от нападок неверующих.

Известно, какое негодование вызывали у Шампольона подобного рода мнения. В письме к одному из своих друзей он указывает, что газеты ультрароялистов и ультрамонтанов приветствуют его открытие только потому, что первые результаты этого открытия „вполне устраивают их. Посмотрим, — говорится дальше, — придется ли им так же по вкусу продолжение, как применение моего алфавита, намеренно использованного

¹ См.: *Lettres de Champollion le jeune, t. I. Lettres écrites d'Italie*. Paris, Leroux, 1909, стр. 369 [письмо Шампольона к его брату, историку и археологу Жаку-Жозефу Шампольону-Фижаку (1778—1856), от 29 июля 1826 г.]. О близких дружеских отношениях между Шампольоном и Коссаковским ярко свидетельствует опубликованное нами письмо Шампольона к Коссаковскому (см.: Палестинский сборник, 2(64—65), Л., 1956, стр. 115—121).

² *Memorie Romane di antichità e di belle arti...*, vol. I. Roma, 1824, Appendice, стр. 3—10. (На титульном листе указан 1824 г., книга вышла в свет в 1825 г.).

³ *Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie. Septième section du Bulletin universel des sciences et de l'industrie, publié sous la direction de M. le Bon de Férussac, t. IV. A Paris, 1825, стр. 85—92, № 107.*

для объяснения таких памятников, древность которых не могла бы их испугать. Я избавил их от пяти или шести тысячелетий дендерского зодиака. Таким образом, если верить почтенной старой «Gazette de France», партия верующих считает меня «отцом церкви», истинным отцом веры, защитником религии и добропорядочных хронологических доктрин. Но подождем, пока будет напечатана моя работа, и дальнейшее покажет, насколько я заслужил льстивые комплементы «Gazette» и «Drapeau blanc». К счастью, кваканье этих гнусных пресмыкающихся теряется в хоре одобрений, которые мои труды заслужили у лиц, чей ум и здравый смысл вызывают у меня величайшее уважение. Похвалы последних вознаграждают меня за восхваления первых. Словом: мне надоел ореол святости, которым меня окружают ханжи. Можно подумать, что единственной моей целью в течение пятнадцати лет, посвященных открытию моего алфавита, было прославление бога... Однако в один прекрасный день я выкину славную штуку, сделав непосредственные выводы из моего открытия. Смеется тот, кто смеется последним».¹

Шампольону и впоследствии приходилось считаться в своей научной деятельности с взглядами, против которых он столь резко выступает в приведенном письме. Так, его экспедиция в Египет, в огромной степени способствовавшая дальнейшему развитию египтологии, была, по словам биографа Шампольона, разрешена только после того, как французский король Карл X получил от друзей ученого заверения в том, что результаты этой экспедиции не поколеблют библейской хронологии.² Именно это обстоятельство имел в виду Шампольон, когда сообщал из Египта своему брату, Шампольону-Фижаку, что многие данные, полученные им при изучении египетских памятников на месте, он вынужден до поры до времени сохранять в тайне.³

Во время путешествия Шампольона по Италии вопросы религии использовались наиболее рьяными из его противников, стремившихся любым путем дискредитировать новую научную теорию. Одни заявляли, что египтологические исследования „разрушают основы религии и подрывают авторитет библии“,⁴ другие пытались доказать, что при изучении древнеегипетского письма следует исходить из данных библии. Последнее утверждение содержалось в опубликованной в период пребывания в Риме Шампольона направленной против него работе аббата Ланчи, по специальности арабиста. Шампольон, по совету друзей, ответил аббату указанной выше статьей, напечатанной в виде письма, датированного 15 июня 1825 г. и адресованного „г-ну Z***“, т. е. Коссаковскому,

¹ Lettres de Champollion le jeune, t. I, стр. 230.

² Там же, стр. 231—232.

³ Там же, t. II. Lettres et journaux écrits pendant le voyage d'Égypte. Paris, Leroux, 1909, стр. 250 (письмо от 25 марта 1829 г.).

⁴ Там же, t. I, стр. 210.

который в связи с позицией, занятой им по отношению к великому ученому, также подвергался нападкам со стороны Ланчи.¹

К тому же периоду, несомненно, относится и краткое изложение иероглифической системы Шампольона,² перевод которого публикуется нами ниже (стр. 156 сл.). Как это явствует из названия „Доклада“, он составлен для русского посла в Риме Андрея Яковлевича Италинского (1743—1827).

А. Я. Италинский был широко образованным человеком. Его деятельность не ограничивалась областью дипломатии. Медик по образованию, знаток искусства и археолог, он был также арабистом и занимался изучением ряда других восточных языков. Выяснению роли А. Я. Италинского в истории русского востоковедения академик И. Ю. Крачковский посвятил обширную работу, частично опубликованную в 1953 г.³

А. Я. Италинский, живо интересовавшийся всеми новыми течениями в области искусства и науки, был в курсе той острой полемики, которая разгорелась в Риме между Шампольоном и его противниками. Некоторые из них, например Густав Зейффарт (1796—1885), безуспешно старались противопоставить иероглифической системе французского ученого свои собственные домыслы, причем пытались привлечь на свою сторону русского посла. Для того чтобы дать Италинскому верное представление об этой системе, Коссаковский и написал свой „Доклад“, составленный, очевидно, под впечатлением тех нескольких лекций, которые Шампольон в июне 1825 г. прочитал в Риме для дипломатов и ученых и о которых он упоминает в своих письмах из Италии.⁴ В одном из этих писем (от 22 июня 1825 г.), перечисляя некоторых из своих слушателей, Шампольон называет также и Коссаковского.

2

В рукописи правильно отмечена основная мысль, руководившая Шампольоном с самых первых его шагов в области изучения древнеегипетского письма.

¹ Там же, т. I, стр. 233, прим. 1.

² *Compte-rendu sur le système hiéroglyphique de Mr Champollion fait pour son excellence M^r d'Italinsky par le comte Kossakowski*. Хранится в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, р. 3, оп. 2, № 46. Рукопись, подаренная ее автором, как это видно из автографа (не датированного) на титульном листе, П. Сухтелену, представляет собой тетрадь, переплетенную в плотный картонный переплет размером 21×25.5 см и содержит 44 страницы и одну таблицу, вклеенную в конце рукописи на выкидном листе.

³ Акад. И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов в „Слове о полку Игореве“. Сб. „Очерки по истории русского востоковедения“. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 23—30.

⁴ См.: *Lettres de Champollion le jeune*, t. I, стр. 218—219, 223 и 228 (письма от 30 мая, 17 и 22 июня 1825 г.). Ср. ниже, стр. 159, где Коссаковский ссылается на эти лекции, а также стр. 162.

Со времен Афанасия Кирхера (1602—1680), вплоть до начала XIX в., в трудах, посвященных вопросам древнеегипетского письма, господствовало мнение, что иероглифы передавали не звуки разговорного языка египтян, а понятия, т. е. что они были идеографическими знаками; что египтянам не был известен наиболее совершенный графический способ передачи мыслей — фонетическое письмо; что их надписи и тексты содержали главным образом тайные учения религиозно-философского характера, а иероглифы, которыми эти надписи и тексты были выполнены, являлись недоступной народу тайнописью жрецов. Ряд современных Шампольону ученых продолжал держаться этого мнения даже после того, как в „Письме к г-ну Дасье“ было неопровержимо установлено существование в египетских надписях греко-римского периода иероглифического звукового алфавита. Получила широкое распространение теория, будто открытый автором „Письма“ иероглифический алфавит неприменим к надписям фараоновского Египта и был изобретен египтянами якобы только под влиянием греков. Последователи этой теории были убеждены в том, что египетское письмо догреческой эпохи не знало фонетических знаков и, следовательно, несмотря на открытие Шампольона, по-прежнему не поддается чтению.

Верное историческое чутье и широкий кругозор подсказали Шампольону правильную мысль, что несовершенное идеографическое письмо, передававшее понятия посредством метафор, сравнений, загадок, не соответствовало бы той высокой ступени развития материальной и духовной культуры, которую приписывала египетскому народу современность. Он не сомневался в том, что начертанные в огромном количестве на памятниках общественного характера египетские надписи также носили общественный характер и что уже только поэтому письмо древних египтян не могло быть слишком сложным и доступным только узкому кругу людей, посвященных в религиозные таинства. Эти соображения, говорит автор „Доклада“, помогли Шампольону избежать ошибок, обусловивших неудачу его предшественников, в течение столетий безуспешно стремившихся раскрыть тайну иероглифов. В „Очерке иероглифической системы“ Шампольон доказал, что „душой“ этой системы являлись фонетические знаки и что открытый им иероглифический фонетический алфавит применим к надписям и текстам всех периодов истории древнего Египта.

В „Докладе“ Коссаковский излагает взгляды на египетское письмо, которых Шампольон держался в годы создания „Очерка иероглифической системы древних египтян“.¹ В основном „Доклад“ является перифразировкой соответствующих высказываний из этого исследования и из

---

¹ В настоящей статье мы не входим в обсуждение по существу затронутых в „Докладе“ вопросов, касающихся иероглифической системы Шампольона (а также его взглядов на природу коптского языка.)

„Письма к г-ну Дасье“. Вместе с тем отдельные положения, приводимые в рукописи Коссаковского, отсутствуют в указанных трудах Шампольона и засвидетельствованы в его поздних работах. Таково, например, замечание, касающееся преимуществ применения в египетском письме омофонов — иероглифов, изображавших различные предметы, но передававших один и тот же звук египетского разговорного языка. Содержащаяся в этом замечании Коссаковского мысль известна нам из помертвой „Египетской грамматики“ Шампольона. Небольшие сравнительные таблички иероглифических и иератических знаков, приведенные в рукописи Коссаковского, также известны только по „Египетской грамматике“.¹

Некоторые детали иероглифической системы, указанные в „Докладе“, не приводятся ни в одном из упоминавшихся нами трудов Шампольона. К ним относится классификация иероглифов, предусматривающая, кроме обычных трех видов знаков (изобразительных, символических и фонетических), еще четвертый вид — смешанные письма (les caractères mixtes).²

„Доклад“ написан на французском языке аккуратным тонким писарским почерком. Иероглифы и коптские слова (значение последних не всегда указано достаточно точно), таблица графической системы египтян в конце рукописи и вписанная дополнительно на полях небольшая глава о „Смешанных письменах“ выполнены другой рукой, рукой Коссаковского. Его же рукой исправлены некоторые из довольно многочисленных орфографических ошибок, содержащихся во французском тексте рукописи „Доклада“.

ДОКЛАД О ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Г-НА ШАМПОЛЬОНА, СОСТАВЛЕННЫЙ ДЛЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Г-НА ИТАЛИНСКОГО ГРАФОМ КОССАКОВСКИМ

Каким образом г-ну Шампольону удалось прочесть, объяснить иероглифы? Почему ученых, занимавшихся до него этой важной темой, которой они посвятили многочисленные исследования, постигла неудача?

¹ См. ниже, стр. 167, а также: Champollion. Grammaire égyptienne. Paris, 1836—1841, стр. 29—30 и стр. 16, 17 и 18. В примерах, приведенных на этих табличках Коссаковским (некоторые из указанных примеров мы в нашем переводе, стр. 167, опускаем), не только даны, в основном, те же самые иероглифы, что и в „Египетской грамматике“, но применен также использованный в последнем труде способ обозначать пунктиром недостающие части иероглифа при его сокращенной передаче в иератическом письме. Многие из приведенных Коссаковским иероглифических и иератических знаков воспроизведены им не вполне правильно. При сопоставлении „Доклада“ с трудами Шампольона мы не учли его исследования о иератическом письме (De l'écriture hiératique des anciens Égyptiens. Grenoble, 1821), так как с этой работой, давно ставшей библиографической редкостью, нам не удалось познакомиться.

² См. ниже, стр. 166. В „Очерке иероглифической системы“ Шампольон указывает на возможность сочетания иероглифов трех различных категорий (изобразительных, символических и фонетических), не выделяя такие сочетания в особую категорию иероглифов. См.: Champollion. Précis du système hiéroglyphique. 2-е изд., 1828, стр. 404; Grammaire égyptienne, стр. 67.

Вот вопросы, невольно приходящие в голову, когда слышишь о системе г-на Шампольона.

Приступая прежде всего к рассмотрению причин, обусловивших бесплодность изысканий исследователей, предшественников французского ученого, мы обнаруживаем, что эти причины — двоякого порядка: они заключаются либо в отсутствии сравнительных материалов, необходимых для открытия, которое эти исследователи пытались сделать, либо в некритическом использовании неверно истолкованных высказываний, послуживших основанием для выводов этих исследователей.

К первой категории указанных причин следует отнести отсутствие двуязычных надписей и то обстоятельство, что не производилось сопоставление ритуальных заупокойных текстов. А между тем эти тексты содержат ценные данные, касающиеся материальных элементов графической системы. Во вторую категорию входят мнения ученых двух последних столетий, считавших, что ключ к иероглифам был утерян еще во времена Камбиза^[1], что эти письмена являлись какой-то тайной, в которую посвящали только адептов, что язык, на котором они написаны, не был тождествен языку коптскому^[2], что этот последний являлся всего лишь не очень древним и несовершенным наречием и что, наконец, иероглифические знаки всегда состояли только из чисто символических, а не из фонетических письмен.

Переходя к вопросу о том, как г-ну Шампольону удалось прочитать, объяснить иероглифы, мы обнаруживаем, что он обязан своим открытием сопоставлению подлинных документов и углубленному изучению всего того, что могло пролить хоть какой-нибудь свет на предмет его изысканий, объединив, таким образом, для этой цели все доступные средства.

Документы, на основании которых он установил свою систему, суть: Розеттский камень^[3], надпись на обелиске из Фил^[4] и ритуальные заупокойные тексты^[5].

В такого рода исследовании необходимо было руководствоваться только данными памятников, данными, часто находящимися в кажущемся противоречии с более или менее правильно понятыми документами, которыми мы обязаны греческим и латинским авторам. Пускаясь в неведомый путь, не следовало слишком спешить с далеко идущими выводами из установленных фактов и необходимо было суметь ограничиться умозаключениями, лишь непосредственно вытекающими из этих фактов. Необходимо было, наконец, распознать принципы, действительно лежавшие в основе системы, среди иллюзорных результатов, в избытке присутствующих изысканиям, неотъемлемым элементом которых является фантазия, находящаяся в них столь обширное и почти неограниченное поле деятельности. Отнюдь не случайность руководила г-ном Шампольоном в его исследованиях до того, как он получил в свое распоряжение неоспоримые документы, положенные им в основу его системы; сообра-

жения общего характера позволили ему предвосхитить те результаты, которых он достиг впоследствии.

Находясь под впечатлением истины, что письмо, или письменный язык, всегда соответствует цивилизации того народа, который им пользуется, он вынужден был отвергнуть столь распространенную до него мысль, что египетская графическая система была недостаточно совершенной. В самом деле, кто может оспаривать высокую степень развития культуры древних египтян! Восхищение греческих путешественников, некогда их посещавших, исторические свидетельства, касающиеся их столь сложных социальных отношений, наконец, их сооружения, изумляющие даже нашу современную цивилизацию, являются неоспоримыми доказательствами высокого развития духовной культуры этого народа, господствующая мысль которого при сооружении его многочисленных памятников, по-видимому, состояла в том, чтобы бросить вызов векам и переворотам.

Считая доказанным соображениями высшего порядка, что графическая система египтян должна была быть совершенной, т. е. что она имела знаки, способные передавать все оттенки мысли цивилизованного народа, г-н Шампольон решил, что египтяне, следовательно, не могли не иметь в своей графической системе знаков для передачи звуков, знаков, без помощи которых, как это нетрудно доказать, язык мог бы лишь очень приблизительно выражать связь между понятиями, связь, весьма обычную даже для мало развитого общества.

Как, однако, объяснить молчание большинства древних греческих авторов относительно звуковых, или фонетических, письмен? По мнению г-на Шампольона, здесь следует принять в расчет то обстоятельство, что они уделяли мало внимания знакам, передающим звуки в иероглифическом письме (знакам, по природе своей близким к знакам их собственной, греческой, графической системы), вследствие того исключительного впечатления, которое на них производили и з о б р а з и т е л ь н ы е и с и м в о л и ч е с к и е знаки египетского письма, — род знаков, подобных которым греки совершенно не имели в своем собственном национальном письме.

Отыскивая фонетические знаки в египетском письме, г-н Шампольон крайне остерегался слишком обобщать свое открытие и отрицать существование других знаков. Всегда осторожный в своих выводах, он ничего не утверждал, пока не имел доказательств, обоснованных подлинными памятниками или точными копиями. Этот медленный, но верный путь предохранил его от ошибки, в результате которой он мог бы вступить в противоречие с фактами и историческими свидетельствами, также доказывающими существование символических и изобразительных знаков.

Широкий исторический кругозор помог г-ну Шампольону опровергнуть другое мнение, слишком необдуманно разделявшееся некоторыми

учеными, — мнение, согласно которому чтение иероглифов составляло тайну, доступную, во все времена, только посвященным. Розеттская надпись — постановление в честь Птолемея Эпифана, носившее общественный характер, — послужила для г-на Шампольона достаточным основанием, чтобы с успехом опровергнуть это утверждение.

Факт употребления в один и тот же период греческих букв и иероглифов для передачи устной речи египтян при помощи графических знаков также не ускользнул от внимания г-на Шампольона. Он доказал, что относящаяся ко II в. египетская версия Нового Завета была написана греческими буквами и что в эту же эпоху применялись также, на памятниках общественного характера, иероглифические знаки. Доказательством тому служат надписи в честь императора Гордиана на его гробнице на Евфрате [6].

Что касается тождества коптского и древнеегипетского языков, то хотя г-н Шампольон и распознал это тождество благодаря неискаженной форме коптских слов, встречающихся в священном писании, однако полностью он удостоверился в этом лишь после того, как открыл фонетические знаки. Из сочетания этих звуковых письмен с символическими знаками, о которых сообщали авторы, и со знаками изобразительными, засвидетельствованными памятниками, под его пером — по мере того как он транскрибировал греческими буквами иероглифические знаки — возникали коптские слова и коптские фразы, всегда строго подчиненные грамматическим законам этого языка, дающие законченный и всегда отвечающий значению целого смысл.

Прежде чем перейти к изложению графической системы древних египтян, мы дадим краткий анализ их разговорного языка, точно придерживаясь при этом порядка, которому следует сам г-н Шампольон в своих увлекательных беседах.

О РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ ЕГИПТЯН [7]

Со времени введения в Египте христианской религии новообращенные перестали пользоваться иероглифическими письменами, как бы оскверненными в их глазах идолопоклонством, и заменили их курсивными греческими буквами. Египетский язык, переданный с помощью греческих букв, получил название коптского языка.

Коптский язык отличается от древнеегипетского только формой письмен и тем, что в его состав входит известное число греческих слов, носящих почти исключительно культовый характер и служащих для выражения понятий, введенных новой религией.

Так как египетский язык моносиллабичен, очень легко распознать — вследствие их полисиллабичности — вошедшие в его состав греческие слова. Ввиду того, что коптский язык и язык египетский являются од-

ним и тем же языком, в дальнейшем мы не будем больше делать между ними различия.

Коптский язык является праязыком, оперирует корнями и производными, он моносиллабичен. Поэтому он совершенно не подвержен последовательным изменениям, каким подвержены многие из наших современных языков, вынужденные заимствовать слова из какого-либо другого наречия для того, чтобы передать новое сочетание понятий. Коптский язык находит в самом себе возможность выразить эти новые соотношения путем сочетания своих корней.

Коптские корни, рассматриваемые со стороны их значения, являются неделимыми словами, передаваемыми при помощи неизменяющихся звуков и сочетающимися, далее, с другими словами той же природы. Существует два вида этих корней: субстантивы и квалитативы.

Для того, чтобы уловить аналогию, которая подсказала тому или иному языку его первоначальные корни, необходимо было бы знать все обстоятельства, обусловившие рождение этого языка.

Вероятно, все же, что в Египте лягушка получила название **хротр**, *chrour*, осел — **ю**, *iô*, лев — **моти**, *moûi*, змея — **зоу**, *hof* в результате звукоподражания, ибо эти названия являются подлинными мимологизмами, обозначающими причину посредством следствия.

Тот же принцип подражания окажется преобладающим при образовании следующих квалификативов:

хремрем, *chremrem* — для акта шума (*pour l'action de faire du bruit*);
херхер, *kherkher* — для акта дыхания;
хоухоу, *thofthef* — для акта плеванья;
храхрех, *khradjredj* — для акта скрежетания зубами.

Очевидно, что в этих словах действие обозначено самим звуком, который оно вызывает.

Но как объяснить возникновение столь большого числа других корней, обозначающих целый ряд отвлеченных понятий? Поскольку эпоха их образования недоступна нашему исследованию, ограничимся изложением основных законов, управляющих различными сочетаниями этих корней.

Сочетания в египетском языке

Так как этот язык моносиллабичен, каждое из его отдельных слов является корнем и, следовательно, неизменяемо. Каждое из этих неизменяемых слов имеет самостоятельное значение, изменяющееся только путем присоединения других неизменяемых слов, играющих роль

определяющих слов^(а), частиц, придающих слову отрицательное значение^(б), указательных слов^(в) и т. д., или слов, обозначающих принадлежность^(г), действие, причину, состояние и следствие.

И, наконец, остальные неизменяемые слова выражают категорию лица, бытия и времени. Расположенные в известной системе, они образуют глагол „быть“, единственный глагол египетского языка.

Общее число корней коптского языка ограничено, но сочетания этих элементов весьма многочисленны. Эти сочетания служат для передачи большей части отвлеченных понятий и становятся, следовательно, фразами, формулами.

Так, например, египтяне говорят:

„иметь два сердца“, чтобы выразить „сомнение“,
 „посетить сердце“, чтобы выразить „задумчивость“,
 „голос неба“, вместо того, чтобы сказать „гром“.

Они обозначают:

„терпенье“ через „победу сердца“,
 „доверие“ через „способность положить свое сердце на что-либо или на кого-либо“,
 „раскаяние“ через „акт съедения своего сердца“,
 „храбрость“ через „большое сердце“,
 „слабость“ через „бедность сердца“,
 „простодушие“ через „сердце в глазу“,
 „бесстыдство“ через „способность иметь острый глаз“.

Что касается синтаксиса этого языка, то он скорее логичен, нежели изыскан, ибо его конструкция следует естественному ходу мыслей. Он строго прямолинеен.

Если рассматривать коптский язык со стороны произношения, то он имеет три различных диалекта: 1) фиванский, 2) мемфисский и 3) среднеегипетский, отличающихся один от другого только произношением согласных^(а) и чередованием гласных^(б).

Глубокая древность этого языка не может вызвать никаких сомнений, особенно после того, как было найдено такое множество надписей на памятниках.

(а) Например: Pi-, le [8] — Pi-meï (l' amour, любовь).

(б) At, без — At-meï (без любви, т. е. бесчувственный).

(в) Pei-, этот — Pei-meï (эта любовь).

(г) Pa-, мой — Pa-meï (моя любовь).

(а) L вместо R и наоборот, (p) вместо (f) или (th).

(б) Примеры: (i) вместо (e), и наоборот.

Фиванский диалект предпочитает (e), жители Мемфиса — (i), жители среднего Египта употребляют безразлично (i) или (e), (a) или (o).

Г-н Бартелеми^[9] и Игнатий де Росси^[10], обнаружив в коптском языке и в других восточных языках сходные слова, решили, что египтяне заимствовали их у своих соседей. Но эти ученые превратно истолковали существо дела. Им следовало бы понять, что общие термины, напротив, являются в этих восточных языках заимствованием из языка египетского, ибо все эти слова, обособленно стоящие в данных наречиях, по своим корням тяготеют к египетскому словарю.

О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ ЕГИПТЯН

Прилагаемая при сем сводная таблица дает общее представление об открытой г-ном Шампольоном графической системе древних египтян.

На ней показано, в чем состоит отличие древних письмен от письмен позднейших, дано основное деление древних письмен на письмена иероглифические и дополнительные, подразделение иероглифических письмен на изобразительные, символические, фонетические и смешанные знаки, приведены примеры для знаков этих категорий, даны образцы дополнительного письма, состоящего, как это можно видеть, из иероглифических и демотических письмен; и, наконец, мы найдем в таблице определение каждого вида этих письмен и различные способы их начертания.

Следуя порядку, намеченному этой сводной таблицей, мы приведем здесь некоторые разъяснения, которые были даны самим г-ном Шампольоном в его курсе, и эти разъяснения помогут полностью понять указанную таблицу.

О древних письменах

Г-н Шампольон делит их на: 1) письмена иероглифические и 2) письмена дополнительные.

Об иероглифических, или божественных, письменах

Они употреблялись в надписях на памятниках. Они украшали храмы богов, царские гробницы, обелиски, пьедесталы от статуй, гробы для мумий, небольшие статуэтки, связанные с культом мертвых. Они применялись также в ритуальных заупокойных текстах. С помощью иероглифов многие манускрипты исторического характера живописали минувшие события.

Письмена эти либо выполнялись красками, либо высекались, либо одновременно высекались и раскрашивались, либо передавались линиями, либо же только намечались одной основной чертой.

Даже на самых древних памятниках, украшенных иероглифами, невозможно обнаружить никаких следов младенческого периода развития иероглифического письма. Все они составлены по одной и той же

системе, содержат одно и то же число основных знаков и выполнены с одинаковым совершенством.

Иероглифическое письмо состоит, по Шампольону, из знаков изобразительных, символических, фонетических, смешанных.

Об изобразительных знаках

Эта категория писмен названа так потому, что они воспроизводят, изображают, рисуют предметы, которые они призваны обозначать. Эти знаки, вероятно, были изобретены раньше других.

Формальная аналогия — вот что вызвало их к жизни. Они являлись составной частью графической системы китайцев, мексиканцев и т. д. Именно это обстоятельство и было причиной необоснованного утверждения г-на де-Гиня^[11] о наличии генетической связи между китайцами и египтянами. Следовало бы учесть, что изобразительные знаки, общие у этих двух народов, являются неизбежным результатом вынужденного имитирования сходных предметов.

У египтян было два вида изобразительных знаков: простые и условные.

Г-н Шампольон называет простыми и изобразительными знаками письма, полностью воспроизводившие форму предмета, который египтяне хотели обозначить (см. таблицу).

Для обозначения мужчины они изображали мужчину (см. таблицу).

Под условными изобразительными знаками он понимает письма, воспроизводившие одну из основных форм предмета, который египтяне хотели передать.

Для того чтобы передать понятие „солнце“ они изображали диск, для „дома“ они давали набросок плана и т. д. (см. таблицу).

Открытием изобразительных знаков мы обязаны г-ну Шампольону. До него их постоянно принимали за символические знаки.

В результате сопоставления текстов двуязычной надписи из Розетты, были открыты изобразительные знаки солнца, статуи, небольшого храма или переносного ковчежца, стелы. Этот последний знак имитирует форму самой Розеттской надписи, которая высечена на стеле (см. таблицу).

Изучение многих других памятников дало г-ну Шампольону возможность распознать почти все изобразительные знаки, применявшиеся египтянами.

Так как посредством этих знаков можно было обозначать только то, что имело материальную форму, к ним были прибавлены другие знаки, которые при помощи целого ряда разнообразных и искусных метафор использовались для выражения отвлеченных понятий.

Ввиду того что в разговорном языке существовали метафоры, были изобретены символы для их воспроизведения. Таково, по-видимому, происхождение символических писмен.

О символических письменах

Символические письмена встречаются у всех народов, пользующихся изобразительными письменами.

Китайцы также имели свои символические письмена, а благодаря г-ну Гумбольдту [12] мы узнали о наличии этих знаков у мексиканцев.

Г-н Шампольон различает у египтян четыре вида символических письмен.

1. Письмена, передающие целое путем изображения части.

Пример: голова быка для самого быка.

2. Письмена, изображающие орудие для обозначения действия.

Пример: кадило для передачи акта поклонения.

3. Письмена, обозначающие какое-либо понятие посредством предмета, с которым это понятие имеет общепризнанную реальную или воображаемую связь.

Пример: пчела для понятия „народ, находящийся в повиновении“ (метафорический способ).

4. Письмена, обозначающие какое-либо понятие посредством предмета, с которым это понятие имеет реальную или воображаемую связь, связь очень отдаленную, а иногда даже совершенно неуловимую (энигматический способ).

Пример: ястреб для понятия „материнство“.

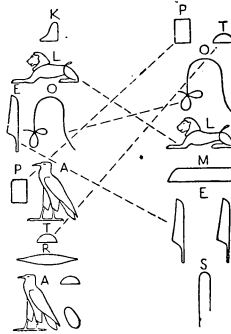
Излишне доказывать здесь непригодность двух только что рассмотренных нами категорий знаков [13] для передачи даже самого несложного предложения.

В самом деле, как передать при помощи символов обстоятельства причины, следствия, времени, места, образа действия, взаимоотношения вместилища и содержимого, сходства и различия и т. д.? Мы уже упоминали, что г-н Шампольон, еще не имея в своем распоряжении материалов, позволивших ему впоследствии открыть египетский фонетический алфавит, был убежден в существовании последнего.

О фонетических знаках

Благодаря сопоставлению картуша, заключавшего в себе — на Розеттском камне — имя Птолемея, с картушем, который содержал — на обелиске из Фил — имя Клеопатры, Шампольон обнаружил несколько одинаковых знаков, расположенных в тех самых местах, в которых они должны были находиться для того, чтобы эти два картуша могли передать оба имени — Клеопатра и Птолемей. Достаточно бросить взгляд на два указанных картуша, чтобы понять всю обоснованность умозаключений г-на Шампольона:

CLEOPATRA PTOLMES

Ряд других царских имен вскоре подтвердил значение, присвоенное г-ном Шампольоном тому или иному знаку, и дополнил его фонетический алфавит.

Изучение этого фонетического алфавита, открытого в результате сравнения высеченных на египетских храмах собственных имен греческих царей и римских императоров, показало, что основной принцип фонетической иероглифической системы заключался в том, чтобы „передавать гласный или согласный посредством изображения реального предмета, название которого в разговорном языке имело в своей начальной части гласный или согласный, подлежащий передаче“. Так,

	, орел,	вызывает в памяти звук	A
	, тростник	” ” ” ”	O
	, курильница	” ” ” ”	B
	, рот	” ” ” ”	R
	, яйцо	” ” ” ”	S
	, сад	” ” ” ”	SCH
	, лев	” ” ” ”	L
	, рука	” ” ” ”	T

Из этого основного принципа изображения звуков следовало, что какой-либо гласный или согласный может быть представлен, без всякого ущерба для ясности и быстроты чтения, несколькими реальными предметами, названия которых в разговорном языке начинались звуком, подлежащим передаче. Поэтому можно, например, обнаружить, что в иеро-

глифических надписях звук R передается безразлично „ртом“ (Ro), или „слезой“ (Rimi), или „гранатовым цветком“ (Roman) и т. д.

Письмена, предназначенные для передачи одного и того же звука, получили название омофонов. Один и тот же звук можно было передать чуть ли не дюжиной письмен-омофонов.

Одно из главных преимуществ, связанных с наличием разнообразных омофонов, состояло в том, что в распоряжении писца оказывались письмена различной формы, легко поддававшиеся объединению в группы, расположенные в виде горизонтальных строк или же вертикальных столбцов.

Египтяне, используя фонетические письмена, применяли алфавитный метод, подобный методу еврейского, сирийского, финикийского народов и современных азиатских народов — арабов, персов и турок, которые при написании слова постоянно опускают в строке обозначения гласных в середине слова.

Наличие в иероглифическом письме звуковых знаков восходит к древнейшим эпохам египетской истории.

Смешанные письмена

Смешанные письмена представляли собой сочетание из двух или нескольких знаков различной природы, образовывавших одну вводившуюся в обиход графическую группу и состоявшую из знака фонетического и знака изобразительного, из знака изобразительного и знака символического [14] и т. д.

Пример: жилище бога или храм. Состоит из изобразительного знака (дом) и символического знака (символ божества).

Дополнительные письмена

Вследствие того, что написание иероглифического текста было связано с трудностями, так как требовало большой точности выполнения и некоторого умения рисовать, иероглифическое письмо не могло получить широкого распространения. Поэтому делались попытки облегчить написание знаков, будь то изобразительных, символических или фонетических, не искажая их природы. Результатом этих попыток был сокращенный способ написания знаков — образов, при котором целое выражалось минимальным количеством штрихов. Так появились линейные иероглифы (см. таблицу [15]).

Это письмо было более удобным, так как являлось более быстрым, чем письмо чисто иероглифическое, но все же оно требовало предварительного знакомства с соответствующим рисунком для того, чтобы достаточно точно передать эту, столь бесплотную категорию письмен,

состоявших из едва намеченных контурных изображений. Поэтому оказалось необходимым прибегнуть к вторичному сокращению, в результате чего была создана подлинная скоропись иероглифического линейного письма. Эта скоропись получила название иератического письма.

Иератические письма

Иератическое письмо, названное так потому, что оно применялось преимущественно жрецами при составлении текстов религиозного, исторического и научного характера, состояло из знаков, являвшихся более или менее легко распознаваемыми сокращениями иероглифических линейных письмен.

Иератические знаки, если говорить об их сокращенной форме, бывают четырех видов.

1. Одни из них являются лишь грубыми и легко распознаваемыми подражаниями линейным иероглифам.

Примеры:

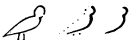
начальник,

небо,

2. Другие знаки состоят только из основного штриха линейного иероглифа.

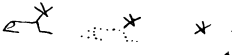
Примеры:

перепел,

 , M

3. Некоторые из них являются лишь частью линейного знака, употреблявшейся для того, чтобы вызвать в памяти весь знак.

Пример:

4. Наконец, известное число иератических письмен является или только кажется произвольным, поскольку ничто в них не напоминает, по-видимому, формы соответствующих линейных иероглифов.

Пример:

Все иероглифические знаки имели соответствующие им знаки в иератическом письме, за исключением известного числа слишком сложных и образительных письмен: их заменяли фонетической группой, передающей то же самое понятие.

Демотические письма

Дальнейшее развитие культуры вызвало необходимость дать низшим классам письмо, которым было бы еще легче пользоваться, чем письмом иератическим.

Поэтому из иератического письма было взято известное число фонетических знаков, достаточное для того, чтобы передать все звуки разговорного языка, но не превышавшее, по-видимому, 40—50 знаков, и сверх того — небольшое число символических знаков, передающих священные имена и предметы, упоминание которых могло встретиться в документах светского характера. Эта система, сильно упрощенная, если говорить о числе знаков, но оперирующая в основном теми же средствами, что и две другие системы, составила народное или демотическое письмо, введенное в Египте в очень древние времена. В этом третьем виде письма, которое почти совершенно не применяет и образительные знаки и обычно заменяет их фонетическими группами, преобладают знаки фонетические.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[¹] В своей вступительной речи к курсу археологии (1831 г.) Шампольон в этой связи указывал: „Возникло даже такого рода предположение, будто всякий памятник египетского стиля, украшенный иероглифическими надписями, относился к временам, предшествовавшим завоеванию Египта Камбизом: словно Египет, который при греко-римском владычестве и даже раньше, под игом персов, сохранил большую часть своих политических установлений, отказался вдруг от своей религии, от своих собственных письменных систем и на восемь с лишком веков перестал заниматься искусствами и ремеслами, необходимыми для его физического существования и для удовлетворения всех его духовных потребностей“ (Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Серия „Классики науки“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70—71). Пользуемся случаем указать на некоторые неточности, вкравшиеся в текст этой книги по недосмотру. На стр. 215 вместо иероглифа следует читать ; в примечании 1 на стр. 149 вместо „Порфирий“ следует читать „Шампольон“; в примечании 6 на стр. 244 дату рождения Окерבלада следует исправить в соответствии с тем, как она дана на стр. 117.

[²] Коптский алфавит состоит из 24 греческих букв и 7 знаков, взятых из древнеегипетской скорописи (так называемого „демотиче-

Графическая система египтян

Древние письма

Иероглифические, или божественные, знаки

Изобразительные

Простые: , мужчина, и др.;

 , стела

Условные: , солнце;
 , дом

Символические

 , голова быка, и др.

 , кадило, и др.

 , пчела, и др.

 , ястреб

Фонетические

 , O

 , R

 , Sch

Смешанные

 , храм — жилище бога

Иератические

 , M;

Дополнительные знаки

Демотические

 , иероглифическое M; , демотическое M

 , иероглифическое N;

 , демотическое N

Позднейшие письма

Греческие курсивные письма и др. [16]

ского“, или „народного“, письма) для передачи звуков, отсутствовавших в греческом языке. Слово „копты“ восходит через арабское *ḳibt* к греческому *Αἰγύπτιοι* — „египтяне“. *Αἴγυπτος* — „Египет“ ученые возводят к древнеегипетскому названию города Мемфиса (*Hwt-k!-Pth*).

[3] Розеттский камень — базальтовая плита (около 1 м 15 см × 73 см), найденная в 1799 г. офицером инженерных войск французской экспедиционной армии Наполеона Бушаром во время саперных работ при сооружении форта Сен-Жульен, недалеко от города Розетты, расположенного в 10 км к югу от Средиземного моря. Хранится в Лондоне, в Британском музее. На плите высечены три надписи на египетском и греческом языках. Верхняя надпись выполнена иероглифами, средняя — демотическими знаками, нижняя — греческими буквами. Содержащееся в греческом тексте указание, что все три надписи передают одно и то же (относящееся к 196 г. до н. э.) постановление жрецов главнейших египетских храмов в честь Птолемея V Эпифана (203—181 гг. до н. э.), послужило отправным пунктом для успешного изучения двух египетских надписей этой плиты. Предшественниками Шампольона в деле исследования надписей Розеттского камня были Сильвестр де Саси (1758—1838), И. Д. Окерблад (1763—1819) и Т. Юнг (1773—1829).

[4] Этот обелиск (из красного гранита), обнаруженный в 1815 г. во время раскопок на острове Филы, стал собственностью англичанина Бэнкса и по его поручению был в 1819 г. доставлен в Александрию, а затем перевезен вместе с базой в Англию. Высота обелиска с базой — 9 м 34 см. На обелиске высечена иероглифическая надпись, на базе — греческая. Обе надписи были использованы Шампольоном при дешифровке египетских иероглифов. Ср. выше, стр. 164, гл. „О фонетических знаках“.

[5] Коссаковский имеет в виду так называемую „Книгу мертвых“. В результате сопоставления экземпляра „Книги мертвых“, написанного иероглифами, с экземплярами, выполненными курсивными иератическими знаками, Шампольону удалось окончательно установить, что иератическое письмо состоит из знаков, генетически связанных с иероглифами и что оно является не чем иным, как иероглифической скорописью. Свои выводы Шампольон изложил в сообщении „Об иератическом письме древних египтян“, прочитанном им в Парижской Академии надписей в августе 1821 г. и опубликованном в сокращенном виде в том же году в Гренобле.

[6] Гордиан III, римский император (238—244), был убит в Месопотамии во время похода против персов и там же похоронен. Коссаковский имеет в виду указание, содержащееся в сборнике биографий римских императоров, известном под названием „*Scriptores historiae Augustae*“. В помещенной в этом сборнике биографии Гордиана III, составление которой приписывается историку Юлию Капитолину, говорится, что на гробнице убитого императора была, якобы, высечена восхвалявшая его деяния и позже уничтоженная надпись, выполненная „греческими, ла-

тинскими, персидскими, иудейскими и египетскими письменами“ (Julius Capitolinus. Vita Gordiani, гл. XXIII).

[7] Ср. высказывания Шампольона о природе коптского языка, опубликованные в „Revue archéologique“, т. 14, 1858, стр. 593—594 (выдержки из сообщения Шампольона о системах египетского письма, прочитанного им 7 августа 1810 г. в Гренобле) и в „Précis du système hiéroglyphique“, Paris, 1824, стр. 284 сл. и стр. 306 сл. (= стр. 333 сл. и стр. 354 сл. второго издания этого труда, 1828 г.).

[8] Определенный артикль мужского рода во французском языке. Приведенное на стр. 161 в примечании (а) и в следующих примечаниях коптское слово, означающее „любовь“, — мужского рода.

[9] Jean-Jacques Barthélemy (1716—1795) — французский литератор и ученый. Вопросу о взаимоотношениях коптского языка с другими языками посвящена его работа „Réflexions générales sur les rapports des langues égyptienne, phénicienne et grecque“ (Mémoires... de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, t. XXXII. A Paris, 1768, стр. 212—233). Ср. также его письмо от 21 ноября 1763 г., опубликованное в „Oeuvres diverses de J. J. Barthélemy“ (t. 4, A Paris, 1798, стр. 131—136).

[10] Ignazio Rossi (1740—1824) — итальянский филолог, автор [исследования „Etymologiae Aegyptiacae“ (Рим, 1808).

[11] Joseph de Guignes (1721—1800) — профессор сирийского языка в Коллеж де Франс и хранитель древностей Лувра. Занимался изучением древнеегипетского письма, причем, несмотря на ложную предпосылку о генетической связи графических систем Китая и древнего Египта, высказал в своих исследованиях, посвященных египетским иероглифам, ряд предположений, впоследствии оправдавшихся. См. его статью: Essai sur le moyen de parvenir à la lecture et à l'intelligence des hiéroglyphes égyptiens. Mémoires... de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, t. XXXIV. A Paris, 1770.

[12] Сведения о письменах ацтеков А. Гумбольдт (1769—1859) приводит в трудах, посвященных описанию его путешествия в Америку (1799—1804). См. A. de Humboldt, Vues des Cordillères, et monuments des peuples indigènes de l'Amérique. Paris [1816], 2 тома in-8°.

[13] Говоря о двух категориях знаков, Коссаковский имеет в виду изобразительные и символические иероглифы.

[14] Формулировка оригинала („из знака символического и знака символического“), очевидно, является следствием описки.

[15] В таблице, на которую здесь сделана ссылка, приведен лишь один линейный иероглиф, передающий звук „М“ (иероглиф, изображающий сову, в графе иератических знаков).

[16] Коссаковский имеет здесь в виду коптское письмо. См. выше, стр. 168, примечание 2.

СЛОВАРЬ АРАМЕЙСКИХ НАДПИСЕЙ¹

В настоящий словарь включен лексический материал арамейских надписей, составленных на древнеарамейском языке и охватывающих период приблизительно в 1000 лет, начиная с IX в. до н. э. Лексическому материалу надписей на среднеарамейском языке будет посвящена особая работа. Названные языки имеют столь много своеобразных особенностей как в области фонетики и морфологии, так и лексики, что самостоятельное изучение каждого из них является целесообразным и вполне оправданным.

Древнеарамейский язык был распространен во многих странах с населением, говорившим на самых различных языках. Он засвидетельствован как язык официальных и бытовых документов, а также частной переписки в Сирии, Месопотамии, Палестине, Закавказье, Средней Азии, Аравии, Египте, Малой Азии, Иране, Афганистане, Индии. Данное обстоятельство, усугубленное еще тем, что, как можно предполагать, далеко не всегда и не всюду имелись налицо писцы, обладавшие должным знанием арамейского языка, вызвало во многих надписях отклонения от семитского стандарта. Эти отклонения, которые иногда касаются основных грамматических категорий, столь разительны, что некоторые ученые даже отказываются признать арамейскими такие надписи, как надписи Панамувы из Зенджирли (на севере Сирии), надписи из Аребсуна (Каппадокия), надпись из Пул-и Дарунты (Афганистан) и т. д. Но такая точка зрения не может считаться правильной. Следует иметь в виду, что древнеарамейский язык в том виде, в каком он выступает в известных нам эпиграфических памятниках, никогда не имел единой, общепринятой формы. Да и условий, необходимых для возникновения такой формы, не было нигде. Под древнеарамейским языком следует разуметь совокупность существовавших в I тысячелетии до нашей эры форм арамейской письменности, имевших разное происхождение и разную основу, оформлявшихся и функционировавших в разной среде и при разных обстоятельствах, подвергавшихся разным

---

¹ Продолжение словаря будет печататься в следующих выпусках „Палестинского сборника“. (Ред.).

влияниям и разным наслоениям и вследствие всего этого значительно отличавшихся друг от друга.

Изучение языка древнеарамейских надписей имеет большое значение как для истории арамейского языка, так и для сравнительной грамматики семитских языков. Эти надписи помогают разрешить некоторые, до сих пор еще не выясненные, вопросы, связанные с произношением, чередованием, изменением и возникновением ряда звуков в семитских языках. Они позволяют проследить процесс замены в арамейском языке одних звуков другими и с большей или меньшей точностью определить время этой замены. Они проливают свет на происхождение и эволюцию отдельных глагольных форм в семитских языках. Они дают значительный новый лексический материал и предоставляют возможность уточнить значение многих темных слов и выражений в арамейском и родственном ему языках. Они иллюстрируют многообразные способы семитизации иноязычного вклада в арамейском языке, включая редкие формы калькирования, и т. д.

Среди замечательных археологических и эпиграфических открытий, сделанных в нашей стране за последние годы, видное место занимают надписи арамейского происхождения, обнаруженные в древней столице Грузии, многие сотни арамейских надписей на глиняных черепках, найденных в Туркмении, на территории древней Нисы, арамейские надписи на каменных стелах, открытых в окрестностях озера Севана в Армении, и т. д. Опыт дешифровки и исследования всех этих надписей убедительнейшим образом показал, что максимальный успех может быть здесь достигнут только при полном учете в первую очередь того материала, который содержат древнеарамейские надписи.

Настоящий словарь является в то же время конкордансом: в нем указаны все места, где данное слово встречается. Исключение составляют лишь некоторые предлоги и союзы; возможно, что указаны не все места, где они встречаются. Это относится также к таким словам, как *br* — „сын“, *brt* — „дочь“ и т. д. Кроме того, в словаре приведены, уточнены и разъяснены все встречающиеся грамматические формы слов, исправлены многие ошибочные чтения в разных изданиях надписей, дан большой фразеологический материал с переводом его на русский язык, привлечены в нужных случаях сравнительные данные; последнее сделано в ограниченном размере, чтобы чрезмерно не увеличить объема словаря. Некоторые слова и выражения пришлось оставить без перевода.

Для ссылок в словаре принят следующий порядок. На первом месте приводятся ссылки на общие или сводные работы, как например: *Corpus Inscriptionum Semiticarum*, *Répertoire d'épigraphie sémitique*, *Ephemeris für semitische Epigraphik* и т. д.; на втором месте — на надписи, относящиеся к Сирии (условное обозначение — S); они расположены с соблюдением хронологии надписей; на третьем месте — на над-

писи из Месопотамии (М); они, как и надписи из всех других мест, расположены в порядке их опубликования; исключение сделано здесь только для работы Лапорта, являющейся сводной; на четвертом месте — на надписи из Египта (Аег), на пятом месте — на надписи из Малой Азии — Лидии (L) и Киликии (С), на шестом месте — на надпись из Афганистана (А), на седьмом месте — из Индии (I), на восьмом месте — из Армении (Арм), на девятом месте — из Ирана (Ir), на десятом — на надписи из Палестины (Р). Для более эффективного использования словаря даны две таблицы. Одна из них содержит перечень древнеарамейских надписей, включенных в „Répertoire d'épigraphie sémitique“, с указанием их происхождения и некоторых других эпиграфических изданий, где они также приведены. В другой дается перечень арамейских папирусов, вошедших в сводную работу Каули 1923 г., — работу, на которую именно сделаны ссылки в словаре, с указанием предыдущих изданий этих папирусов, в частности Сейса и Каули, Захау, Унгнада и т. д.

Приступить к составлению словаря стало возможным благодаря своевременной поддержке со стороны Института языкознания Академии наук Грузинской ССР. В получении необходимых материалов содействовали разные лица и учреждения. Особо хотелось бы отметить помощь, которую любезно оказали в этом деле проф. И. Фридрих (Берлин), проф. А. Дюпон-Соммер (Париж), д-р К. Петрачек (Прага).

Март 1956 г.

Перечень использованных основных источников

I. Общие или сводные работы

- CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum. Pars secunda; Inscriptiones aramaicas continens. Tomus I: Fasciculus primus, 1889; Fasciculus secundus, 1893 (№№ 1—107 — Assyria et Babylonia; №№ 108—110 — Asia Minor; № 111 — Atropatane; № 112 — Graecia; №№ 113—121 — Arabia; №№ 122—155 — Aegyptus; № 156 — Palestina).
- RÉS — Répertoire d'épigraphie sémitique, publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum. Tome I (№№ 1—500), 1900—1905; tome II (№№ 501—1200), 1907—1912; tome III (№№ 1201—2000), 1916—1918.
- LHb — Mark Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgewählten Inschriften. I. Weimar, 1898.
- LEph — Mark Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik. Giessen. Bd. I, 1900—1902; Bd. II, 1903—1908; Bd. III, 1909—1912.
- Bab — Ernest Babelon. Les Perses Achéménides les satrapes et les dynastes tributaires de leur empire Cypre et Phénicie. Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1893.
- CGI — Stanley A. Cook. A Glossary of the Aramaic Inscriptions. Cambridge, 1898.
- CTB — G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions. Oxford, 1903.

- RAF — Franz Rozenhal. Die aramaistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen. Leiden, 1939.
 JD — Charles-F. Jean. Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest. Livr. 1—2. Leiden, 1954.

II. Региональные работы

Сирия

- S-BH — M. Dunand. Stèle araméenne dédiée à Melquart (Bulletin du Musée de Beyrouth, Paris, III, 1941, стр. 65—76); W. F. Albright. A votive Stele erected by Ben-Hadad I of Damascus to the God Melcarth. Bulletin of the American Schools of Oriental Research, № 87, 1942, стр. 23—29.
 S-Hz — F. Thureau-Dangin, A. Barrois, G. Dossin, M. Dunand. Arslan-Tash. Paris, 1931, Texte, стр. 135—138; Atlas, pl. XLVII.
 S-KI¹ — Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XIV. Ausgrabungen in Sendschirli IV. 1911, стр. 374—377; M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, III, 1912, стр. 218—238. (Эта надпись, как и следующая, использована главным образом по соображениям исторического порядка).
 S-KI² — Staatliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XV. Ausgrabungen in Sendschirli V. 1943, стр. 102.
 S-Zk — H. Pognon. Inscriptions sémitiques de la Syrie, de la Mésopotamie et de la région de Mossoul. Paris, 1907—1908, стр. 156—178; M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, III (1), 1909, стр. 1—11.
 S-Zk^b — Там же (продолжение надписи Закара на левой стороне стелы).
 S-PnI — Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XI. Ausgrabungen in Sendschirli I. 1893, стр. 51, Taf. VII; G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions, стр. 159—171.
 S-BGM — S. Ronzevalle. Fragments d'inscriptions araméennes des environs d'Alep. Mélanges de l'Université Saint-Joseph, Beyrouth, XV, 1930—1931, стр. 237—260; J. Cantineau. Remarques sur la stèle araméenne de Sefiré-Soudjin. Revue d'Assyriologie, XXVIII, 1931, стр. 167—178; H. Bauer. Ein aramäischer Staatsvertrag aus dem 8. Jahrhundert v. Chr. Die Inschrift der Stele von Sudschin. Archiv für Orientforschung, VIII (1—2), 1932, стр. 1—16.
 S-Hm — H. Ingholt. Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie, 1932—1938. Kjøbenhavn, 1940, стр. 115—118.
 S-PnII — Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XI. Ausgrabungen in Sendschirli I. 1893, стр. 55—84, Taf. VIII; G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions, стр. 171—180.
 S-BR¹ — Eduard Sachau. Aramäische Inschriften. Sitzungsberichte der kön. preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, phil.-histor. Classe, XLI, 1896, стр. 1051—1064; G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions, стр. 180—184; Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XIV. Ausgrabungen in Sendschirli IV. 1911, стр. 377—380, Taf. LXVII.
 S-BR² — Eduard Sachau. Baal-Harrân in einer Altaramäischen Inschrift auf einem Relief des Königlichen Museums zu Berlin. Sitzungsberichte der kön. preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, VIII, 1895, стр. 119—122; Königliche Museen zu Berlin. Mittheilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XIV. Ausgrabungen in Sendschirli IV. 1911, стр. 346, Taf. LX.

- S-BR³ — Eduard Sachau. Baal-Ḥarrân... (A); M. Lidzbarski. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik, стр. 444, № 5.
- S-BR⁴ — Eduard Sachau. Baal-Ḥarrân... (B); M. Lidzbarski. Handbuch..., стр. 444, № 6.
- S-BR⁵ — Eduard Sachau. Baal-Ḥarrân... (C); M. Lidzbarski. Handbuch..., стр. 444, № 7.
- S-BR⁶ — Staatliche Museen zu Berlin. Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen. Heft XV. Ausgrabungen in Sindschirli V. 1943, стр. 119—120, Taf. 58: t, u, v.
- S-BR⁷ — Там же, стр. 73, Taf. 38b.
- S-BR⁸ — H. Donner. Ein Orthostatenfragment des Königs Barrakab von Sam'al. Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, III (1), 1955, стр. 73—98.
- S-Nr¹ — Georg Hoffmann. Aramäische Inschriften aus Nêrab bei Aleppo. Neue und alte Götter. Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, XI, 1896, стр. 207—292; П. Кокковцов. 1) Древнеарамейские надписи из Нираба, близ Алеппо. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, XII (1899), 1900, стр. 145—178; 2) Имена жрецов в Нирабских надписях. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, XIII (1900), 1901, стр. 093—097; G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions, стр. 186—189.
- S-Nr² — Georg Hoffmann, ук. соч.; П. Кокковцов, ук. соч.; G. A. Cooke. A Text-Book of North-Semitic Inscriptions, стр. 189—191.
- S-Nr³ — P. Dhorme. Les tablettes babyloniennes de Neirab. Revue d'Assyriologie, XXV, 1928, стр. 53—82.
- S-ḤṢ — R. de Mesnil du Buisson, Comptes rendus de la mission de Khan Sheikhoun et de Souran, au nord de Hama, Syrie. Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1930, стр. 325.

Месопотамия

- M-a — Louis Delaporte. Épigraphes araméens. Étude des textes araméens gravés ou écrits sur des tablettes cunéiformes. Paris, 1912.
- M-b — F. E. Peiser. Babylonische Verträge des Berliner Museums, in Autographie, Transcription und Übersetzung. Berlin, 1890, стр. 92.
- M-c — A. T. Clay. Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan. Part I: Babylonian Business Transactions of the first Millennium B. C., 1912, № 22.
- M-dI — M. Lidzbarski. Altaramäische Urkunden aus Assur. 38. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft, Leipzig, 1921, стр. 5a—15 (Ein politischer Brief); A. Dupont-Sommer. L'ostracon araméen d'Assour. Syria, XXIV, 1944—1945, стр. 24—61; R. A. Bowman. An Interpretation of the Ashur Ostracon. В кн.: L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire, IV. University of Michigan Studies, Humanistic Series, XX, 1936, стр. 273—282.
- M-dII — M. Lidzbarski, ук. соч. стр. 15—20 (Geschäftsurkunden).
- M-e — F. Thureau-Dangin. Tablettes d'Uruk. Textes cunéiformes, VI, № 58. Paris, 1922; P. Jensen. Der aramäische Beschwörungstext in spätbabylonischer Keilschrift. Marburg, 1926; C. H. Gordon. The Aramaic Incantation in Cuneiform. Archiv für Orientforschung, XII, 1938, стр. 105—117; B. Landsberger. Zu den aramäischen Beschwörungen in Keilschrift. Archiv für Orientforschung, XII, 1938, стр. 247—257.

- M-f — M. Sprengling. An Aramaic Seal Impression from Khorsabad. *American Journal of Semitic Languages and Literatures*, XLIX, 1932, стр. 53—55.
- M-g — M. Rostovtzeff. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions. *Yale Classical Studies*, III. New Haven, 1932, стр. 18—19, 37, 94—97 (R. P. Dougherty. The names of two aramean scribes stamped upon clay bullae).
- M-h — R. Campbell Thompson and R. W. Hamilton. An Aramaic Inscription on a Piece of Black-painted Ware from Nineveh. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1932, стр. 29—31.
- M-i — Oluf Krücker. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungstexte. Texte und Materialien der Frau Professor Hilprecht Collection, II—III. Leipzig, 1933.
- M-j — F. Thureau-Dangin, M. Dunand. Til-Barsib. Texte. Paris, 1936, стр. 77, 131.
- M-k — A. Nöldke, H. Lenzen, A. von Haller, W. Göpner. Siebenter vorläufiger Bericht über die von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen. *Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, Jahrgang 1935, № 4*, 1936, стр. 36—37, Taf. 39.
- M-l — G. R. Driver. A Babylonian Tablet with an Aramaic Endorsement. *Iraq*, IV, 1937, стр. 16—18.
- M-m — C. H. Gordon. Western Asiatic Seals in the Walters Art Gallery. *Iraq*, VI, 1939, стр. 28.
- M-n — J. Friedrich, G. R. Meyer, A. Ungnad, E. F. Weidner. Die Inschriften von Tell Halaf. Keilschrifttexte und aramäische Urkunden aus einer assyrischen Provinzhauptstadt. Berlin, 1940, стр. 69—78 (Johannes Friedrich. Denkmäler mit westsemitischer Buchstabenschrift).

Египет

- Aeg-a — A. H. Sayce. Aramaic Papyri Discovered at Assuan. With the Assistance of A. Cowley, and with Appendices by W. Spiegelberg (Explanation of the Egyptian Names Contained in the Papyri — стр. 24) and Seymour de Ricci (Bibliography of Egyptian Aramaic Papyri — стр. 25—34). London, 1906.
- Aeg-b — Eduard Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine. Mit 75 Lichtdrucktafeln. Leipzig, 1911; A. Ungnad. Aramäische Papyrus aus Elephantine. Kleine Ausgabe unter Zugrundelegung von Eduard Sachau's Erstaussgabe. Leipzig, 1911; M. Lidzbarski. Phönizische und aramäische Krugaufschriften aus Elephantine. Berlin, 1912.
- Aeg-c — A. Cowley. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxford, 1923.
- Aeg-c Aḥ — A. Cowley, ук. соч., стр. 212—248 (The Words of Aḥīkar); E. Sachau, ук. соч.; A. Ungnad, ук. соч.
- Aeg-c Beh — A. Cowley, ук. соч., стр. 251—271 (The Behistum Inscription); E. Sachau, ук. соч.; A. Ungnad, ук. соч.
- Aeg-c App — A. Cowley, ук. соч., стр. 317—319 (Three fragments of papyrus found at Saḫḫara and published by Mr. Noël Giron in the „Journal Asiatique“, vol. 18, 1921, стр. 56).
- Aeg-d — Noël Giron. Note sur une tombe découverte près de Cheikh-Fadl par Monsieur Flinders Petrie et contenant des inscriptions araméennes. *Ancient Egypt*, 1923, Part II, стр. 38—43.

- Aeg-e — Noël Aimé-Giron. Trois ostraca araméens d'Éléphantine. Annales du service des antiquités de l'Égypte, XXVI, 1926, стр. 23—31.
- Aeg-f — M. Lidzbarski. Epigraphisches. Orientalistische Literaturzeitung, 30, 1927, стр. 1043.
- Aeg-g — Noël Aimé-Giron. Textes araméens d'Égypte. Le Caire, 1931, №№ 2—112.
- Aeg-h — Hans Bauer und Bruno Meissner. Ein aramäischer Pachtvertrag aus dem 7. Jahre Darius' I. Sitzungsberichte der preussischen Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, 1936, стр. 414—424; A. Dupont-Sommer. Un contrat de métayage égypto-araméen de l'an 7 de Darius Ier. Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres de l'Institut de France, t. XIV, deuxième partie, 1951, стр. 61—106.
- Aeg-i — Charles C. Torrey. Aramaic Graffiti on Coins of Demanhur. Numismatic Notes and Monographs, № 77. New York, 1937.
- Aeg-j — Noël Aimé-Giron. Adversaria semitica. Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale, XXXVIII, premier fascicule, 1939, стр. 33—63, №№ 113—121.
- Aeg-k — A. Dupont-Sommer. 1) „Bêl et Nabû, Šamaš et Nergal“ sur un ostracon araméen inédit d'Éléphantine. Revue de l'histoire des religions, 64, 1944, стр. 28—39 (неизданный остракон из коллекции Клермон-Ганно, № 277); 2) Un ostracon araméen inédit d'Éléphantine adressé à Aḥtab. Revue des études sémitiques, 1942—1945, стр. 65—75 (неизданный остракон из той же коллекции, № 169); 3) Le syncrétisme religieux des Juifs d'Éléphantine d'après un ostracon araméen inédit. Revue de l'histoire des religions, 65, 1945, стр. 17—28 (неизданный остракон из той же коллекции № 70); 4) „Yahô“ et „Yahô-ṣeba'ôt“ sur des ostraca araméens inédits d'Éléphantine. Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances de l'année 1947, стр. 175—191 (неизданные острака из той же коллекции, №№ 167, 175, 186).
- Aeg-l — A. Dupont-Sommer. Une inscription araméenne inédite de l'Ouâdi Hammâmât. Revue d'Assyriologie, XLI, 1947, стр. 105—110.
- Aeg-m — A. Dupont-Sommer. Ostraca araméens d'Éléphantine. Annales du service des antiquités de l'Égypte, XLVIII, 1948, стр. 109—130.
- Aeg-n — A. Dupont-Sommer. Un papyrus araméen d'époque saïte découvert à Saqqara. Semitica, I, 1948, стр. 43—68; H. L. Ginsberg. An Aramaic Contemporary of the Lachish Letters. Bulletin of the American Schools of Oriental Research, № 111, 1948, стр. 24—27.
- Aeg-o — A. Dupont-Sommer. L'ostracon araméen du Sabbat. Semitica, II, 1949, стр. 29—39.
- Aeg-p — Emil G. Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953.
- Aeg-q — G. R. Driver. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C. Oxford, 1954.
- Aeg-r — Isaac Rabinowitz. Aramaic Inscriptions of the Fifth Century B. C. E. from a North-Arab Shrine in Egypt. Journal of Near Eastern Studies, XV, Number 1, 1956, стр. 1—9.

Лидия

L-S — Enno Littmann. Lydian Inscriptions. Part I. Sardis, VI, 1916, стр. 23—38; M. Lidzbarski. Die lydisch-aramäische Inschrift von Sar-

des. *Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete*, XXXI, 1917—1918, стр. 122—130; W. H. Buckler. *Lydian Inscriptions. Part II. Sardis*, VI, 1924, стр. 1—3: Aramaic Text; стр. 3—4: Notes by A. E. Cowley; Stanley A. Cook. *A. Lydian-Aramaic Bilingual. Journal of Hellenic Studies*, XXXVII, 1917, стр. 77—87, 219—231; P. Kahle und F. Sommer. *Die lydisch-aramäische Bilingue. Kleinasiatische Forschungen*, I/1, 1927, стр. 18—86.

Киликия

C-KK — Ch. C. Torrey. *An Aramaic Inscription from Cilicia, in the Museum of Yale University. Journal of the American Oriental Society*, XXXV, 1915, стр. 370—374.

Афганистан

A-PD — Harris Birkeland. *Eine aramäische Inschrift aus Afghanistan. Acta Orientalia, Batava*, XVI, 1938, стр. 222—233; W. B. Henning. *The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, XIII, Part 1, 1949, стр. 80—88.

Индия

I-T — L. D. Barnett. *An Aramaic Inscription from Taxila. Journal of the Royal Asiatic Society*, 1915, стр. 340—342; A. Cowley. *The First Aramaic Inscription from India. Journal of the Royal Asiatic Society*, 1915, стр. 342—347; F. C. Andreas. *Erklärung der aramäischen Inschrift von Taxila. Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philol.-hist. Klasse*, 1932, стр. 6—17.

Армения

Arm-S — А. Борисов. *Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. Вестник древней истории*, 1946, 2, стр. 97—104; A. Dupont-Sommer. *Deux inscriptions araméennes trouvées près du Lac Sévan, Arménie. Syria*, XXV, 1946—1948, стр. 53—66.

Иран

Ir-TS — W. B. Henning. *The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak. Asia Major*, II, Part 2, 1952, стр. 151—178.

Палестина

P-BP — E. Macdonald, J. L. Starkey, L. Harding. *Beth Pelet (Tell Fara), II. British School of Archaeology in Egypt*, 52. London, 1932, стр. 29.

P-S — E. L. Sukenik. *Inscribed Hebrew and Aramaic Potsherds from Samaria. Palestine Exploration Fund, Quarterly Statement*, 1933, стр. 153—156.

P-L — A. Dupont-Sommer. *Les autels à encens de Lalish. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire Orientales et Slaves*, XIII, 1953 (*Mélanges Isidore Lévy*), 1955, стр. 135—152.

Список использованных в словаре арамейских надписей
из числа включенных в „Répertoire d'épigraphie sémitique“ с указанием их происхождения и некоторых других эпиграфических изданий, где они также приведены

RÉS	Происхождение	M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik	CIS. Pars secunda, tomus I	A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923	Примечания
66	Syrie	I, 12	—	—	
242	Palestine	—	—	—	
244	Tello	I, 276	—	—	
245	„	I, 276	—	—	
246	Éléphantine	II, 217	—	79	
247	„	II, 219	—	80	
248	„	II, 220	—	—	
361	Luxor	II, 211	—	27	
438	Assouan	II, 221	—	—	
490	Égypte	—	143	—	
491	Éléphantine	II, 224	—	11	
492	„	II, 237	—	—	
493	„	II, 241, 401	—	—	
494	„	II, 241, 402	—	—	
495	„	II, 242, 401	138	—	
496	„	II, 242	—	—	
497	Égypte	II, 243	—	—	
607	Abydos	III, 103	130	—	
608	„	III, 108	127	—	
609	„	III, 108	125	—	
610	„	III, 103	—	—	
617	Palestine?	—	—	—	
618	Syrie?	—	—	—	
671	Faraša	—	—	—	См. 966.
797	Alexandrie	III, 49	—	—	
798	„	III, 50	—	—	
799	„	III, 50	—	—	
954	Agatcha-Kalé (Cap- padoce)	III, 65	—	—	
955	Saraidin (Cilicie)	—	—	—	См.: G. A. Cooke. Text-Book, 1903, стр. 194.
956	Guzneh (Cilicie)	III, 64	—	—	
957	Nippour	III, 63	—	—	
958	Perse	—	—	—	
959	Babylonie	—	—	—	
960	Égypte	—	136	—	
961	„	—	—	—	
962	„	—	—	—	
963	Palestine	III, 18	—	—	См. 242.
964	Syrie?	III, 186	—	—	

RÉS	Происхождение	M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik	CIS. Pars secunda, tomus I	A. Cow- ley. Aramaic Papyri. 1923	Примечания
965	Égypte	III, 117	—	—	
966	Faraša (Cappadoce)	III, 66	—	—	
1139	Médâin-Şaleḥ (Arabie)	—	—	—	
1295	Éléphantine	III, 119	—	—	
1296	"	III, 122	—	—	См.: Noël Aimé- Giron. Textes araméens. 1931, №№ 3, 4.
1297	"	III, 122	—	—	
1298	"	III, 22	—	—	
1299	"	III, 20	—	—	
1300	"	III, 23	—	—	
1301	"	III, 25	—	—	
1363	Abydos	III, 108	125	—	См. 609.
1364	"	III, 107	126	—	
1365	"	III, 108	127	—	См. 608.
1366	"	III, 12	128	—	
1367	"	III, 103	129	—	
1368	"	III, 103	130	—	См. 607, 610.
1369	"	III, 408	131	—	
1370	"	III, 109	132	—	
1371	"	III, 98	—	—	
1372	"	III, 104	—	—	
1373	"	III, 113	—	—	
1374	"	III, 113	—	—	
1375	"	III, 114	—	—	
1376	"	III, 114	—	—	
1377	"	III, 114	—	—	
1784	Uruk	—	—	—	
1785	Arebsun (Cappadoce)	I, 59—74, 319—326	—	—	
1786	Ördek-burnu (Syrie)	III, 92—206	—	—	
1787	Égypte	—	—	—	
1788	Memphis	—	—	—	
1789	"	III, 127	—	—	
1790	"	III, 127	—	—	
1791	"	III, 128	—	—	
1792	Éléphantine	II, 229—234	—	—	
1793	"	—	—	—	
1794	Égypte	II, 243—248	—	—	
1795	Éléphantine	II, 234—236	—	—	
1796	"	—	—	—	См. 246.
1797	"	II, 219—220	—	—	См. 247.
1798	"	II, 220	—	—	См. 248.
1799	"	II, 224—228	—	11	См. 491.
1800	"	II, 237—241; 401	—	—	См. 492.
1801	"	II, 241, 401	—	—	См. 493.

RÉS	Происхождение	M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik	CIS. Pars secunda, tomus I	A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923	Примечания
1802	Éléphantine	II, 241, 402	—	—	См. 494.
1803	"	II, 242, 401	138	—	См. 495.
1804	"	II, 242	—	—	См. 496.
1805	Égypte	II, 243, 402	—	—	См. 497.
1806	Assouan	II, 221	—	—	См. 438.
1808	Saqqâra	II, 220	—	—	
1809	"	II, 220	—	—	
1810	"	II, 220	—	—	
1811	Jéricho	III, 45	—	—	
1812	"	III, 45	—	—	
1814	"	III, 45	—	—	
1815	Palestine	—	—	—	
1816	Teima	—	113	—	
1817	Égypte	—	134	—	
1818	Memphis?	—	—	—	
1819	Ma'sâra (Égypte)	—	—	—	
1821	Babylonie?	I, 137—138	—	—	
1822	Babylonie	I, 138—140	—	—	
1823	?	—	—	—	
1824	Babylonie	I, 236—238	—	—	
1825	"	II, 400	—	—	
1826	Sinope	I, 106	—	—	
1827	Babylonie	I, 277; II, 146	—	—	
1828	"	II, 146	—	—	
1829	"	—	—	—	
1830	"	I, 194	—	—	
1831	"	I, 275—276	—	—	
1832	Égypte	—	—	—	

Перечень арамейских папирусов,

вошедших в сводную работу Каули 1923 г. (A. Cowley. *Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C.*), с указанием предыдущих изданий этих папирусов

A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923 (Aeg-c)	A. H. Sayce, A. E. Cowley. Aramaic Papyri. 1905 (Aeg-a)	E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka. 1911 (Aeg-b)	A. Ungnad. Aramäische Papyrus. 1911 (Ungnad)	CIS. Pars secunda, tomus I (CIS)	Другие издания
1	—	30 ¹	31	—	
2	—	25, 26	27	—	
3	—	27	29	—	

¹ В этом столбце указаны номера таблиц.

A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923 (Aeg-c)	A.H. Sayce, A. E. Cowley. Aramaic Papyri. 1906 (Aeg-a)	E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka. 1911 (Aeg-b)	A. Ungnad. Aramäische Papyrus. 1911 (Ungnad)	CIS. Pars secunda, tomus I (CIS)	Другие издания
4	—	36	42	—	
5	A	—	—	—	
6	B	—	—	—	
7	—	26	28	—	
8	D	—	—	—	
9	C	—	—	—	
10	—	28,29	30	—	
11	L	—	88	—	
12	—	17	18	—	
13	E	—	—	—	
14	F	—	—	—	
15	G	—	—	—	
16	—	7	7	—	
17	—	5	5	—	
18	—	33	36	—	
19	—	23	23	—	
20	H	—	—	—	
21	—	6	6	—	
22	—	17—20	19	—	
23	—	23	22	—	
24	—	21,22	20	—	
25	J	—	—	—	
26	—	8,9	8	—	
27	—	75	2a	—	
28	K	—	—	—	
29	—	15	15	—	
30	—	1,2	1	—	
31	—	3	3	—	
32	—	4	3	—	
33	—	4	4	—	
34	—	15	16	—	
35	—	34	37	—	
36	—	10	9	—	
37	—	11	10	—	
38	—	12	11	—	
39	—	13	12	—	
40	—	13	13	—	
41	—	14	14	—	
42	—	16	17	—	
43	—	33	35	—	
44	—	32	33	—	
45	—	32	34	—	
46	—	31	32	—	
47	—	35	38	—	

A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923 (Aeg-c)	A. H. Sayce, A. E. Cowley. Aramaic Papyri. 1906 (Aeg-a)	E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka. 1911 (Aeg-b)	A. Ungnad. Aramäische Papyrus. 1911 (Ungnad)	CIS. Pars secunda, tomus I (CIS)	Другие издания
48	—	35	39	—	
49	—	38	45	—	
50	—	38	47	—	
51	—	23	24	—	
52	—	24	25	—	
53	—	24	26	—	
54	—	36	40	—	
55	—	36	41	—	
56	—	37	44	—	
57	—	38	46	—	
58	—	37	43	—	
59	—	39	40	—	
61	—	55	67	—	
62	—	56	8E	—	
63	—	53	69	—	
64	—	57	70B	—	
65	—	58	71	—	
66	—	59	72	—	
67	—	60	73	—	
68	—	61	74	—	
69	—	51	64	149	
70	—	—	—	144	
71	—	—	—	145	
72	—	—	—	146	
73	—	—	—	147	
74	—	—	—	148	
75	—	—	—	150	
76	—	—	—	151	
77	—	—	—	152	
78	—	—	—	153	
79	—	—	89	—	RÉS 246; M. Lidzbarski. Ephemeris, II, стр. 217—218.
80	—	—	90	—	RÉS 247; M. Lidzbarski. Ephemeris, II, стр. 219—220.
81	—	—	—	—	A. H. Sayce, A. E. Cowley, Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, 29, 1907, стр. 260—272.
82	—	—	—	—	A. E. Cowley, Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, 37, 1915, стр. 217—223.
83	—	—	—	—	

A. Cowley. Aramaic Papyri. 1923 (Aeg-c)	A.H. Sayce, A. E. Cowley. Aramaic Papyri. 1906 (Aeg-a)	E. Sachau. Aramäische Papyrus und Ostraka. 1911 (Aeg-b)	A. Ungnad. Aramäische Papyrus. 1911 (Ungnad)	CIS. Pars secunda, tomus I (CIS)	Другие издания
Aḫīkar (Aḫ)	—	40—50	50—63	—	
Behistun (Beh)	—	52, 54—57	65—68D	—	
Appendix	—	—	—	—	Noël Aimé-Giron, Journal asiatique, 18, 1921, стр. 56—64.

Список сокращений и условных обозначений

- Авест. — авестийский.
 Араб. — арабский.
 Арам. — арамейский.
 Асс. — ассирийский.
 Асс.-вав. — ассиро-вавилонский.
 Вав. — вавилонский.
 Вм. — вместо.
 Греч. — греческий.
 Ед. ч. — единственное число.
 Ж. — женский род.
 И. сб. — имя собственное.
 Имперф. — имперфект.
 Инф. — инфинитив.
 Клиноп. — клинописный, клинопись.
 Л. — лицо.
 М. — мужской род.
 Мест. суфф. — местоименный суффикс, местоименные суффиксы.
 Мн. ч. — множественное число.
 Набат. — набатейский.
 Перф. — перфект.
 Прич. — причастие.
 Перс. — персидский.
 Ср.-перс. — среднеперсидский.
 . — точка указывает на отсутствие буквы в слове.
 ... — многоточие указывает на отсутствие в тексте слова или части его.
 ; — запятая отделяет друг от друга близкие оттенки значения слова.
 ; — точка с запятой отделяет более отдаленные оттенки значения слова.
 * — звездочка указывает, что данная форма не засвидетельствована в надписях, а постулируется.

Если при смысле названа только фамилия автора, то имеется в виду его работа, указанная в соответствующем месте в „Перечне использованных источников“.

כ

- כ как первая буква арамейского алфавита Aeg-l.
- כ знак на монете Мазая (Киликия) Vab 33.
- כ знак на монете из Иераполя (Βαμβόλη) Vab 45.
- כ сокращенное написание названия для меры сыпучих тел — ככככ Aeg-c 81 : 4, 11, 23, 25, 36; 83 : 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18; Aeg-g 87a : 14; Aeg-q 8 : 2, 4.

ככ отец S-KI¹ 10 (w'nk lmy kt 'b wlmy kt 'm wlmy kt 'h а я — одному был отцом, а одному был матерью, а одному был братом); с мест. суфф.: 'by (1 л.) S-KI¹ 5 (bt 'by дом моего отца), 9 (ks' 'by трон моего отца); S-PnI 8 (yšbt 'l mšb 'by я воссел на трон моего отца), 9 (mn byt 'by из дома моего отца); S-PnII 5, 6, 8, 10 (wbyw-my 'by Pnmw а в дни моего отца Панамувы), 10, 15, 16, 18, 19, 20, 21 (kbr 'by гробница моего отца); S-BR¹ 4 (bšdk 'by wbšdky hwšbny mr'y Rkb'l wmr'y Tgltplysr 'l krs' 'by за справедливость моего отца и за мою справедливость посадили меня мой господин Рекуб'эл и мой господин Тиглатпилесер на престол моего отца), 7, 12; S-BR³ 3, 5; S-BR⁸ 3 (w'lhy byt 'by и боги дома моего отца); Aeg-c Aḥ 33, 33; Aeg-p 4 : 19; Aeg-q 3 : 2; 8 : 2, 3; 'b то же S-KI¹ 3; 'bwk (2 м.) Aeg-c 44 : 7; Aḥ 15, 27; 'bh (3 м.) S-PnI 29; S-PnII 1, 2, 2 (bbyt 'bwh в доме его отца), 3, 3, 3 (bbyt 'bh в доме его отца), 7, 7, 9; 'bwby (то же) Aeg-c 71 : 5, 25; Aḥ 5, 47, 85, 138; Aeg-p 5 : 11, 12, 14; Aeg-q 8 : 4, 4, 6; I-T 5; 'bwh (3 ж.) Aeg-c 25 : 7; Aḥ 55 ('hykr 'bwh zy 'twr klh Ахикар, отец всей Ассирии); Aeg-p 7 : 28 (wthk lbyt 'bwh и она должна уйти в дом своего отца); 'bwkm ваш отец Aeg-c 20 : 6; мн. ч. с мест. суфф.: 'bhy (1 л. ед. ч.) S-BR¹ 16; 'bhyn (1 л. мн. ч.) Aeg-c 30 : 13; 31 : 12; 'bhym (3 м. мн. ч.) Aeg-c 71 : 2.

ככ название месяца (август) Aeg-c 14 : 1.

כככ (?) и. сб. Aeg-q Fr X, 19.

כככ см. כר אכא.

ככככ см. אככככ.

ככככч и. сб. CIS 49.

- אבד** погигать; пропадать, исчезать; утрачиваться; 'bd перф. 3 м. Aeg-q 8:2, 4; 'bdw перф. 3 мн. ч. S-PnII 5(?); Aeg-c 30:16; Aeg-q 8:2 (?); y'bd имперф. 3 м. Aeg-c 15:27; Aeg-o, conc.: 3; Aeg-p 7:25; t'bd имперф. 3 ж. S-Nr² 10; Aeg-c 71:28; 'bdh прич. ж. Aeg-c A_h 94. — Haf'el истреблять, уничтожать; yh'bdw имперф. 3 м. мн. ч. S-Nr¹ 11.
- אבדנכו** (?) и. сб. RÉS 962, № 4. — См. **אבינכו**.
- אבה** Itnaf'al желать иметь что-нибудь, желать получить что-нибудь; домогаться; htn'bw перф. 3 л. мн. ч. S-BR¹ 14. — Возможен еще и другой корень этого слова — **יאב**. Ср. Ps. 119, 131 и форму **אילעב** в сирийском.
- אבה** и. сб. —
- אבה בר חור** CIS 122:1.
- אבסלי בר אבה** CIS 122:2.
- איתן בר אבה** Aeg-c 6:16.
- שלם בר אבה** CIS 154:1.
- אבהון** и. сб. (?) Aeg-c 82:12.
- אבהי** и. сб. ж. Aeg-c 81:1. — См. **אביהי**.
- אבהיהם** Aeg-d. — Возможно, что слово значит: их отцы или их предки. Ср. **אבדיהם** под словом **אב**.
- אבהיסיתם** A-PD 6. — 'bhysyts is evidently Prakrit *abhisitasa* — „of the anointed“ (= Skt. *abhisiktasya*). This is not an artificially made-up form, but one that occurs not less than three times in the inscriptions of Asoka, in which *abhisita-* is constantly used in the dating formulas (Henning).
- אבוט** Абидос, древнеегипетский город Aeg-c 38:3; 64, № 26 (?); 82:1, 13 (?).
- אבטב** и. сб. — См. **אביטב**.
- אבטב בר שמטב** RÉS 1371B.
- אבי** и. сб. M-dI 10, 11.
- אביגדן, אביגדנא** пеня, штраф Aeg-c 20:14; 25:15; 28:10; 43:6; Aeg-p 6:17; 7:31; 8:7; 9:20; 10:10,14; 12:30; **אבנדנא, אבנדן** то же (scr. defect.) Aeg-p 5:8, 14; 11:6, 7. — Во всех случаях возможно также чтение: **אביגרנא, אבגרн, אבнрנא**.
- אביהו** и. сб. —
- דוכל בר אביהו** Aeg-c 2:20.
- בר אביהו** Aeg-c 24:17.

אביהי	и. сб. ж. Aeg-c 39:2; 46:9. — См. אבהי .
אביהי ברת אושע	Aeg-c 22:90
אבניהי ברת נתון	Aeg-c 22:100.
אבישב	и. сб. — См. אבטב .
אבישב בר בנת	CIS 123:2.
אבינבו	(?) и. сб. RÉŠ 962, № 4. — См. אברנבו .
אביתי	и сб. RÉŠ 1300:2; Aeg-c 81:42, 90, 91, 115; Aeg-j 113:1.
דלוי בר אביתי	RÉŠ 1301:5.
לפתינא בר אביתי	RÉŠ 1300:1—2.
נתן בר אביתי	RÉŠ 1794, 25. — Предложенные другие чтения: נתן בר אביתר , נתן בר אביתר менее удачны.
אבל	M-e 26 (ib-li-e troubles/his trouble. Gordon).
אבל	и. сб. Aeg-p 3:22b; 3:25. — См. אוביל , אובל .
אבלת	и. сб. RÉŠ 1366 (= CIS 128). ср. араб. بَلَّتْ , بَلَّتْ .
אבמא	(?) и. сб. RÉŠ 1368 (= CIS 130).
אבן	(?) S-PnII 7 (whrg 'bn šht mn byt 'bh).
אבן, אבנא	камень Aeg-c 15:16; 30:9 (w'mwdy zy 'bn' zy hww tmh tbrw hmw и каменные колонны, которые находились там, разбились они), 10, 10; 31:9; Aeg-p 7:18, 19; мн. ч.: 'bny S-PnI 31, 31.
אבן צרף	пробирный камень (?), драгоценный камень (?) Aeg-c 38:3.
אבני מלכא	царский вес ('царские камни-гири') Aeg-c 5:7; 6:14; 8:14, 21; 9:15; 10:4; 14:10; 15:5, 6, 9, 10, 14, 34—35, 36; 20:15; 25:16; 43:3; 46:10; Aeg-p 3:6; 4:15, 21—22; 5:8, 15; 7:16, 32; 9:20; 10:11, 14; 12:30. — Имеется в виду персидский денежный стандарт.
אבני פתח	вес Птаха ('камни-гири Птаха') Aeg-c 11:2. — Имеется в виду денежный стандарт Мемфиса.
אב.נדנאנושת	и. сб. RÉŠ 957:4. — LEph III, стр. 63: 'b. Nādin-Enwaštu.
אבסלי	и. сб. —
אבסלי בר אבה	CIS 122:2.
אבעשר	и. сб. ж. —
אבעשר ברת הושע	Aeg-c 22:104.
אברו	S-PnI 15 (mn mn bny y'hz [hʔ]r wyšb 'l mšby wys'd 'brw wyzbh hdd), 21.
אברם	и. сб. RÉŠ 1794:23. — Ср. набат. и. сб. אברמו .
אברמוש	и. сб. RÉŠ 1367:3; 1372B:2. — LEph III, стр. 105: Ich identifiziere ihn mit Οὐβραμοῦσις aus Lykaonien und Οὐπραμοῦσις aus Pisidien.

- אברת** слово, которое употребляется иногда в документах при определении размеров отчуждаемого строения Aeg-p 4:7; 9:7; 12:8, 16.
- אבשוכן** Aeg-q 5:5 ('bšwkn mmpyn hww byn bgy' zyly zy bb'lyt' wthtyt').
- אבת** и. сб. CIS 63. — В вав. части: A-ba-at-tu.
- אנבר** и. сб. S-Nr² 1 (š'gbr kmr šhr bnrb Агбара, жреца Луны в Нёрабе).
- אנור** и. сб. —
- אנור בר אחיו** Aeg-c 10:22.
- אנורא** храм Aeg-c 13:14 ('gwr' zy yhh 'lh храм бога Йахо); 25:6 ('gwr' zy yhw 'lh' храм бога Йахо); 30:6,7 ('gwr' zy byb byrt' yndšw храм, что в крепости Элефантине, следует разрушить), 9, 10, 12, 13, 14 (wkzy Knbwzy 'l lmsryn 'gwr' zk bnh hškḥ w'gwry 'lhy mšryn kl mgrw w'yš mnd'm b'gwr' zk l' ḥbl и когда Камбиз вступил в Египет, он нашел этот храм выстроенным, и в то время, как все храмы египетских богов были разрушены, этому храму никем не было причинено никакого вреда), 17, 22, 23, 24, 27; 31:8, 9, 10, 12, 16, 21, 24, 26; 33:8; Aeg-p 4:10; 12:18; 'gwr (st. constr.) Aeg-p 3:9 ('gwr yhw 'lh' храм бога Йахо); мн. ч. 'gwry (st. constr.) Aeg-c 30:14; 31:13.
- אנם** и, также S-PnII 5. — См. **נם**.
- אנן** мн. ч. 'gnn чаша, таз M-e 5, 9 (ag-gan-nu); RÉŠ 1300:7.
- אנר** нанимать; 'gr имперф. 1 л. Aeg-h 14. — Ср. 'wgryt ḥmry я отдал в наем моего осла Yēr. Ta'ān. I, 64b.
- אנר** плата, вознаграждение Aeg-c 69:12 (= CIS 149 BC:11); Aeg-c Aḥ 164 (?).
- אנר.אנרא** крыша, навес; стена (?) M-e 1; Aeg-c 5:4, 4, 5, 6, 7, 10, 10, 20; Aeg-p 9:8, 9 (dbḳ lh 'gr b'gr прилагает к нему — крыша к крыше), 10, 11; 10:4, 5, 5, 5, 6; 12:18, 20; 'grwh Aeg-p 3:4 — возможно, значит: его (т. е. дома) балки. — Aeg-p, стр. 159, слово 'gr, 'gr' толкуется как стена на основании асс.-вав. igāru.
- אנרה** письмо Aeg-c 30:18, 19, 24 ('grh mnk yštlḥ 'lyhwmt пусть им будет направлено письмо от твоего имени), 29; 31:17, 18, 28; 40:3; 'grt то же Aeg-c 30:7; 31:6; 38:10; 41:5;

- Aeg-q 10:2; 12:1; 'grt' (st. emph.) RÉS 1792B:5; 1808; 1809; Aeg-c 42:7; 'grt (st. corstr.) CIS 30; 37; M-dI 4 ('grt mlk bbl письмо вавилонского царя); Aeg-g 5:4; 51 (?); 73 (?) Aeg-q 12:4; 'grty мое письмо Aeg-p 13:2, 8; мн. ч. 'grt' Aeg-c 37:15 (mṭw 'grt' письма дошли).
- אגרי** и. сб. — Ср. вав. Agiri.
- אגרי בר אש...** Aeg-c 19:9.
- אגרי בר ביתאלזבד** Aeg-g 111.
- אדגישירזבד** и. сб. M-a 35. — В вав. передаче: Ad-gi-ši-ri-za-bad-du.
- אדונא** станция Aeg-q 6:5 (lḳbl 'dwn' zu mn mdynh 'd mdynh в соответствии со станциями на пути от одной области до другой). — См. авест. adwan. Драйвер ошибочно говорит здесь о конечном ה.
- אדי** и. сб. M-a 54 bis; 79 bis. — В клиноп. тексте Id-di-ia.
- אדין** тогда, затем Aeg-c 14:4; 20:1; 25:1; 35:1; 68, №№ 2, 4; Aeg-c Aḥ 127; Aeg-p 6:1; 8:1; 9:1; 10:1; 11:1; 12:1,10; 16, recto, A:3; Aeg-q 5:6; 7:1; 'dn (вместо обычного 'dyn) Aeg-p 5:1.
- אדלין** и. сб. Aeg-h 16.
- אדמה** земля (?), название местности (?) S-BGM Aa, 10 (wḳdm kl 'lhy rḥbh w'dm[h]).
- אדן** и. сб. Aeg-n 1.
- שלב בר אדן** M-b. — В вав. тексте, строка 4: SÍ-il-li-bi apil-šu ša Iddinna-aplu.
- אדן*** мн. ч. 'dnyн ухо; 'dnyн уши Aeg-c Aḥ 157, 216; 'dnyk твои уши Aeg-c Aḥ 132; 'dnyhm их уши Aeg-c Aḥ 97.
- אדני** (?) Aeg-c Aḥ 171.
- אדנלрм** и. сб. S-Ḥm ('dnlrм skn byt mlkh). — Имя, вероятно, финикийское: 'dn-'l-rm.
- אדננבו** название воинского подразделения (dgl) в гарнизоне крепости Элефантины Aeg-c 20:2; 67, № 1; Aeg-p 7:2; 14:2 (ldgl 'dnnbw из воинского подразделения Иддиннабу).
- אדר** мн. ч. 'drm сильный, могучий S-KI¹ 5—6 (bmtkt mlkm 'drm среди царей могучих), 7 (w'dr 'ly mlk d[n]nyн и одолел меня царь дануниитов).

- אדר** название месяца (март) Aeg-c 61:12; 67, № 4; Aeg-g 10, recto, B:3; 11, verso:3; Aeg-p 10:1. мн. ч. 'drn гумно; копна M-dII 3 (b'drn yntn); M-n 1a:5; Aeg-h 13, 13 (tkl 'dr).
- אדר, אדרא**
- אדרנג** термин, обозначающий лицо, которое в силу родственных или каких-либо других отношений могло претендовать на имущество человека и после его смерти было обязано погашать его долговые обязательства Aeg-p 9:18 (br ly wbrh ly hngyt zyly whnbg w'drng zyly); 10:12 (br ly wbrh ly 'h w'hh hngyt whnbg w'drng); 12:27 (br ln wbrh 'h w'hh ln hngyt wlnbg w'drng zyln); мн. ч. с мест. суфф. 1 л. 'drngy Aeg-p 11:9, 9 (bny w'drngy). — Geiger... compares Yasht 10:16, where a group called *suptidarenga*, which he renders approximately „(friends) having a firm shoulder association“, occurs with two other groups, one of which is haḏcgaēṭa (same word as הננית), Aeg-p, стр. 243.
- אדרסון** C-KK 2 (ptkr znh hkm Nnšt kdm 'drswn эту статью установил Nnšt перед 'drswn).
- אדשי** и. сб. M-dII 4, 10. — Ср. в клиноп. текстах и. сб. Adasi.
- אהב** (?) 'hbth CIS 150:3.
- אהורמוד** Ахурамазда RÉS 1785H; Aeg-c Beh 2, 5 ('hwrmzd s'dny Ахурамазда помог мне), 5, 13 (btlh zy 'hwrmzd благодаря покровительству Ахурамазды), 19, 28, 28, 41, 43; Aeg-b 68, A—1:4; 4:4; B—4:2, 3; 70—3:2, 7; 7:4.
- או** или RÉS 1295:6; S-Zk^b 21; S-PnI 16, 25, 26, 26, 26, 27, 27, 30, 32, 32, 33, 33, 34; Aeg-c 5:6, 8, 9; 8:18, 20, 26, 26; 9:8, 13; 15:17, 20, 26; 20:14; 25:11, 11, 14, 14; 28:9; 45:5, 6; Aeg-p 2:7, 9, 10, 12, 13; 3:22; 7:21; 12:23, 26; Aeg-q 6:3; 7:8; 11:5, 5; L-S 4, 5, 6.
- אובל, אוביל** и. сб. ж. — См. אבל.
- איכל ברת שחבר** Aeg-p 3:2, 10.
- איכל ברת שתיבר** Aeg-p 4:3.
- אודים** указ, распоряжение Aeg-c 33:12 (wmr'n 'wdys y'b[d] и если наш господин отдаст распоряжение).
- אודה** и. сб. Aeg-c 24:37.

איכז	см. בית איכז.
אולת	рабыня CIS 64:1. — См. асс. amēlutu, вав. awilutum.
אומנס	и. сб. Aeg-j 120:10. — См. греч. Εὐμένης.
און	сила, мощь; имущество, богатство Aeg-c Aḥ 160 (wmh ytnṯr 'l 'wn gwh how shall he be saved by (?) his own strength?).
אוננז	и. сб. RÉS 1372B:1. — Возможно еще чтение אוננס.
אוסרי	Осирис CIS 122:2 (ḳdm 'wsry 'lh' перед богом Осирисом); 130; 141:1, 3, 3; 142; RÉS 1372A; 1373:3; 1376:2. — См. אסרי.
אוכרי חפי	Осирис-Апис, Серапис CIS 123:1—2; 'wsḥry ḥpy CIS 123:3—4.
אוסתן	и. сб. Aeg-c 30:18; 31:18.
אופכרתה	Aeg-c 26:5 (w'wḥkrth y'bdw and make a report on it?).
אופכרתא	Aeg-g 10, recto, B:4 ([']wḥkrt' zy 'b[d]).
אופשרה	ремонт, починка Aeg-c 26:3, 6, 9, 9; 'wḥsr (st. constr.) Aeg-c 26:22 ('wḥsr spynt' zk ремонт этого корабля).
אוצרא	казначейство; склад Aeg-c 2:12; 11:6; 50:6; Aeg-p 3:9 ('wḥsr' zy mlk' казначейство или царский склад); 'wḥsr (st. constr.) Aeg p 6:7; 10:4; 11:4 ('wḥsr mlk' казначейство или царский склад). — См. אצר.
אורא[דן]	и. сб. M-a 48. — Amurru-iddin.
אור[אטר]	и. сб. M-a 49. — Amurru-ēṭir.
אורי	и. сб. —
אורי בר מחסה	Aeg-c 23:14.
אורי בר משלך	Aeg-c 22:73.
ידי בר אורי	Aeg-c 23:14.
מחסה בר אורי	Aeg-c 22:65.
מנחס בר אורי	Aeg-c 22:73.
משלך בר אורי	Aeg-c 22:68.
רעויה בר אורי	Aeg-c 22:118.
כל בר אורי	Aeg-c 24:26.
אוריה	и. сб. RÉS 482B:1; Aeg-b 76—1a:1; Aeg-c 37:1; 38:1, 12. — אוריה то же RÉS 492B:3. — См. אריה. —
אוריה בר מחסיה	Aeg-p 8:2, 4, 9.
אושע בר אוריה[ה]	Aeg-c 19:3.
הושע בר אוריה	Aeg-c 25:5.
הושעיה בר אוריה	Aeg-c 25:2.

יזן בר אוריה	Aeg-c 8:7; 25:17.
יזניה בר אוריה	Aeg-c 6:9; 9:2; 25:4, 13, 20.
י.יה בר אוריה	Aeg-c 15:38.
אורפחר	и. сб. M-a 50. — Amurru-ú-paḥ-ḥir.
אושע	и. сб. Aeg-c 67, № 11.
[אוריה] אושע בר	Aeg-c 19:3.
אושע בר גלגול	Aeg-c 10:21.
אושע בר הודו	Aeg-c 12:4.
אושע בר יתום	Aeg-c 12:3.
אושע בר נתן	Aeg-b 79—2a:2; Aeg-c 22:127.
גדול בר אושע	Aeg-c 13:14.
חרמן בר אושע	Aeg-c 12:2.
נתן בר אוש[ע]	Aeg-b 79—2b:2.
...בר אושע	Aeg-c 63:15.
אביהי ברת אושע	Aeg-c 22:90.
אושעיה	и. сб. Aeg-b 79—3:3.
זכור [בר] אושעיה	Aeg-c 20:18.
זז	тогда, в то время S-PnI 7; S-PnII 9.— См. זזי.
זזז	известие, уведомление; донесение Aeg-c 27:8 (hn 'zd yt'bd если донесение будет сделано. — A. Cowley: if inquiry be made; П. К. Коков- цов: если дело будет разузнано (см.: Б. А. Ту- раев. История Древнего Востока. Петро- град, т. II, 1914, стр. 219); M. Lidzbarski: wenn zuverlässige Nachricht ... gegeben wird (Ephemeris, II, стр. 216)).
אזכרא	мн. ч. 'zdkry' осведомитель Aeg-c 17:5, 7.
אזי	тогда, затем (ср. Ps. 124:3, 4, 5; см. 'dyn) M-dI 6, 14, 14. — См. זז.
אזיבו	и. сб. —
אזיבו בר ברכיא	Aeg-c 56:3.
אזל	идти, пойти, уходить, отправляться; 'zl перф. 3 м. Aeg-c 27:3; 30:5; 31:4; 56:2; Aeg-c Aḥ 75, 110, 120; Aeg-c Beh 8; Aeg-g 8, verso:2; 'zlt перф. 1 л. Aeg-b 81—1:3; Aeg-c 40:2; Aeg-c Aḥ 22 ('zlt ly lbytu я отправился к себе домой), 76; 'zlw перф. мн. ч. 3 л. Aeg-c Beh 4, 8, 10, 24*, 26; Aeg-b 68—2:2; 'zl императив (см. 'yzl, 'zyl, 'yzyl Targ. — Gen. 22:2; Ex. 3:16; Yēr. Kēt. X, 33d; Yēr. Sanh. X, 29a) Aeg-c 42:8; Aeg-c Beh 7, 18; 'zlw мн. ч. Aeg-b 78—1b:1; Aeg-c Beh 39; zwl (вм. zyl) императив, другая форма RÉS 1793:7; 'zl прич. Aeg-q 6:2; 'zlyn то же мн. ч. Aeg-g 39:4; 'zln то же Aeg-q 6:4.

- אזניה** и. сб. Aeg-c 66, № 8.
יארש בר אזניה Aeg-c 12:8; 18:5 (?).
אזת Aeg-p 5:4 ('zt šbktky я отпустил тебя (ж.) на свободу).
אח брат S-KI¹ 11; Aeg-c 1:5; 5:8; 6:13, 13; 8:10; 13:10; 25:11; 28:8; 43:5; Aeg-p 1:8; 4:13, 19; 5:5; 8:4, 6; 10:12; 12:27; 'h мой брат S-KI¹ 3; 'hy то же RÉS 1300:1, 3; M-dI 1; Aeg-c 40:1, 5; 65, № 4; 67, № 8; Aeg-k № 277:1, 2; 'hwk твой брат RÉS 1300:2; 1802B:1; M-dI 1; Aeg-b 76—5:5; Aeg-c 40:1, 5; 42:1; 56:4; 68, № 1; Aeg-k № 277:1; 'hwky твой брат, ж. Aeg-c 68, № 8; 'hwhy его брат Aeg-b 75—2:4; Aeg-c 25:21; 28:15, 17; 30:18; 31:18; 34:5; Aeg-c Aḥ 49 (k'yš 'm 'hwhy как человек поступает по отношению к своему брату); Aeg-g 87a:21 (?); Aeg-p 12:19, 20; Aeg-q 11:5; 'hwh' то же (ср. Targ. Gen. 29:10) RÉS 1300:4; 'hwh то же Aeg-c 25:3; Aeg-g 42:2; 'hkm ваш брат S-PnI 29; 'hwkm то же Aeg-c 21:2, 11; 41:9; 'hy мои братья Aeg-c 21:2, 11; 41:1; 'hyn наши братья Aeg-c 20:10; 'hykm ваши братья Aeg-c 20:12.
אחי מלכיא принцы ('братья-цари') S-BR¹ 14—15; 'hy (без mlky') то же S-PnII 12. — См. 'hy братья Yēb. 65b.
אחא и. сб. Aeg-h 16 ([']h').
אחא בר חפיו Aeg-h 2:19.
אחאב и. сб. —
אחאב בר פני Aeg-b 84—9.
אחבר и. сб. S-Hm.
אחד брать, хватать, захватывать; владеть, обладать, иметь; закрывать, замыкать; 'hd перф. 3 м. Aeg-q 5:7; 'hdt перф. 1 л. Aeg-c 52:8; Aeg-c Beh 14; 'hdw перф. мн. ч. 3 л. Aeg-c Beh 1, 6, 11, 34; Aeg-b 68—4:5; y'hdn имперф. мн. ч. 3 л. Aeg-c Aḥ 171 (Нельдеке толкует это слово как форму ед. ч. с nūn energeticum); 'hdw императив мн. ч. Aeg-c 69:3; m'hd инф. ('nt šlṭ lm'hd ты имеешь право забрать) Aeg-c 2:17; 'hd прич.: 'hd gšwrn Aeg-p 4:8; 6:4; 9:13; 10:2; 12:13; wgšrn l' 'hd Aeg-p 3:5; 'hd wpth Aeg-p 9:13; 'hdy прич. мн. ч. Aeg-c Aḥ 99. — Itra'al быть взятым, захваченным; 'thdw перф. мн. ч. 3 л. Aeg-c 34:4. См. Targ.

- Onk. Num. 31 : 30,47; Targ. Yēr. Num. 5 : 13.
אחד CIS 109 — лучше читать: **אחר**.
אחדתא * владение, имущество, собственность; 'ħdth? (с мест. суфф. 3 м.) Aeg-p 7 : 29. — См. Targ. Onk. Num. 27 : 7.
אחה сестра Aeg-c 1 : 5; 5 : 8; 6 : 13, 13; 8 : 10; 13 : 10; 25 : 11; 28 : 8; 43 : 5; Aeg-p 1 : 8; 4 : 13, 19; 5 : 5; 8 : 4, 6; 10 : 12; 12 : 27; 'ħt (st. constr.) Aeg-c 22 : 82; 65, № 4; 'ħty моя сестра RÉS 1785E : 5; Aeg-c 68, № 8; 'ħtk твоя сестра Aeg-p 7 : 3, 4, 5; 'ħth его сестра RÉS 1785E : 2; Aeg-c 82 : 10; Aeg-p 7 : 41; 'ħth ее сестра Aeg-c 1 : 2; 34 : 4; 43 : 2, 13; 'ħwth Aeg-c 75 : 8.
אחוטב и. сб. ж. RÉS 1795A : 1; 1801 : 1; Aeg-k № 169, conc. : 1. — См. **אחטב**.
אחוני и. сб. —
נבונתן בר אחוני CIS 154 : 4.
אחושן и. сб. M-a 69. — В вав. передаче: Aħu-šu-nu. M-a 63.
אחושן בר בלאמר M-a 68.
אחושן בר блш.אב. Aeg-p 1 : 12.
אחושן בר דנווכי
אחו (?) и. сб. RÉS 1824. — См. **איקו**.
אחו братъ, взять; держать; хватать, захватывать; овладевать; забирать; 'ħz перф. 3 м. S-PnII 11; 'ħzt перф. 1 л. S-BR¹ 11; 'ħzw перф. мн. ч. 3 л. Aeg-n 5; 'ħzn перф. мн. ч. 1 л. M-dI 5, 6; y'ħz имперф. 3 м. S-PnI 15, 20, 25 (y'ħz ħṭr он будет держать скипетр); 'ħz имперф. 1 л. S-PnI 3; 'ħz прич. (?) Aeg-k № 175, conc. : 1. — Itpe'el быть закрытым, замкнутым S-Nr² 4 (bywm mtt pmy l't'ħz mn mln в день моей смерти уста мои не были замкнуты).
אחטב и. сб. ж. RÉS 1793 : 10; Aeg-b 76 — 1b : 4; Aeg-m 1b : 4. — См. **אחוטב**.
אחי'אב и. сб. —
אחי'אב בר נמריה Aeg-c 2 : 2, 18.
אחי (?) и. сб. RÉS 1792A : 1.
אחיו и. сб. —
אחיו בר מ... Aeg-c 34 : 5.
אחיו בר נתן Aeg-c 22 : 128; 23 : 1; 25 : 19; Aeg-p 10 : 18.
אחיו בר פלטיה Aeg-c 10 : 22.
אנור בר אחיו Aeg-c 10 : 22.
נמריה בר אחיו RÉS 492B : 2; Aeg-c 6 : 18; 11 : 16.
מכיה בר אחיו Aeg-p 1 : 12; 5 : 17.

פלטיה בר אחיו	Aeg-c 5:15.
אחיל	и. сб. M-a 85. — В вав. передаче: Aḥi-ia-li; ср. араб. أَخْيَل.
אחים	(?) и. сб. —
הנור בר אחים	RÉS 1297:1.
אחיקר	и. сб. Aeg-c Aḥ 1, 2, 13, 14, 35, 45, 46, 55, 60, 62, 63, 69, 76.
אחלבני	(?) и. сб. Aeg-c 24:12.
אחלכד	и. сб. CIS 93.
אחמה	и. сб. S-Ḥm XXXIX, 4; LHb, стр. 212.
אחמם	и. сб. —
אחמם בר כהם	RÉS 958.
אחמנש	и. сб. Aeg-c 17:1, 5; 65, № 11; Aeg-g 8, verso:2.
אחמם	и. сб. Aeg-b 76 — 4:6.
אחנורי	и. сб. Aeg-j 116B.
אחנורי	и. сб. Aeg-j 116A.
אחפפי	и. сб. Aeg-q 4:4 ('ḥp̄py spr'); Fr VII, 3.
אחר	затем, после, после этого CIS 109:2 (здесь следует читать 'ḥr, а не 'ḥd); RÉS 1785B:1 (?); E:4; F:3 (?), 4, 5; Aeg-c 9:8; 13:5; 20:8; 28:10; 30:6, 8; 31:6, 7; 71:11; Aeg-c Aḥ 8, 11, 36, 39, 54, 63, 71, 171; Aeg-c Beh 2, 4, 6, 8, 11, 19*, 24, 26, 48*; Aeg-p 11:3, 6, 7, 8, 10; Aeg-q 4:3; 5:6, 7; 6:6; 8:5; 11:2; 12:3; L-S 3, 6, 6; P-BP 3.
אחר	после Aeg-p 4:7 ('ḥr mwtky после твоей (ж.) смерти).
אחרי	после Aeg-p 4:21 ('ḥry mwty после моей смерти); 5:14; 'ḥry kn после этого, затем Aeg-c Aḥ 99; 'ḥry после меня Aeg-c 67, № 12; Aeg-c Aḥ 6; Aeg-c Beh 50; 'ḥryk после тебя (м.) Aeg-c 9:13; 28:7, 12; Aeg-p 3:12 (wbnyk mn 'ḥryk и твои дети после тебя), 16, 19 (wzy bnyk mn 'ḥryk и твоих детей после тебя); 12:23; 'ḥryky после тебя (ж.) Aeg-c 8:9, 15; 13:8 (mn 'ḥryky после тебя); Aeg-p 4:5; 9:19, 19, 21; 10:9; 'ḥrwhy (с мест. суфф. 3 м.) Aeg-c 9:4; 13:7; 38:10; Aeg-c Aḥ 210 (mn 'ḥrwhy после него); 'ḥryn после нас Aeg-c Aḥ 63; A-PD 8; 'ḥrykm после вас Aeg-c 9:8; 25:9, 16.
אחרה	другой (ср. 'wḥr' Targ. Yēr. Lev. 18:21; ywm' 'wḥr' Makk. 22b, 'Erub. 40b; ywm' 'ḥr' Targ. II Chr. 20:16, ed. de Lagarde) S-Nr ¹ 13; S-Nr ² 8.

- אחרה** другая Aeg-c 15:32 ('nth 'hrh другая жена); 64, № 20; 79:3, 4; 82:4 (?).
- אחריחב** и. сб. —
- אחריחב בר חפימו** Aeg-c 73:16.
- אחרטים** и. сб. Aeg-c 63:2. — Ср. в асс. документах Aḥartēše (Ungnad).
- אחרייא** другое, прочее Aeg-c 82:7.
- אחרן** другой; mḥr 'w uwm 'hrn завтра или в другой день, т. е. завтра или послезавтра (ср. выражение lmḥr wlywm' 'wḥr' Makk. 22b, 'Erub. 40b; lmḥr wlywm' ḥr' B. meš. 17a; lmḥr wlywm' 'hryn' Ta'ān. 12b) Aeg-c 1:4; 5:6, 8; 8:18, 20, 26; 9:8, 13; 15:17, 22, 26; Aeg-p 2:7, 9, 10—11, 12, 13; 7:21; 'yš 'hrn другой человек Aeg-c 8:11, 16; Aeg-p 4:20; 'nš 'hrn другой человек Aeg-p 8:5; gbr 'hrn другой человек Aeg-c 13:9, 11; Aeg-p 3:19; 4:16, 19; 5:9; lbš 'hrn другое платье Aeg-c 15:10; l'dn 'hrn в другое время Aeg-c Aḥ 49; 'tr 'hrn другое место Aeg-q 7:2, 4, 6, 9; 'lum 'hrn другой слуга Aeg-q 8:5; mnd'm 'hrn другие вещи, все другое, что-либо другое Aeg-q 12:7; b'l 'hrn другой муж Aeg-p 7:33; 'hrn Aeg-q Fr IB:2; 'hrn' то же Aeg-c 9:11; Aeg-p.4:19 (ср. Targ. Onk. Gen. 37:9; Yēr. Šēbu'. VI, 37b); 'hrnn то же мн. ч. RÉS 1793:11; Aeg-c 8:10, 19; 9:7, 9; 15:32; 30:8; 71:4, 24; Aeg-c Aḥ 37, 39, 40, 49, 52, 62; Aeg-q 7:3, 4, 8; 9:2, 3; 'hrn Aeg-c 15:33 — описка; надо: 'hrnn мн. ч.
- אחרן** другое, прочее, остальное Aeg-c 20:6, 12; 26:5, 6; 30:11.
- עד אחרן** наконец Aeg-p 10:10 (ср. Dan. 4:5).
- על אחרן** наконец, в конце концов Aeg-c 38:4; Aeg-c Aḥ 53, 64, 133 (?).
- אחרת** потомки, потомство S-Nr² 10 (w'hrth t'bd и потомки его погибли). — Ср. набат. 'hr, араб. ^{أُخْر}.
- אחש** и. сб. M-a 36.
- אחשי** и. сб. M-dI 10, 10. — Ср. в клиноп. текстах и. сб. Aḥē-ša-a (Aḥ-ḥi-ša-a-a).
- אחחבו** и. сб. ж. —
- אחחבו ברת עדיה** CIS 122:1, 2.
- אחחבסתי** и. сб. Aeg-q 11:1, 4. — См. אחחבסתי.
- אחחר** и. сб. M-a 46.

- אחורנתר RÉS 1785F:1.
 אטר и. сб. —
 זכור בר אמר Aeg-c 13:3.
 אי CIS 43B:1.
 אי'а термин, которым в древнейших надписях из Зенджирли (Сам'ал) обозначается член царской семьи; 'yḥh (с мест. суфф. 3 м.) S-PnI 30; S-PnII 17; 'yḥy мн. ч. (st. constr.) S-PnII 3; 'yḥyh (мн. ч. с мест. суфф. 3 м.) S-PnI 24 (?), 27, 28; 'yḥth (мн. ч. ж. с мест. суфф. 3 м.) S-PnI 28, 31.
 איך как S-BGM Ab, 16, 19, 20 ('yk zy); Aeg-c 16:7; Aeg-c Aḥ 37; Aeg-c Beh 52 ('yk zy 'byd как это сделано).
 אילתא лань Aeg-c Aḥ 87.
 [אי]מסארתהם A-PD 4. — *imasa-arthasa* of this purpose.
 איסק и. сб. Aeg-c 51:8.
 איסק בר זמבף Aeg-p 3:24.
 איקו (?) и. сб. RÉS 1824. — См. אוק.
 איר название месяца (май) Aeg-c Beh 3, 10; Aeg-p 14:1.
 איש человек; кто-нибудь; всякий; никто CIS 141:2; Aeg-c 8:11, 12, 16; 20:10, 12, 13, 14; 25:10, 11, 12, 13, 14; 30:14; 31:13; 42:6; 49:3; 67, № 5; 71:2, 6, 7, 29; Aeg-c Aḥ 49, 104, 114, 116, 116, 125, 125, 134, 145, 150, 159, 160, 163, 200, 218 (?); Aeg-c Beh 38, 50; Aeg-p 4:19; 8:4, 5, 6 ('yš ly; ср. 'yš 'hrn); 12:28; 16, verso:1; Aeg-q 5:8.
 אש то же (scr. defect.) S-Zk 2; S-PnI 11 (?), 34.
 אישפר ткач M-a 96. — См. вав. išpāru, ešpāru.
 אית аккузативная частица S-Zk^b 5, 10, 11, 15, 16, 27.
 אית есть, имеется Aeg-c 46:3; 54:4; 67, № 7; Aeg-h 15 ('yt lk); Aeg-p 7:31. — См. Targ. Gen. 18:24; Yēr. Bēr. VI, 10d; B. mēš. 3a ('yt ly); Yom. 41a ('yt lk); Sanh. 90a ('yt lyh). — См. אית, איתי.
 איתהם M-dI 6. — M. Lidzbarski: sie sind.
 איתי есть, имеется, имеются Aeg-c 8:23; 9:3; 15:19, 32 ('yty ly 'nth 'hrh есть у меня другая жена), 33; 20:5, 7; 27:4, 6; 28:12; 29:2 ('yty lk 'ly тебе следует от меня); 35:3; 37:4; 64, № 27; Aeg-c Aḥ 159; Aeg-p 7:36; Aeg-q 5:2 ('yty gbrn имеются люди); 8:1. — См. אית.

- לא איתי** нет, не имеется, не имеются RÉS 1801:2; Aeg-c 8:10; 15:17—18, 21; 80:4; Aeg-c A_h 105 (wl' 'yty zu [m]ryr mn 'nwh нет ничего горше бедности), 111, 112; Aeg-p 7:34—35; Aeg-q 12:9 ('byd' l' 'yty lk тебе нет дела).
- לאיתי** (= **לא איתי**) то же RÉS 1295:4 (LEph III, стр. 121 читает **לאיתי** и переводит: dem Itō); Aeg-k № 169, conc. : 6; Aeg-p 7:29. — Ср. Targ. Prov. 25:14.
- לאית** (= **לא אית**) то же Aeg-k № 169, conc. : 3.
- איתן** и. сб. —
- איתן בר אבה** Aeg-c 6:16. — LEph III, стр. 121: **איתו**.
- אנדבן** и. сб. —
- אנדבן בר נבד** CIS 75:1. — E. Sachau (Zeitschrift für Assyriologie, VI, 1891, стр. 432): **אנרב**.
- אנדי** и. сб. M-dII 2. — Akkada-a, Akkadier.
- אני** и. сб. —
- אני בר חרובד** Aeg-g 93.
- אכל** есть; пожирать; сжигать; 'klt перф. 3 ж. S-PnII 9; 'klthm перф. 3 ж. с мест. суфф. мн. ч. 3 м. M-dI 17 ('šh 'klthm огонь сжег их); 'klt (?) перф. 1 л. Aeg-c 13:4; y'kl имперф. 3 м. S-BGM Ab, 8; Aeg-c 71:4 (?); Aeg-c A_h 89; t'kl имперф. 3 ж. S-PnI 21 (t'kl nbš P[n] r[w] 'm Hdd да пусть ест душа Панамувы вместе с Хаддом); S-BGM Ab, 8; t'kl имперф. 2 м. Aeg-c A_h 127, 129; y'klw имперф. мн. ч. 3 м. CIS 137B:3; 'kl императив Aeg-b 76—1b:6; 'kl инф. S-PnI 23 ('l ytn lh l'kl пусть не даст ему есть); 'kl перф. 3 м. (?) S-PnI 9 (wbymy gm 'kl wšt'); 'klt перф. (?), прич. (?) S-KI¹ 6, 7 (km's 'klt zkn w[km]'š 'klt yd). — См. **מאכל, מכל**.
- אכס** тускнеть (о глазах); y'kmtw имперф. мн. ч. 3 м. Aeg-c A_h 157.
- אל** не CIS 137B:2 (здесь следует читать 'l, а не kl); RÉS 1793:10; S-KI¹ 14, 15; S-Zk 13; S-PnI 22, 23, 23, 26; S-BGM Ab, 2, 3, 3, 4, 5, 10; M-dI 17; Aeg-c 16:9; 21:7; 42:7, 11, 13; Aeg-c A_h 52, 54, 61, 81, 96, 97, 100, 101, 102, 103, 106, 119, 126, 130, 130, 136, 137, 138, 141, 141, 142, 146, 147, 148, 148, 148, 153, 155, 155, 157, 193, 194, 206, 207, 218; Aeg-e 1B:5; Aeg-n 7; Aeg-o A:4; Aeg-q 6:6.
- אל** предлог, служащий для выражения русского

- дательного падежа; к RÉS 1795A : 2; 1300 : 1; S-Zk 11; Aeg-c 30 : 1; 31 : 1; 37 : 1, 17; 38 : 1, 12; 39 : 1, 5; 40 : 1, 5; 41 : 1, 9; 63 : 6; 67, № 8; 70 : 1; Aeg-k — № 70 : 1; № 277 : 1; Aeg-n 1; Aeg-p 13 : 9 (?); 'ly мне, ко мне S-Zk 12.
- אל** эти S-Zk 9, 16; S-Zk^b 8; S-PnI 5, 29. — См. אלה.
- אל** бог Aeg-c Aḥ 107, 154, 156, 161, 173.
- אל** название божества S-PnI 2, 2, 11, 18; S-PnII 22; S-BGM Aa, 11.
- אלב** Pa'el научать, подучать, подстрекать S-PnI 34 ('w t'lb 'š zr lhrgh или получишь чужого человека убить его). — 'lb < 'lp; ср. nbš (S-PnI 17, 21) < прš.
- אלדלני** и. сб. CIS 54. — Acc. El-edil-ani.
- אלה** эти RÉS 1785B : 4 (mly' 'lh mlyl эти слова сказал); M-dI 12 (mly' 'lh эти слова), 13; Aeg-c 2 : 13; 7 : 10; 13 : 13; 18 : 2; 20 : 15; 28 : 13; Aeg-h 15; Aeg-p 3 : 7 (wh' 'lh thmy byt' zk zy 'nhn zbn lk а вот они границы того дома, что мы продали тебе); 6 : 14; 7 : 41; 13 : 5; Aeg-q 8 : 3 (hn kn hwh kmly' 'lh если действительно так было, как гласят эти слова). — См. אלה, אלה, אלה.
- אלה, אלה** бог RÉS 438 : 5; 1817 (= CIS 134); M-dI 19; Aeg-c 2 : 16; 3 : 17; 69 : 12; Aeg-d — № 2 : 5; № 6; Aeg-p 5 : 10 (w'nty šbykh l'ih' а ты свободная у бога, т. е. никто не может никогда тебя поработить; ср. Jon. 3 : 3; Gen. 10 : 9); 16, recto, I : 3. — 'lhy мн. ч. S-PnI 4, 12, 13, 19 (?); S-PnII 23. — 'lhy то же st. constr. S-BR⁸ 3 (w'lhy byt 'by и боги дома моего отца). — 'lhy мн. ч. RÉS 1785A : 2, 5. — 'lhn то же CIS 113 : 20; RÉS 1785E : 6; S-Zk^b 9 (bty 'lhn храмы); S-BGM Ab, 11; Aeg-c 7 : 6; 71 : 23; Aeg-c Aḥ 95, 115, 115, 124, 124, 128, 135, 160. — 'lhy' то же Aeg-b 75 — 2 : 3 (?); Aeg-c 13 : 15; 17 : 1; 21 : 2; 34 : 7; 39 : 1; 41 : 1; 56 : 1; Aeg-c Aḥ 94, 126; Aeg-c App BC 11 (bbty 'lhy' в храмах); Aeg-p 13 : 1; Aeg-q 13 : 2,5 ('lhy' šlm yšmw lk пусть дадут тебе боги мир). — 'lhw то же S-PnI 2.
- אוסרי אלה** бог Осирис CIS 122 : 2; 141 : 1; 142.
- אפתו אלה רבא** Aeg-c 72 : 15.
- בעלשמיו אלה (א)** бог Владыка неба Aeg-n 2. — См. בעלשמיו.
- אלה הדוד** бог Хадад S-PnII 2.
- אלהא חנוב** бог Хнуб Aeg-c 30 : 5.

חנוב אלהא	то же Aeg-c 27:3.
חנום אלהא	бог Хнум (то же, что бог Хнуб) Aeg-p 3:8; 4:10; 9:10; 10:6.
חרמביתאל אלהא	Aeg-c 7:7.
יהו אלהא	бог Йахо Aeg-c 6:4; 22:1; 25:6 ('gwr' zy yhw 'lh' храм бога Йахо); 30:6, 24, 26 (mdbh' zy yhw 'lh' алтарь бога Йахо); 31:7, 24, 25; 33:8; 38:1 (khny' zy yhw 'lh' жрецы бога Йахо); 45:4; Aeg-p 2:2; 3:3, 10; 4:2, 10; 6:2; 9:2, 23; 10:2, 17; 12:2, 11, 33. — См. יהו.
יהו אלה שמיא	Йахо бог неба Aeg-c 30:27. — См. אלה שמיא.
יהה אלה	бог Йахо Aeg-c 13:14. — См. יהה.
צלם אלהא	бог Салм CIS 114:3—4.
אלה שמיא	бог неба, т. е. Йахо Aeg-c 30:2; 31:2; 32:3; 38:3, 5; 40:1. — См. יהו אלה שמיא.
אלה אבה	боги его отца (здесь мн. ч., а не ед. ч.) S-PnI 29.
אלהי יאדי	боги Йа'ди (Сам'аля) S-PnII 22.
אלה יאדי	то же S-PnII 2.
אלהי מצרין	боги Египта Aeg-c 30:14 ('gwry 'lhy msryn храмы богов Египта); 71:8, 26.
אלה[ני] מצריא	боги египтян Aeg-c 31:13.
אלהי מת	(?) S-PnI 12, 13.
אלהי רחבה ואדמ[ה]	S-BGM Aa, 10.
אלהי שמי[ן]	боги неба S-Zk ^b 25.
אלהי תימא	боги Теймы (селения в северной Аравии) CIS 113:3, 10—11, 13, 17.
רכנאל אלה	RÉS 1786:5.
שמש אלה	RÉS 1786:10.
אלה	горе, несчастье S-PnII 2 ('lh hwt bbyt 'bwh несчастье случилось в доме его отца). — Слово находится, вероятно, в связи с араб. глаголом 'ly, 'l' оплакивать, горевать.
אלהלי	и. сб. CIS 48.
אלהתא, אלהתה	богиня —
סתי אלהתה	Aeg-c 14:5.
אסי אלהתא	богиня Исида Aeg-c 72:16.
אלו	CIS 138A:2, 5 — см. אלה.
אלוך	Aeg-c Beh 23. — В вав. фрагменте этому слову соответствует alluk.
אלול	название месяца (сентябрь) Aeg-c 5:1; 20:1; Aeg-p 3:1.
אלור	имя отца Закара, царя Хамата и Лу'аша S-Zk 1; S-Zk ^b 20.

- אליהב и. сб. CIS 78.
 אליועיני и. сб. —
 עקביה בר אליועיני RÉS 797:1 — 3.
 אליש и. сб. —
 אנן בר אליש Aeg-g 110 bis : 1.
 אלך эти Aeg-c 16:4; 20:8; 27:8; 30:11; 31:10;
 71:15; Aeg-c A_h 56, 58, 67; Aeg-c Beh 20;
 Aeg-p 11:4, 5; Aeg-q 6:6; 10:3; 12:5. —
 См. אלה. אלן.
 אלכי то же Aeg-c 13:6; 14:6, 8. — Эта форма, как и
 zky (см.), употребляется при указании на пред-
 меты, принадлежащие лицу женского пола.
 אלכסנדר и. сб., на монетах из Йераполя Bab LII, 46.
 אללאחתן и. сб. —
 אללאחתן בר שואדן RÉS 957:7. — Ellil-ittannu.
 [אללחזן] и. сб., M-a 9 (= CIS 18). — В асс. тексте сохра-
 нился только конец имени ...az-zi.
 אללחתן и. сб. M-a 68, 109. — Вав. ^{itu} EN-LIL-ḫa-tin.
 אללי и. сб. M-dI 15. — Ulūlai = Салманасар V.
 אללשוадן и. сб. M-a 84. — В вав. тексте: Ellil-šum-iddin.
 אלמלד и. сб. M-a 11 (= CIS 28). — В асс. тексте:
 El-ma-la-ku.
 אלמנני и. сб. M-n 1a : 2; 2a : 1—2. — В клиноп. текстах:
 Pa-manāni.
 אלן эти CIS 111:5 (?); S-BGM — Aa, 7; Ab, 19. —
 См. אלה. אלך.
 אלנפיו и. сб. —
 אלנפיו בר עבד[ו] CIS 121. — Ср. النَّفِيُّ.
 אף Itpa'al получать воспитание, образование; yt'lp
 имперф. 3 м. Aeg-c A_h 80.
 אף. אלפא бык, вол S-KI¹ 11; Aeg-o A : 2 (rḫy 'lp' mḫr
 bšbh).
 אף. אלפא корабль, судно (?) RÉS 495 (=1803; CIS 138)
 A : 3, 9; B : 2, 5; 1792A : 2; 1795A : 3; Aeg-k
 № 169, conc. : 4 ('lpy мн. ч.?, и. сб.?).
 אף тысяча Aeg-c 24:40, 43; 30:3; 31:27; 33:14;
 мн. ч. st. constr. 'lpy Aeg-c 71:16 (=CIS
 145B : 7). — См. еще אף.
 אלקב и. сб. M-dII 4:3. — В клиноп. текстах: Ilu-iḫbi.
 אלת название божества, которое почиталось древ-
 ними арабами Aeg-r A, B, C.
 אלתי S-Ḥm.
 אם мать S-KI¹ 10, 13; 'my моя мать RÉS 955:3;
 Aeg-p 4:19; 'mh его мать CIS 122:2; Aeg-c 28:

- 4, 5; Aeg-c A_h 138; Aeg-c App A : 1, 2, 3, 4; Aeg-p 2 : 14; 6 : 3; 'm_n наша мать Aeg-c 28 : 3; 'mhm их мать RÉŠ 1793 : 3; Aeg-c 25 : 3; 28 : 13.
- אם** также, тоже, и Aeg-c 13 : 11; 34 : 6; Aeg-p 3 : 16, 19; 9 : 21; 10 : 11, 14.
- אם** (?) S-PnI 29.
- [א]מדת** и. сб. CIS 66. — Acc. Ummadata.
- אמה** рабыня Aeg-c 10 : 10 ('bd w'mh); Aeg-c A_h 84; Aeg-p 11 : 11; 'mtk твоя рабыня Aeg-p 2 : 3; 'mth его рабыня Aeg-p 5 : 3.
- אמת** то же RÉŠ 1793 : 4.
- אמתא** то же st. emph. CIS 19.
- אמה** локоть — мера длины Aeg-c 79 : 2, 3; мн. ч. 'm_n Aeg-c 8 : 4, 5; 9 : 4; 15 : 8, 9, 11; 26 : 10, 10, 11, 11, 12, 12, 13, 14, 16; 36 : 2, 2; 63 : 11; 79 : 2, 3, 4; Aeg-p 4 : 6, 7, 7, 8; 6 : 4; 7 : 6, 7, 7, 8, 9, 12; 9 : 6, 7; 12 : 7, 8, 16, 16; 'myn то же Aeg-p 12 : 8, 15.
- אמון** и. сб. Aeg-q 5 : 3.
- אמורטיס** и. сб.; 'mwrṭys mlk' царь Амиртей Aeg-c 35 : 1, 6; mlk' 'mwrṭy[s] то же Aeg-p 13 : 3.
- אמהות** и. сб. (?) Aeg-c 69 : 11.
- אמין** прочный, устойчивый, постоянный, продолжительный Aeg-n 3 (kywṭy šmyn 'myn продолжительным, или продолжительными, как дни неба).
- אמן** союз S-PnI 11 (w'mn krt by и союз они заключили со мной); ср. Neh. 10 : 1.
- אמן** S-PnII 21 (ybl 'mn). — CGI s. v.: an ever-flowing stream, i. q. Hb. נחל איתן.
- אמן** см. דימנותא.
- אמן** мн. ч. 'mnn мастеровой, ремесленник Aeg-q 6 : 4; 7 : 3, 6. — Ср. Yēr. Bēr. IX, 13a.
- אמם** Aeg-h 9 ('ms bml't'?).
- אמעזר** и. сб. CIS 43A : 1.
- אמוץ** и. сб. RÉŠ 1832 ('mš hspr).
- אמר** мн. ч. 'mry' ягненок S-BGM Ab, 4; Aeg-c A_h 121.
- אמר** сказать; 'mr перф. 3 м. CIS 122 : 3; 138B : 4; RÉŠ 1295 : 3; 1785B : 2; E : 4; S-PnII 21; M-dI 8; Aeg-b 81—1 : 1, 4; Aeg-c 2 : 1; 5 : 1; 6 : 2; 7 : 2; 8 : 1; 9 : 1; 13 : 1; 14 : 1; 15 : 2; 20 : 1, 7; 25 : 2; 26 : 2, 22; 28 : 2; 35 : 2; 37 : 13; 38 : 10; 39 : 4; 49 : 1, 2; 64, № 26; 65, № 3; 69 : 3; 71 : 12;

76:1; 80:7; Aeg-c Aḥ 2, 11, 20, 32, 54, 56, 59, 78, 110, 118, 166; Aeg-c Beh 22*, 27, 37; Aeg-d №№ 6, 8; Aeg-e 1A:4; Aeg-g 66; 90a; Aeg-h 1; Aeg-p 1:2; 2:1; 3:1; 4:1; 5:2; 6:2; 7:1; 8:1; 9:1; 10:1; 11:1; 12:1, 10; Aeg-q 3:2; 4:1, 2; 8:1, 3; 10:1, 4; 12:1, 3; 'mr перф. 3 ж. RĒS 1785E:3; 'mrt то же CIS 141:2; Aeg-c 1:1; 10:2; 68, № 4; Aeg-c Aḥ 119; Aeg-p 5:11; 16, recto, D:2 (?); 'mrt перф. 1 л. RĒS 1295:1; 1801:3 (?); Aeg-b 76—2b:4; Aeg-c 9:5; 16:3, 5; 43:6; 55:5; Aeg-c Aḥ 24, 45, 49; Aeg-c Beh 7, 18; 'mrw перф. мн. ч. 3 л. CIS 138B:2; Aeg-c 26:3, 9; 32:1; 41:4; 80:2; Aeg-c Aḥ 58, 121; Aeg-g 14, recto:2; 'mrn перф. мн. ч. 1 л. Aeg-c 27:10; 40:2; Aeg-p 6:5 (?); y'mr имперф. 3 м. S-Pnl 17, 21, 29, 29; M-dl 10; Aeg-c 15:27; 37:9; Aeg-c Aḥ 194, 207; Aeg-c Beh 53, 53; Aeg-p 2:7; 7:21, 41, 42; Aeg-q 4:2; wy'mr имперф. 3 м. с wāw consecutivum S-Zk 15; y'mrnh имперф. 3 м. с мест. суфф. 3 м. Aeg-c Aḥ 158; t'mr имперф. 3 ж. Aeg-c 15:23; 18:3; Aeg-p 2:9; 7:25; t'mr имперф. 2 м. RĒS 1298B:5; t'mrn имперф. 2 ж. Aeg-o, conv.: 4; 'mr имперф. 1 л. Aeg-c 5:12; 8:20; 9:14; 10:11; 15:31, 33; 47:8; Aeg-c Aḥ 57, 139; Aeg-p 6:15; 10:9, 10; y'mrwn имперф. мн. ч. 3 м. Aeg-c 71:32; 'mr императив S-Pnl 30 (?); Aeg-b 76—2b:1; Aeg-c Aḥ 58; 'mry императив ж. Aeg-e 2:3; 'mrw императив мн. ч. Aeg-c 80:8; 'mr прич. Aeg-c 29:4; Aeg-p 16, recto, E:2; Aeg-q 4:2; 'mrh прич. ж. RĒS 496:1; 'mrn прич. мн. ч. Aeg-c 26:23; 30:4; 31:22; 33:7; 37:6; Aeg-g 17:2; 'mryn то же Aeg-c 30:22; lmmr инф. с l Aeg-c 32:2; lm'mr то же Aeg-c Aḥ 115; l'mr то же (обычная форма) RĒS 492A:3; B:5; M-dl 8, 10, 17; Aeg-c 2:3; 5:3, 12; 6:4; 8:3; 9:3; 10:3; 13:2; 15:3; 16:8; 20:4, 5, 6; 25:4; 28:2; 29:2; 30:7; 35:3; 39:4; 42:5; 44:4; 45:3; 49:1; Aeg-p 1:3; 2:3; 3:3; 4:2; 5:3, 13; 6:3; 7:2; 8:3; 9:2; 10:2; 11:2; 12:3, 12; 14:3. — Itre'el говорить; ut'm[r] Aeg-q Fr II A:20. Cp. Targ. Gen. 10, 9.

- אמר** * слово; 'mryk мн. ч. твои слова Aeg-c Aḥ 102.
- אמרה** слово; повеление; 'mrth с мест. суфф. 3 м. S-PnI 26, 32; мн. ч. 'mrt S-PnI 29.
- אן** (?) куда; wthk lh 'n zy šbyt и она должна уйти куда ей угодно Aeg-c 15:29; wthk [l]h 'n zy šbyt то же Aeg-c 15:25; thk... 'n Aeg-p 7:24. — См. אןה.
- אן** RÉS 492A:2; B:3; 493:6 (?). — Имеет, по видимому, то же значение, что и אן.
- אנא** и. сб. Aeg-q 13:2; на монетах Датама Вав XLII, 27, 28.
- אנאבלט** и. сб. M-k. — Anu-uballit Kephallōn.
- אנאהאתן** и. сб. M-h. — Anu-aḥē-iddin, имя известного из клинописных памятников селевкидского времени профессионального арамейского писца.
- אנבא** * мн. ч. [ʿn]byk твои плоды Aeg-c Aḥ 165.
- אנדבלתי** и. сб. —
- אריבי בר אנדבלתי** M-a 84:2. — LEph III, стр. 13: Andi-Bēlti ist ein Frauennamen und nach Clay = Amti-Bēlti.
- אנדומא** (?) Aeg-c 72:20. — CIS 146B:8: אנוומי.
- אנדי** и. сб. —
- שוכי בר אנדי** Aeg-b 82—15 (Lidzbarski). — Возможно также чтение: אנרי.
- אנדם** (?) Aeg-c 22:133.
- אנה** я CIS 137A:3 (Aeg-m II:3—'ph); RÉS 955:1, 5 ('bd 'nh), 6 (mštrh 'nh); 1785E:3, 7; 1809 ('by[d] 'nh); S-Zk 13, 14; S-BR¹ 1, 20; S-BR²; S-BR⁸ 1, 5 (wšdḳ 'nh); S-Nr² 5 (mḥzh 'nh); M-dl 2, 4; M-e 10, 26 (a-na-'); Aeg-b 68—1:3, 3; 3:5; 76—3b; 78—1a:3; Aeg-c 5:3, 11; 6:5, 7, 8, 12; 7:7; 8:3, 8, 17, 18, 21, 25; 9:3, 5, 14; 13:2, 5, 8, 9, 10, 12, 12; 14:9, 11; 15:3, 4; 20:9; 25:9, 12, 12; 28:5, 8; 29:4; 35:5; 38:9 (šlh 'nh); 40:2; 43:3; 64, № 19; 81:14, 69, 127, 128, 129, 130; Aeg-c Aḥ 17, 25, 40, 46, 52, 57, 66, 204, 205, 207; Aeg-c Beh 21a*, 24, 27, 36, 59; Aeg-d № 2 (rḥm 'nh); Aeg-p 1:9; 2:3, 4, 13; 3:10; 4:2, 4, 5, 9, 9, 12, 13, 14, 14, 18, 19; 5:3; 6:3, 14, 15; 7:3, 4; 8:4, 5, 6; 9:2, 5, 5, 8, 12, 16, 17, 17, 22; 10:7, 9, 16; 11:2, 3, 6, 7; 12:3, 24; 14:3, 4; 16, recto, E:2 ('mr 'nh), 3 (š'l 'nh); Aeg-q 1:2; 3:2, 6; 4:2 ('mr 'nh); 8:5; 11:1; 13:3, 4.
- אנושה** (?) RÉS 1794:24.

- אנושתאבלט и. сб. M-a 51. — Вав. NIN-IB-uballit.
 אנושתאבצר и. сб. M-a 52. — Вав. NIN-IB-abu-ušur.
 אנושתאדן и. сб. M-a 62. — Вав. NIN-IB-iddin.
 אנושתבלט и. сб. —
 אנושתבלט בר משזב M-a 75. — См. אנושתאבלט.
 אנושתבלסאקב и. сб. RÉS 957:1. — Вав. NIN-IB-balassu-iḫbi.
 אנושתבן и. сб. RÉS 957:9. — Вав. NIN-IB-bāni.
 אנושתוצר и. сб. RÉS 957:6. — Вав. NIN-IB-ušur.
 אנושתלי и. сб. RÉS 957:2. — Вав. NIN-IB-ili.
 אנחנה мы Aeg-c 2:9, 11, 15; 20:9, 10, 12; 26:3, 8;
 27:1, 1, 10, 10, 12, 20, 22; 28:2, 9, 11;
 30:15, 20, 26; 31:14, 19; 37:7; Aeg-c Aḥ
 61, 121; Aeg-g 4 bis:3; Aeg-p 12:12.
 אנחנן то же Aeg-c 1:2, 5; Aeg-d № 11; Aeg-p 3:3,
 5, 7, 10, 12, 13, 15, 20, 21; 5:11, 13, 14.
 אנך я S-KI¹ 1, 4, 8, 9, 10, 13; S-PnI 1.
 אנכי то же S-PnII 19.
 אנן и. сб. S-Hm XXXIX, 3; Aeg-b 75—2:15.
 אנן בר אליש Aeg-g 110 bis:1.
 אנס Hafel похищать, грабить; thns имперф. 2 м.
 S-Nr¹ 6; S-Nr² 8; thnsny имперф. 2 м. с мест.
 суфф. 1 л. S-Nr² 9 (mn 't t'šḳ wthnsny кто бы
 ни был ты, который сделаешь насилие и
 ограбишь меня).
 אנפא * мн. ч. 'nруп лицо; поверхность Aeg-c Aḥ
 134 (?); 'nру (st. constr.) CIS 113:14 ('lhy tym'
 ynšwhwy wzr'h wšmh mn 'nру tym' боги Геймы
 истребят его и семья его, и имя его с лица Геймы);
 Aeg-c 15:19 (wkl zy 'yty lh 'l'nру 'r" и все,
 что у него есть на земле); Aeg-c Aḥ 14, 101;
 с мест. суфф.: 3 м. Aeg-c Aḥ 133, 201
 (b'nрwwhy в его глазах), 202; 2 м. Aeg-p 13:4
 (... 'nрук bšlm); 1 л. 'nру Aeg-o, conv.:4;
 мн. ч. 1 л. 'nруп Aeg-c 37:8, 9. — См. еще
 אפא.
 אנרр и. сб., Инар Aeg-q 5:7.
 אנש, אנשא человек; люди; кто-нибудь; никто; 'nš CIS 17:2;
 113:20; S-PnII 23; Aeg-c 28:8, 10; Aeg-d
 №№ 3, 4 (... kl 'n[š] yhwytmh...); Aeg-p 8:5
 ('nh wbr wbrh ly w'yš ly w'nš 'hrn l' šlytn
 ни я, ни сын мой, ни дочь моя, ни человек
 мой, ни другой человек не имеем права), 8;
 A-PD 2; мн. ч. 'nšy S-PnI 30. — 'nš' Aeg-c Aḥ
 116 (h' kn 'nš' l' yd' 'yš вот так человек

- не знает людей), 122, 151, 162, 167, 190.
- אנת** ты (м.) Aeg-c 2:16, 17; 5:11, 14; 6:4, 13, 15; 9:6, 10, 11, 12; 10:8, 16; 20:8, 11; 25:8; 26:22; 28:3, 6; 42:11; 44:5; 47:8; 66, № 4; Aeg-c Aḥ 34, 51, 53, 68, 101, 127, 129, 149, 166; Aeg-c Beh 50, 52; Aeg-p 2:14; 3:11; 11:10; 12:17, 22; Aeg-q 1:3; 3:7; 12:3, 9; 13:3, 4. — См. **אנת**.
- אנת** ты (ж.) RÉS 1785E:5, 6; Aeg-p 6:8; 9:14.
- אנתי** ты (ж.) RÉS 496:1; Aeg-c 8:9, 11, 12, 26; 14:7; Aeg-o, conv.: 4; Aeg-p 5:8, 10; 9:11, 13, 15, 20; 10:8, 11, 14.
- אנתם** вы RÉS 1798 (=238)B:3; Aeg-c 21:4; 38:5, 6, 8, 8; 80:8; Aeg-q 6:2; 7:5, 5; 8:5; 10:4.
- אנתה** женщина; жена Aeg-c 8:10; 15:32, 33; 25:10, 11, 12, 13, 14; Aeg-c Aḥ 219; Aeg-k № 175:5; Aeg-p 7:36; 'ntt' то же RÉS 1801 (=493):3; Aeg-c 7:9; 'ntt то же Aeg-p 7:22, 25 (l' 'hwh lk 'ntt я не буду тебе женой); 'ntt (st. constr.) RÉS 1300:5; 1785E:3 ('ntt zy byl mlk'), 8 ('ntt lby); 1794:8; Aeg-c 63:2; 'ntty моя жена Aeg-c 7:5; 15:4, 27; Aeg-p 2:3, 7; 6:3; 7:4, 21; 12:24; 'nttk твоя жена Aeg-c 6:4; 9:4, 6; 'nth его жена RÉS 1785E:2 (w'nth zy byl); Aeg-c 15:18; 46:9, 11; 68, № 12; Aeg-f 2; Aeg-p 4:2, 25; 7:29, 38; 12:2, 11, 33, 35. — См. **אנתה, אנתה**.
- אנתו** брак; замужество Aeg-c 14:4 (spr 'ntw брачный контракт); l'ntw в жены, замуж; lmntn l'ntw выдать замуж Aeg-c 15:3; Aeg-p 2:3; lmlkḥ l'ntw брать замуж Aeg-c 48:3; Aeg-p 7:3, 37; 12:25; 'ntwtky (с мест. суфф. 2 л.) Aeg-c 35:5; Aeg-p 10:10; 'nttky то же Aeg-p 10:7; 'ntwth (с мест. суфф. 3 л.) Aeg-c 12:18.
- אם** Исида Aeg-g 110 bis:2. — См. **'אם**.
- אסודת** и. сб. —
- אסודת ברי יהנתן** Aeg-c 2:21. — Другие возможные чтения этого имени: **אסודת, אסודת**.
- אסודים** (?) и. сб. Aeg-c 66, № 12.
- אסורי** и. сб. ж. —
- אסורי ברת נמ[רי]ה** Aeg-c 43:2.
- אסוז** I-T 4. — *osozuš*; Ehrentitel „Stadtfreund“ (Andreas).

אסחור	и. сб. —
אסחור בר צחא	Aeg-c 15:2, 17, 19, 21, 21, 23, 24, 26, 30; 20:3, 6, 8, 20.
אסדונום	и. сб. CIS 155A:2.
אסטום	и. сб. CIS 155A:3.
אסי	Исида CIS 135; Aeg-c 72:16. — См. אס.
אסי	и. сб. M-dII 6:3.
אסיר*	мн. ч. 'syrn заключенный, задержанный, плененный, пленный, пленник Aeg-c 34:3; 64, № 29.
אסיריא	Ir-TS 1:3; 2:2.
אסכישו	и. сб. —
כיא בר אסכישו	Aeg-c 2:19.
אסכשית	и. сб. —
חור בר אסכשית	Aeg-c 53:7.
אסמדוף	и. сб. Aeg-q 5:4. — Возможно также чтение: אסמרוף.
אסמן	и. сб. CIS 138A:1.
אסמשד	и. сб. —
בנדנת (בר) אסמשד	Aeg-c 3:24.
אסמת	и. сб. CIS 155A:1; B:1.
אסנב	2/3 мины S-PnII 6. — См. סנב. Возможно, шумерское sinibu.
אסנין	вид фиников M-a 92. — В вав. тексте as-ni-e. F. Delitzsch (Zeitschrift für Assyriologie, XII, 1897, стр. 408): Dattel von Dilmun (Tilmun).
אספמט.ני	и. сб. CIS 155B:6.
אספמט	и. сб. Aeg-c 4:7. Возможно также: Aeg-c 2:2, 22; 3:3; 44:5. — אספמט это, по-видимому, арамейская транскрипция египетского Ns-p!-md. В асс. передаче: Išpimātu, в греч. Ἰεσπμῆτις.
אספמת	то же и. сб. —
אספמת בר פפטעונית	Aeg-c 6:10; 8:7.
אספמת... ברת אספמת	Aeg-g 98.
אספרן	полностью, сполна; точно, в полном соответствии CIS 108; Aeg-q 10:4. — См. ср.-перс. usprn.
אכר	связывать; заключать под стражу, арестовать M-e 5, 8 (a-si-ir one who ties [the tongue]. Gordon); 'srny перф. 3 м. с мест. суфф. 1 л. Aeg-c 38:3; 'srwhy перф. мн. ч. 3 л. с мест. суфф. 3 м. Aeg-c 69:4. — См. еще אסיר. — Itr'e'el подвергаться обузданию, ограничениям; ytsr имперф. 3 м. Aeg-c Aḥ 80.

- אכרוך (?) и. сб. —
 אסרוך בר פלשו Aeg-c 13 : 15.
 אסרונפר и. сб. —
 אסרונפר בר אפט .. CIS 155B : 5.
 אסרחאדן и. сб., Асархаддон Aeg-c Aḥ 5, 10, 11 ('srh'dn mlk 'twr Асархаддон, царь Ассирии), 13, 14, 32, 47, 53, 60, 64, 65, 75, 78.
 אסרחם и. сб. CIS 43 : 2. — Ašur-rāḥim (?).
 אסרי Осирис RÉS 608 (= CIS 127); 1364 (= CIS 126); 1366 (= CIS 128); 1370 (= CIS 132). — См. אורסי.
 אסרמלך и. сб. —
 אסרמלך בר פמואסי CIS 155B : 4.
 אסרסלמח и. сб. M-II 1 : 2; 3 : 2. — Ašur-šallim-aḥē.
 אסרסרצר и. сб. CIS 50. — Ašur-šar-ušsur.
 אסרשות и. сб. Aeg-c 34 : 3.
 אסתודנה [א] гробница CIS 109.
 אסתח и. сб. Aeg-c 22 : 81.
 אעסקי и. сб. CIS 43B : 5.
 אף также, тоже, и CIS 139A : 3; RÉS 1792B : 8; 1808; Aeg-b 76—2a : 2, 5; 2b : 1; 78—1b : 3; Aeg-c 4 : 2, 3; 6 : 7; 8 : 18, 23; 10 : 19; 13 : 11, 13; 17 : 3; 20 : 6; 25 : 10; 27 ; 10; 28 ; 12; 30 : 9, 17, 19, 21, 29, 30; 31 : 16, 17; 37 : 5; 47 : 8; 54 : 7; 69 : 12; 80 : 6; Aeg-c Aḥ 19, 51, 83, 95, 104, 105, 107; Aeg-c Beh 54; Aeg-e 1—A : 3; B : 1; Aeg-g 90b; Aeg-m № 16, conc. : 5; Aeg-p 4 : 13, 18; 7 : 36, 37, 39, 40; 9 : 13, 14, 15, 17, 21; 10 : 11, 15; 12 : 26, 26, 31; Aeg-q 5 : 2; 7 : 2, 4, 5, 6; 11 : 4, 4; 12 : 5, 8; 13 : 2; Fr II A : 4; I-T 11. — См. אפם, אפו.
 אפא* мн. ч. 'руп лицо; 'руh (с мест. суфф. 3 м.) S-BGM Ab, 23; 'руку (с мест. суфф. 2 ж.) Aeg-o, conv. : 5.
 אפדיע Aeg-q 9 : 3.
 אפה (?) варить Aeg-m II A : 3 (не אנה я, как CIS 137A : 3).
 אפו также, тоже Aeg-c Aḥ 52, 140. — См. אפם, אף. — Может быть, אף + местоимение 3 л. (?).
 אפוחם Aeg-p 13 : 2.
 אפולי и. сб. —
 אפולי בר מסדי Aeg-p 3 : 4, 21.
 אפوشي и. сб. —
 ושונש בר אפوشي RÉS 955 : 2.
 אפט См. אפע.

- ...אפט и. сб. —
- .. אסרונפר בר אפט CIS 155B : 5.
- אפיא M-dI 20, 20. — Leute von Upi, Opis?
- אפית'י немедленно, безотлагательно Aeg-c 26 : 9. — См. асс.-вав. ippitti, appitti.
- אפך Pa'el (?) уничтожать; y'pk имперф. 3 м. Aeg-c Aḥ 156 (y'pk 'l pm 'pk').
- אפנא коварство, лукавство, ложь Aeg-c Aḥ 156. — Ср. Prov. 8 : 13; 10 : 30, 31; 16 : 28; 17 : 20.
- אפלדר и. сб. M-dII 5 : 6, 7. — Apil-dūri.
- אפלה и. сб. M-dII 4 : 2. — Aplā, Aplē.
- ...אפלו и. сб. RÉS 799 : 2. — Ἀπολλων...
- אפלנים и. сб. Aeg-c 81 : 64. — Apollonius.
- אפלת (?) 'plt hmw Aeg-c 13 : 4. — Может быть, следует читать: אכלת, перф. 1 л. глагола אכל.
- אפם также, тоже, и Aeg-c 5 : 8, 11; 6 : 15; 8 : 15, 22; 20 : 15; 25 : 16; 42 : 8; Aeg-p 4 : 16, 22; 8 : 8. — См. אפן, אפן.
- אפנא Aeg-c 81 : 15 (slk l'pn'), 60 ('rb'y' b'pn').
- אפסי Aeg-c 26 : 12 ('psy tḥt ḥl' ḥmšh).
- אפסתבר и. сб. Aeg-q 6 : 1.
- אפע и. сб. —
- אשמכדרי בר אפע Aeg-c 53 : 6. — Возможно также чтение: אפט.
- אפף Эпифи, название месяца Aeg-c 1 : 1; 15 : 1; 63, № 15; Aeg-g 8, recto : 1; Aeg-p 4 : 1; 7 : 1; 13 : 3, 8. — См. תשרי.
- אפק название местности Aeg-n 4.
- אפקנרביל и. сб. M-dI 10, 11, 11. — Upāk-ana-Arbail.
- אפש S-Zk^b 11. — LEph III, стр. 9: אפש kombiniere ich mit dem assyrischen *apsū* und vermute darin die Bedeutung „Cisterne“.
- אפששי (Артемиды) из Эфеса ('Ἐφεσος) L-S 7. — P. Kahle und F. Sommer: der Ephesier; ср. Деяния апостольские 19 : 28, 34 — Ἀρτεμιδος Ἐφεσίων.
- אפתו имя божества Aeg-c 72 : 15 ('ptw 'lh' rb').
- אצול и. сб. Aeg-p 7 : 44.
- [אציל] (?) знатный Aeg-c Aḥ 143.
- אצר сокровищница S-PnII 7. — См. אוצרא.
- ...אק и. сб. M-a 3 (= CIS 25).
- אקשי и. сб. M-a 81 : 2. — Iḳišai, Iḳiša-aplu.
- אך название дерева Aeg-c 26 : 10. — Ср. вав. eru, вид кедра (Ungand).
- ארא Aeg-b 76—4 : 3.
- ארב коварство, козни Aeg-c Aḥ 99, 99.

- ארבה саранча S-BGM Ab, 8.
 ארבל название местности Aeg-q 6:1.
 ארבלסר и. сб. ж. CIS 22. — В асс. тексте: Arbail-aširat.
 ... ארבבלр и. сб. CIS 41:2.
 ארבעה четыре Aeg-c 10:4; 29:5,6; 'rb'm'h 'šrn wḥmšh четыреста двадцать пять Aeg-c 26:16.
 ארבעיא сорок Aeg-c 81:60.
 ... ארדא и. сб. M-a 14:2 (= CIS 17). — В асс. тексте: Arad-Ištar.
 ארדב мн. ч. 'rdbn мера сыпучих тел Aeg-c 2:4, 4, 5, 7, 8; 3:5, 8; 33:14.
 ארדכל, ארדיכל архитектор, строитель Aeg-c 14:2; 15:2 ('rdkl zy mlk' царский архитектор).
 [ארדנרגל] и. сб. M-a 60. — Arad-Nergal.
 ארה (?) смотри, вот M-dl 19. — Ср. ארו Dan 7:2, 5, 6, 7, 13.
 ארוסתמר и. сб. —
 אריישא בר ארוסתמר Aeg-c 6:21.
 ארו. ארוזא кедр, кедровый Aeg-c 26:10, 13, 14, 17; 30:11; 31:10; Aeg-c Aḥ 175.
 ארוזא M-a 107.
 ארוזחן название местности Aeg-q 6:1. — Til-Arzu-ḥina(?).
 ארוזפי и. сб. —
 ארתים בר ארוזפי CIS 109.
 ארה. ארהא пути (?) Aeg-c Aḥ 80, 196.
 ארח путь, дорога S-PnII 18; Aeg-c 25:6 ('rh mlk' царская дорога; см. šwḵ mlk'; ср. Num. 20:17); 'rḥh (с мест. суфф. 3 м.) Aeg-c Aḥ 187.
 אריא лев Aeg-c Aḥ 88, 110, 110.
 אריה то же Aeg-c Aḥ 89, 117.
 אריבי и. сб. —
 אריבי בר אנדבלתי M-a 84:2.
 אריה и. сб. Aeg-e 2:3. — См. אוריה.
 אריות и. сб., Ариарф, на его монетах Bab LXXXIII, 58.
 אריישא и. сб. —
 אריישא בר ארוסתמר Aeg-c 6:21.
 ארימלך и. сб. Aeg-b 84—6.
 ארירמן и. сб. RÉS 954:1—2, 4.
 ארך Эрах, Урук (теперь Варка) M-dl 3.
 ארך быть долгим; y'rkwп имперф. мн. ч. 3 л. Aeg-c Beh 58 (wywmyk y'rkwп и твои дни

- будут долгими); 'rykn прич. страд., мн. ч. Aeg-c 30:3 (whyn 'rykn yntn lk и пусть дарует тебе долголетие); 31:3. — Hafel делать долгим, продлить; h'rk перф. 3 м. S-Nr² 3 (šmny šm t̄b wh'rk uwmu он дал мне доброе имя и продлил мои дни).
- אָרָךְ** долгота, продолжительность S-Kl² 7 (ytn lh rkb'l 'rk hy пусть дарует ему Рекубэл долгоденствие; ср. Deut. 30:20; Ps. 21:5; 23:6; Thr. 5:20).
- אָרָךְ** длина Aeg-c 15:8, 9, 11; 63:11; Aeg-p 7:11, 12; 12:7, 15; 'rkh (с мест. суфф. 3 м.) Aeg-c 8:4.
- אָרְכָא** то же; b'rk' в длину Aeg-c 26:18, 19, 19, 20.
- אָרַם** Арам S-BH 3 (Brhdd br T̄brmn br H̄zyn mlk 'rm Бархадад, сын Тавримона, сын Хезиона, царь Арама); S-Ḳk 4 (Brhdd br H̄z'l mlk 'rm Бархадад, сын Хазаэля, царь Арама); S-BGM Aa, 5 ('rm klh весь Арам), 6 (wkl 'ly 'rm wth̄th и весь верхний и нижний Арам).
- אָרַמִּי** арамей (как обозначение языковое, а не этническое) Aeg-c 5:2, 2; 7:2; 13:2, 3; 15, 2; 25:2; 29:1, 2; 35:2; 45:2; 67, №№ 3, 4; Aeg-p 2:2; 7:2; 8:2, 3; 11:2; 12:2; 14:2; 'rmyн мн. ч. Aeg-c 28:2; 65, № 5 (?) 'rmy' то же Aeg-c 14:3; 'rmyt по-арамейски Aeg-c 28:4, 6.
- אָרַמִּים** и. сб. Aeg-c 81:107.
- אָרְמְלָה** вдова, вдовы Aeg-c 30:20 (nšy' zyln k'rmlh 'bydyn жены наши стали подобны вдовам; ср. Targ. Deut. 24:17, 19, 20, 21).
- אָרַמְפִּי** и. сб. Aeg-q 4:1*, 1, 1.
- אָרְנָא*** мн. ч. 'rnn саркофаг CIS 111:5.
- אָרְנַב** заяц S-BGM Ab, 14.
- אָרְסִין** и. сб. Aeg-c 81:4, 5.
- אָרַע** земля Aeg-p 3:5 (wtrbšh 'r' hy wl' bnyh).
- אָרְעָא** земля; низ Aeg-c 5:5 (mn 'r" w'd 'l' снизу доверху); 6:16 ('ldbr 'r" zk по поводу этой земли); 15:19 ('l 'npy 'r" на земле, на поверхности земли); 30:9 (ndšwhy 'd 'r" они раворили его до основания); 31:8; 68, № 11.
- אָרְפַּד** Арпад S-BGM Aa, 3 (mlk 'rpd царь Арпада), 4 (b'ly 'rpd жители Арпада), 4; Ab 7, 11, 13.
- אָרְפַּחוּ** название воинского подразделения в гарнизоне крепости Элефантины Aeg-p 5:2.

- ארצתא** гробница S-Nr¹ 7, 12; с мест. суфф.: 3 м. 'rṣth S-Nr¹ 4; 1 л. 'rṣty S-Nr² 8.
- ארק, ארקא** земля; страна CIS 1, 2, 3, 4 (bzy 'rḳ' в стандарте страны; в весе, принятом в стране), 7 (snb 'rḳ'), 11 (rb' 'rḳ'), 28; RÉS 1785B:3, 5; S-Zk^b 26 (w[ʿlh]y 'rḳ и боги земли); S-Pnl 5 ('rḳ š'ry страна ячменя), 6 ('rḳ ḥty страна пшеницы), 7 (y'bdw 'rḳ они возделывают землю); S-BGM Ab, 7 (b'rḳ wbsmyn на земле и на небе); S-PnII 5, 7 ('rḳ y'dy страна Сам'ал), 14 (rb't 'rḳ четыре части земли); S-BR¹ 4 (mr' rb'y 'rḳ' господин четырех частей земли; см. титул Тиглатпилесера и других царей: šar kib-rat irbit-ti, šar kib-rat arba'-i); S-BR^s 2; M-a 31 (= CIS 35), 69, 70, 83, 84 (s't 'rḳ' Landpachtabgabe, LEph III, стр. 13—15); Aeg-c 6:5, 6, 7, 7, 12, 13, 14, 15; 8:3, 8, 11, 12, 16, 19, 24; 9:3, 5, 8 ('rḳ' zk tbnh ты эту землю застроишь), 14; Aeg-c Aḥ 108; Aeg-n 2 (šmy' w'rḳ' небо и земля); 'rḳh (с мест. суфф. 3 м.) S-BGM Ab, 9; 'rḳt мн. ч. st. constr. (LEph II, стр. 206) M-a 77; 'rḳy' мн. ч. CIS 34:4; 'rḳt' мн. ч. Aeg-q 12:6 (w'bw'r 'rḳt' и плоды земель; Драйвер считает это слово ед. ч., производя его от асс.-вав. irṣitu). S-Pnl 13.
- ארקו** S-Pnl 13.
- איקרשף** имя божества S-Pnl 11.
- אררט** Уарту Aeg-c Beh 2, 8.
- ארשד** название местности Aeg-c Beh 46.
- ארשמ** Аршам, персидский сатрап Египта при Артаксерксе I и Дарии II Aeg-c 17:5; 21:3; 26:1, 22, 27; 27:2; 30:4, 30; 31:4, 29; 32:3; 37:5, 8, 9, 14; Aeg-q 1:1*, 1; 2:1*, 1; 3:1*, 1, 6; 4:1*, 1, 2; 5:1*, 1; 6:1; 7:1*, 1; 8:1*, 1, 3; 9:1*, 1; 10:1*, 1, 4; 11, 1; 12:1, 4; 13, 2; Fr II A:15.
- ארתבנו** и. сб.; название воинского подразделения в гарнизоне крепости Элефантины Aeg-c 6:3; 51:6.
- ארדת** и. сб.—
- פרשנדת בר ארתדת** CIS 100.
- ארדהנת** и. сб. Aeg-q 5:1*, 1.—См. ארתונת.
- ארתדם** см. אימסארתדם.

- ארתוהי** и. сб. Aeg-q 8:6; 9:3; 10:5 ('rtwhy yd' t'm znh Артохай осведомлен об этом распоряжении; ср. Ezra 4:8).
ארתונת и. сб. Aeg-q 1:1*, 1; 2:1; 3:1, 5. — См. **ארתהנת**.
ארתורוי и. сб. Aeg-c Beh 25, 26, 31.
ארתי и. сб. Aeg-q 7:10; 13:1*, 1.
ארתיש Артаксеркс Aeg-p 2:1. — См. **ארתישש**.
ארתישסי ARM-S A:1; B:1 ('rthšsy mlk br zy zrytr Артаксий царь, сын Зариатра). Ср. **ארתישש**.
ארתישש Артаксеркс RÉS 438:4; 1810:4; Aeg-c 6:2; 7:1; 8:1; 9:1; 10:1; 13:1; 14:1; 17:7; Aeg-p 1:1; 3:1; 4:1; 5:1; 9:1; 10:1; 11:1; 12:1, 10; L-S 1.
ארתיים и. сб. —
ארתיים בר ארזפי CIS 109.
ארתימו Артемида L-S 7 ('rtmw zy klw w'pššy Артемида колоийская и эфесская; в лидийском тексте: artimus ibsimsis artimuk kulumsis). — См. **אפשי**.
ארתיפרן и. сб. —
פרתיפרן בר ארתיפרן Aeg-c 5:17; 7:3 (?).
אש см. **איש**.
אש относительное местоимение S-KL¹ 4 (m's p'lt то, что я сделал), 14, 15, 16.
אש огонь S-KI¹ 6, 7 (?); S-BGM Ab, 16, 18. — См. **אשה**.
אשב M-a 37.
אשר проливать (кровь); y'sd (имперф. 3 м.) Aeg-c Aḥ 89. — Iṭre'el проливаться, быть пролитым M-e 9 (it-ta-ši-da-at перф. 3 ж.). См. Targ. Onk.; Num. 35:33; Deut. 32:14.
אשרדוקאל и. сб. M-a 10 (=CIS 23). — В асс. тексте: Ištar-dur-ka-a-li.
אשה огонь M-dI 17 ('šh 'klthm огонь сжег их); M-e 21, 24, 32 (iš-ša-'); Aeg-c 30:12 (w'ḥrn zy tmh hwh kl' b'sh šrpw и все остальное, что там было, они огнем сожгли); Aeg-c Aḥ 103, 104, 222; 'št' то же RÉS 1785A:3; Aeg-c 31:11 (b'st' šrpw они огнем сожгли). — См. **אש**.
אשה* женщина, жена; 'št (st. constr.) CIS 15. — См. **ארתהאנתה**. — См. **נשן**.
אשה и. сб. —
חרמשזב בר אשה Aeg-g 104: a, b, c.
אשולכרתי и. сб. ж. RÉS 955:4.

- אשור** Ассирия; Ассур S-PnII 7, 11, 12, 13, 15, 16, 17 (mlk 'šwr царь Ассирии); S-BR¹ 9 (mlk 'šwr царь Ассирии); S-BR⁴; S-BR⁸ 9; M-dI 11, 16, 17, 18.
- אשר** то же S-KI¹ 8 (mlk 'šr царь Ассирии).
- אשדוד** и. сб. Aeg-c 51:14. — Перс. Ašjadāta (Ungnad).
- אשין** и. сб. RÉS 1295:2; Aeg-c 65, № 5.
- אשירא** имя божества CIS 113:16.
- אשל** мн. ч. 'šln мера площади CIS 150:5, 7 (= Aeg-c 75); Aeg-b 75—2: 5, 6, 8, 11, 12, 16; Aeg-h 3. — В асс.-вав. клинописи ašlu обозначает меру длины, равную приблизительно 60 м.
- אשם** имя RÉS 1786:10 (?); S-PnI 16, 21.
- אשמתאל** имя божества Aeg-c 22:124.
- אשמזנד** и. сб. —
- אשמזנד בר שוין** Aeg-p 8:12.
- אשמכרדי** и. сб. —
- אשמכרדי בר אפע** Aeg-c 53:6.
- אשמרם** и. сб. —
- אשמרם בר אשמשוב** Aeg-p 8:11; 11:12.
- אשמרם בר נכונד ...** Aeg-c 53:9.
- ביתאלזנד בר אשמרם** Aeg-g 110:a, b.
- שודרם בר אשמרם** Aeg-p 11:12.
- אשמשוב** и. сб. —
- אשמרם בר אשמשוב** Aeg-p 8:11; 11:12.
- אשפטד** и. сб. Aeg-b 82—11.
- אשר** место; след.; письмо, надпись S-Zk^b 15, 16; с мест. суфф.: 3 м. 'šrh S-Zk^b 21; S-Nr¹ 8 — mn 'šrh с его места; b'šrh — на его место, на его месте S-BGM Aa, 5; 2 м. 'šrk S-Nr¹ 10.
- אשר** (?) S-PnII 18 (wh'br 'by mn dmšk l'šr); S-PnI 27(yršy šht b'šr ḥd 'yḥyh 'w b'šr ḥd mwddyh 'w b'šr ḥdh 'yḥt[h]), 32 (šht b'šrh); Aeg-b 75—2: 9, 10 (dḥn' zy lh 'š[r]).
- אשרן, אשרנא** материал для отделки, обшивки; отделка, обшивка Aeg-c 26:5, 9, 21; 27:18; 30:11; Aeg-p 3:23 (wkl 'šrn zy yḥkn 'l byt' zk). — Ср. Ezra 5:3, 9.
- אשרתב** и. сб. CIS 36.
- אשתלא** кафтан RÉS 1300:9. — См. греч. στολή (LEph III, стр. 24).
- אשתמחא** M-a 62. — LEph II, стр. 204: **אשרקא, אשרקא, אשרדא, אשרהא.**

- אָט** ты RÉS 956:2; S-PnI 33; S-Nr¹ 5; S-Nr² 8; M-dI 2, 19, 21. — См. אָט.
- אָט** (вместо обычного אָט) есть Aeg-c 49:2 ('t ly 'lyk мне следует от тебя). — См. אָט, אָט.
- אָט** CIS 65:2 ('t byt' = асс. idi bīti наемная плата за дом).
- אָט** и. сб. Aeg-g 11, recto:4.
- אָט** приходит, прибывать, являться; 'th перф. 3 м. RÉS 1298B:5; 1372A; S-BR⁴; Aeg-b 80—6b:3; Aeg-c 37:11; 82:3; 'tyt перф. 1 л. M-dI 7; Aeg-c 5:3 ('nh 'tyt 'lyk я пришел к тебе); 15:3 ('nh 'tyt bytk я пришел в твой дом); Aeg-p 2:3 ('nh 'tyt 'lyk); 7:3 ('nh 'tyt 'l bytk); 11:2 ('nh 'tyt 'lyk bbytk); 14:3 ('nh 'tyt 'lyk bbytk); 'tw перф. мн. ч. 3 л. RÉS 1367:4; 1372B:3; Aeg-c 30:8; Aeg-n 4; Aeg-q 1:3; 'th прич. Aeg-q 3:2 (?); 'tyn прич. мн. ч. Aeg-c 38:5; y'th имперф. 3 м. M-dI 11; Aeg-c 41:3; 82:11 (zy bhn y'th которых он приведет, доставит); Aeg-c Aḥ 210 (zy y'th mn 'hrwhy что случится после этого), 214; Aeg-k № 175, conv.: 1; Aeg-q 10:5; 11:5; y'ty то же Aeg-q 10:4*; t'th имперф. 3 ж. RES 1793:3, 9—10; Aeg-c Aḥ 97; t'th имперф. 2 м. Aeg-q 12:7; y'tw имперф. мн. ч. 3 м. Aeg-q 1:3; 'th императив Aeg-b 76—1a:6; 'ty императив ж. Aeg-c Aḥ 118. — Haf'el приводить, приносить, доставлять; hytu перф. 3 м. Aeg-c 24:36, 48; Aeg-q 9:1; 13:3; hytt перф. 1 л. RÉS 492A:5; hytw перф. мн. ч. 3 м. Aeg-q 12:4; yhyth имперф. 3 м. Aeg-c 26:13; Aeg-q 10:3, 5; 11:3; yhytwn имперф. мн. ч. 3 м. Aeg-p 13:3; yhytw то же Aeg-q 9:3; mhyth прич. Aeg-p 17:2; Aeg-q 10:4; 11:2; mhytyn прич. мн. ч. Aeg-q 10:2; 11:2; hytyh инф. Aeg-c 27:14 (lhytyh); Aeg-q 10:5 (lhytyh).
- אָטור** Ассирия Aeg-c Aḥ 3, 4, 5, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 20, 32, 37, 43, 55, 55, 61. — См. אָטור.
- אָטִיכָא** Ir-TS 1:3.
- אָטִיכָא** Ir-TS 2:2.
- אָטנָא** ослица Aeg-c 44:4; Aeg-c Aḥ 91.
- אָטעדרי** и. сб. Aeg-c 2:20.
- אָטר** (?) CIS 69.
- אָטר, אָטרָא** место RÉS 955:6; Aeg-c 13:19; 17:2; 71:20;

Aeg-c Aḥ 34, 97; Aeg-q 6:6; 7:2, 4, 6, 9;
'trh (с мест. суфф. 3 м.) Aeg-c 6:2; 32:8.

אתרוודן Aeg-c 27:17.

אתרוופן название воинского подразделения в гарнизоне крепости Элефантины Aeg-c 6:9.

אתרלי и. сб.—

חיה בר אתרלי Aeg-p 3:23.

שתברזן בר אתרלי Aeg-c 5:16.

בר אתרלי... Aeg-c 13:18.

אתרפון и. сб. Aeg-c 66, № 7. — См. אתרוופן. — E. Sachau и A. Cowley читают неточно: אתרפרת.

אתרפון בר ניסי מדי Aeg-p 5:16.

אתרתא L-S 3. — E. Littmann : couches (?); M. Lidzbarski: Örtchen; P. Kahle und F. Sommer : Grundstück (?).

אתתא * жена; st. constr. 'tt Aeg-c 34:3, 3, 3; Aeg-j 113:2. — Ср. Targ. Gen. 16, 1. — См. אנתה, אשה.

РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРАБСКОЙ МЕДИЦИНЕ

(О книге: **Abdul-Karim Chéladé, Ibn-abn-Nafis et la découverte de la circulation pulmonaire. Institut français de Damas. Damas, 1955, 54 + XIX стр.**)

Общезвестен огромный вклад арабов в развитие средневековой медицинской науки. Восприняв в этой, как и во многих других областях науки, научное наследие покоренных народов, арабские ученые сумели самостоятельно его развить и достигнуть [значительных по своему времени успехов. Книга Абд-ул-Керима Шехаде „Ибн-ан-Нафис и открытие легочного круга кровообращения“ посвящена исследованию жизни и деятельности одного из арабских врачей, которому удалось существенно продвинуть развитие медицинской науки. Книга содержит предворяющее введение декана медицинского факультета Парижского университета Леона Бине, посвящение автора тому же Бине, предисловие, введение, три главы изложения, библиографию на языках европейских (19 названий) и на арабском (17 названий), список привлеченных арабских рукописей из собрания Парижской национальной библиотеки. В книге имеется факсимиле отрывков из рукописей Ибн-ан-Нафиса (12 листов) и анонимной медицинской рукописи, в которую были включены труды Ибн-ан-Нафиса из того же собрания.

Автор, объяснив в предисловии, каким образом у него возник интерес к теме, во введении формулирует основной тезис своего исследования. По его мнению, приоритет открытия малого круга кровообращения принадлежит арабскому врачу XIII в. Ибн-ан-Нафису, который описал его на три века раньше В. Гарвея и врачей итальянской школы. Цель автора — доказать это, хотя он и замечает, что не желает приуменьшить заслуги В. Гарвея и итальянских врачей, а стремится только воздать „кесарю кесарево“.

Автор в первой главе — „Исторический очерк медицины у арабов“, — несмотря на исключительную краткость изложения (17 стр.), ярко и образно показывает возникновение и развитие средневековой арабской медицины на фоне общего упадка культуры на Западе. Четко и ясно

обрисована колоссальная работа арабских ученых VIII—IX вв., благодаря которой арабская наука обогатилась суммой знаний, накопленных народами, попавшими под власть арабского халифата.

Примеры автора, освещающие постановку врачебного дела в халифате, рисуют картину расцвета арабской медицины. Они настолько интересны и красочны, что мы приводим один из них. Госпиталь Адудийе, основанный в Багдаде Адудом-ад-Давля, имел две половины — для мужчин и для женщин. Каждая половина делилась на несколько отделений. Существовали отделения для больных малярией, хирургическое, глазное и др.

Обслуживающий персонал госпиталя состоял из опытных санитаров и санитарок. Каждый больной, прежде чем быть принятым в госпиталь, проходил осмотр. Если его болезнь была легкой, ему только прописывали курс лечения и великодушно снабжали лекарствами из госпитальной аптеки. Если же болезнь была тяжелой, больного помещали в госпиталь независимо от его общественного положения, пола, возраста, цвета кожи и религии. Всех больных регистрировали, мыли в бане, давали чистую одежду и переводили в одно из отделений под присмотр лечащего врача. Врач посещал больных каждый день и записывал свои наблюдения. Лечащие врачи и врач — руководитель госпиталя часто собирались у постели больного для обмена мнениями по поводу его болезни.

Начиная с XI в. и позже в развитии арабской средневековой медицины замечается упадок. Разрушительные вторжения тюрков, монголов, крестоносцев повлияли и на эту область науки. Арабская медицина постепенно теряет свое доминирующее значение. Центры арабской науки и культуры перемещаются на Запад — из Ирана в Сирию и, особенно, в Египет. Арабские медицинские сочинения начинают проникать в Европу.

Основной своей теме — творчеству Ибн-ан-Нафиса и его открытию — Абд-ул-Керим Шехаде уделяет две главы. Одна из них (вторая) посвящена биографическим сведениям об Ибн-ан-Нафисе. Для этой цели автор привлек сочинение Ибн-Абу-Усайбийи об арабских медиках „Уйун-ал-анба' фи табакат ал-атибба“ и труды других авторов. Читатель узнает, что этот арабский врач родился в 607 г. хиджры — 1210 г. н. э., в Дамаске, там же учился, затем переехал в Египет и работал в госпитале ан-Насирийе, руководителем которого стал впоследствии. В работе особенно подчеркиваются научные склонности Ибн-ан-Нафиса, большая самостоятельность его суждений, экспериментаторское умение. Ибн-ан-Нафис выступает перед читателем как ученый-новатор.

Отдельный раздел посвящен медицинским сочинениям Ибн-ан-Нафиса, среди которых особо выделяется его комментарий на главу по анатомии „Медицинского канона“ Ибн-Сины, носящий название „Шарх Ташрих

ал-Канун". Для исследования Абд-ул-Керима Шехадэ это сочинение явилось основным, так как именно оно содержит описание легочного круга кровообращения. Сочинение это находится в рукописи; один из экземпляров ее находится в Ленинграде.

Автор использовал экземпляр Парижской национальной библиотеки № 2939. К сожалению, вне сферы его внимания осталось еще 14 рукописей этого сочинения, находящихся в Берлине, Болонье, Бейруте, Дамаске, Ленинграде и других местах. Абд-ул-Керим Шехадэ знает об их существовании, но не привлекает к своей работе и не объясняет, почему он не делает этого. Возможно, что привлечение их позволило бы еще ярче или в ином свете обрисовать научные заслуги арабского врача XIII в.

В книге приводится описание рукописи, указывается манера Ибн-ан-Нафиса комментировать Ибн-Сину. Последнее обстоятельство следует отметить особо, так как оно подчеркивает исследовательский характер подхода к явлениям у Ибн-ан-Нафиса. Автор в своей работе касается различных сторон жизни и деятельности Ибн-ан-Нафиса, одновременно освещая развитие и успехи медицинской науки того времени. Арабская медицина достигла тогда такого развития, которое делало возможным открытие Ибн-ан-Нафиса, чему способствовало также и его большое личное дарование.

Первая глава книги посвящена арабской медицине, вторая — деятельности Ибн-ан-Нафиса.

В третьей главе Абд-ул-Керим Шехадэ дает перевод тех отрывков рукописи „Комментария“, где идет речь о легочном круге кровообращения. Перевод сопровождается текстом. Излишне говорить о качестве перевода, так как автор превосходно владеет французским языком, а арабский язык является для него родным.

Открытие Ибн-ан-Нафиса не нашло достаточного отклика в медицинской науке арабов, хотя и не было окончательно забыто. Положение это доказывает отрывок анонимной рукописи XVII в., также воспроизведенной в виде факсимиле. Изображение дано по рукописи Парижской национальной библиотеки № 5776. В отрывке не только упоминается Ибн-ан-Нафис, но и ставится наравне с великим среднеазиатским ученым Ибн-Синой, причем научные выводы первого часто противопоставляются положениям последнего.

Не всегда, к сожалению, удавалось автору проследить, каким образом сведения об открытии Ибн-ан-Нафиса попали в Европу, что было бы интересно в смысле установления научной преемственности или же самостоятельной линии развития медицинской науки. Но эту сторону вопроса изучить трудно, так как переводы были слишком часто ненадежными, почти без указания источников, хотя и известен факт непосредственного перевода сочинения Ибн-ан-Нафиса на латынь с арабского в XVI в. в Дамаске.

В результате исследования Абд-ул-Керима Шехаде арабская медицина может с полным правом приписать себе приоритет открытия легочного круга кровообращения.

Несомненно, что благодаря книге Абд-ул-Керима Шехаде история арабской медицины пополняется новым и очень интересным трудом.

В. В. Матвеев.

АРХЕОЛОГИЯ СИРИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

**(О книге: G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du nord-
Le massif du Bélus á l'époque romaine. I—II. Paris, 1953**

**(на последнем листе т. I указано, что печатание этого труда было закончено
8 июля 1955 г. в Бейруте)**

Первый том названной монографии, изданной большим форматом, содержит 442 страницы текста исследования, второй том содержит карты, схемы, снимки. Монография Г. Чаленко посвящена археологическому исследованию горного массива Белуса северной Сирии, где сохранилось значительное число древних архитектурных памятников. Исследуя их лично, а также опираясь на многочисленные труды предшествовавших исследователей, Чаленко пришел к выводам, которые увязываются с данными письменных источников. Хотя выводы эти ограничены сравнительно небольшим географическим пространством, как и числом архитектурных памятников, они исторически оправданы.

Автор последовательно обследовал дома сельских поселений, виллы более зажиточного характера, хозяйственные постройки, в частности давяльни для производства оливкового масла и вина, бани, храмы.

Несомненно ценным следует считать то, что автор исследует аграрные поселения, деревни. Последовательный анализ их дал ему возможность определить состояние непосредственных производителей и, в известной мере, земельную собственность.

В первой главе автор дает беглый обзор памятников, которые подлежали его рассмотрению и определили географические пределы изучаемой им области Сирии. Для естественных условий, которым посвящена вторая глава, особенно существенно отсутствие природного орошения, так как обильно выпадающие осадки (в феврале, марте, ноябре и декабре) вследствие характера почвы совершенно не удерживаются на поверхности, а впитываются. Только на большой глубине, где имеются

водонепроницаемые слои земной коры, имеется вода. Поэтому первой необходимостью являлось выкапывание колодцев (стр. 64—65). Растительность всего этого горного известкового массива очень бедна, леса на нем никогда не было (стр. 66—67). Однако естественные условия допускают насаждение оливкового дерева и разведение виноградников (стр. 69—70). По мнению автора, эти культуры начали выращивать в I в. н. э.; разведение их достигло наивысшего развития в V—VI вв. н. э. и пришло в упадок в VII в.

Поселения на массиве Белус были связаны с дорогами, из которых одна с древнейших времен пролегла из Антиохии в Апамею вдоль массива и из Антиохии в Халкис (стр. 82, 85, 188). Некоторые названия населенных пунктов, лежащих близ этих путей, упоминаются в ассирийских памятниках.

Между отдельными селениями, кроме этих больших дорог, существовали и могут быть намечены проселки и тропы.

Чаленко исходит из существенного для его работы положения о единстве географическом и этническом всего массива в прошлом, что и дало возможность его изучать последовательно (стр. 91).

Датировка поселений дается автором на основании надписей, найденных, например, в двух языческих храмах типично римского времени. Один имеет надпись с именем императора Траяна, другой — храм Зевса отмечен надписью 238 г. н. э. (стр. 106—107). В селении Бакирха имеются две христианские церкви с надписями 501 и 546 гг. (стр. 110). Наконец, несколько надписей VI и VII вв. упоминают различных известных по другим историческим источникам лиц, например сирийца Магна (стр. 116).

Периодом расцвета архитектуры в этой горной области автор считает V—VI вв., в VII в. наступает резкий упадок (стр. 114).

Большое внимание автор уделяет крестьянским поселениям и старается выяснить их экономическое состояние и достаток. В этом отношении интересно селение, охарактеризованное им как община крестьян (стр. 200). Примитивная техника общей давяльни для выжимания оливок и винограда указывает на необеспеченность этой общины (стр. 203—204), о чем говорит также и скромное убранство церкви этого селения.

Подробно охарактеризовал автор постройки и хозяйство монастыря Симеона Столпника на так называемой „горе Симеона“ (стр. 130—135).

Чаленко справедливо отмечает мощь монастырского хозяйства, его богатство, которое позволило ему устоять перед арабским завоеванием (стр. 142—143). Удачно сопоставлены автором археологические данные о монастырях средневековья как крепостях и соответствующих обычным названиям Дайр, Каср и т. д. Положение монастыря, обычно удаленное от других поселений, вызывало необходимость обносить их крепостными стенами (стр. 150). Монастырь составлял определенный архитектурный ансамбль. В число этих построек входил ряд хозяйствен-

ных построек, странноприимный дом, келии, церковь и др. (стр. 164). Автор считает монастырь Симеона типичной постройкой того времени, т. е. VI—VIII вв. (стр. 223—226).

Интересное наблюдение сделано автором на примере селения смешанного характера — мелких собственников и крупного землевладельца (стр. 189). Вилла в Балукке принадлежала крупному владельцу, приезжавшему лишь на время, когда производили обработку созревших оливок или винограда (стр. 300—301, 376). По наблюдению автора, такой владелец вводил только одну культуру. Это его мнение следует рассматривать как положение о введении товарного сельскохозяйственного продукта. Постоянных жителей здесь было немного, поэтому в определенные сезоны для работы сюда в горы поднимались люди из долин. Живших здесь Чаленко считает колонами или свободными крестьянами (стр. 314). Существенным является изучение давлений в сельских поселениях и у владельца зажиточного (стр. 361—365).

В главе о „Сельской цивилизации“ автор подводит итоги своей работы. Наиболее древние селения, по его мнению, — языческие. Они небогаты, это — потомки *λαοί* еще селевкидского периода (стр. 381). Землевладельцы крупного и среднего достатка, жившие в виллах (стр. 381—383), насаждали однотипную культуру, обычно оливу (стр. 384—385).

Планы сельских поселков привели Чаленко к выводу, что все их жители находились в одинаковом имущественном положении (стр. 401—403); очевидно, это были крестьяне-общинники. Автор делит сельские поселения на: 1) крестьянские поселения времени I—IV вв. и 2) селения мелких производителей V—VI вв., значительно более состоятельных (стр. 408—409). Построек для массового поселения рабов он не нашел. Отсюда следует вывод, что земля обрабатывалась свободными крестьянами, или колонами, а рабы не были посажены на землю.

Автор, по нашему мнению, неправильно придает такое большое значение эмфитевсису в „эволюции“ землепользования (стр. 417—418); эта „эволюция“ была связана со сложным процессом исторического развития и не может решаться так примитивно.

Наивысшего расцвета хозяйство горного массива, как уже было сказано, достигло в V—VI вв., что было связано с развитием торговли сельскохозяйственными продуктами (стр. 422—425). В VII в. войны с персами, затем с арабами были разорительными и остановили экономическое развитие (стр. 426—428).

Работа Г. Чаленко продолжает разработку вопросов, поставленных Дюссо, Пуадebarом и другими, детально рассматривает архитектуру массива Белус. Этот труд заслуживает самой положительной оценки.

Автор привлек обширную литературу, как археологическую, так и историческую, в том числе и советскую литературу, в частности, наши работы (стр. 427, 428 и др.). Автором сделаны заслуживающие внима-

ния выводы, которые подтверждают периодизацию исторического процесса на Ближнем Востоке, принятую теми исследователями, которые основываются на учении об общественных формациях.

Н. В. Пигулевская.

ЕЩЕ ОДИН ТРУД АКАДЕМИКА И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

(О книге: Введение в эфиопскую филологию. Под редакцией проф. Д. А. Ольдерогге. Изд. ЛГУ, 1955)

Акад. И. Ю. Крачковский, как и многие крупнейшие ученые-востоковеды его поколения, всю свою жизнь отдал науке и преподаванию. Более сорока лет он преподавал на Восточном факультете Ленинградского университета. Игнатий Юлианович заново разработал и прочитал не один курс, а материалы для них послужили ему впоследствии основой для многих оригинальных научных статей и специальных исследований.

В 1948/1949 учебном году И. Ю. Крачковский читал курс „Введение в эфиопскую филологию“, который был выпущен Издательством Ленинградского университета отдельной книжкой к пятилетию со дня смерти ученого. Курс этот читался всего лишь один единственный раз, но материалы к нему накопились в течение нескольких десятилетий, как пишет автор в предисловии к своей книге. Из предисловия мы узнаем и другие, не менее ценные признания Игнатия Юлиановича относительно содержания и задач курса.

В этой связи никак нельзя оставить без внимания слова И. Ю. Крачковского: „Основным стержнем своего курса... я считаю как бы аннотированную библиографию... , что, на мой взгляд, может открывать дорогу для самостоятельной работы в дальнейшем и предохранить от непроизводительного обращения к неудовлетворительным пособиям“ (стр. 8—9). Слова эти имеют непосредственное отношение к самым насущным нуждам преподавания аналогичных дисциплин по языкам и литературам других народов Востока. Следует учесть, что книга И. Ю. Крачковского как учебник является пока первой. Последующие учебники из этой серии еще не появились, прежде всего потому, что нет необходимой ясности и единства мнений об их типе и характере, не говоря уже о том, что создание их — труднейшее дело. Оно требует от автора огромных знаний, многих лет подготовительного труда, высокого мастерства, и писать такой труд, разумеется, автор должен не в начале своей научной деятельности, а в пору научной зрелости.

Перед студентами действительно должна открыться дорога для самостоятельной работы, столь заманчивая для пытливых, ищущих умов. Это — дорога надежд, пылких мечтаний; путь дерзновенных исканий, больших свершений.

Вот почему книга И. Ю. Крачковского, исключительного знатока и эрудита, имеет принципиально важное, актуальное значение. Она — подлинно новаторская книга и по замыслу и по выполнению, написанная вдохновенно, с покоряющей силой любви к науке и с присущим Игнатию Юлиановичу стилистическим блеском.

Название работы не совсем точно отражает ее содержание. Сам И. Ю. Крачковский в предисловии писал: „Конечно, и за книжкой было бы правильней сохранить то название, которое имел курс «Введение в эфиопскую филологию». Однако в библиографии, равно как в истории изучения, мне приходилось касаться вопросов абиссиноведения, а при обработке лекций для печати значительно расширить ряд отделов, например о семитических языках Абиссинии вообще“ (стр. 9). К сказанному Игнатием Юлиановичем следует добавить, что в его книге говорится и о древней арабской культуре, и о христианско-арабской литературе; встречаются экскурсы и по общей семитологии, значительное место уделяется истории Абиссинии, подробно исследуется история изучения Абиссинии отечественными учеными. Но книга И. Ю. Крачковского представляет большой интерес не только для занимающихся эфиопской филологией, но и для семитологов, особенно для арабистов.

Как научно-популярную книгу ее прочтет любой читатель, интересующийся культурой стран Ближнего Востока. В ней он увидит образец научного анализа явлений и фактов на основании их исторического изучения, узнает, как в разных направлениях развивалась наука, как расширялся и углублялся ее горизонт. Различные трудные и сложные вопросы изложены Игнатием Юлиановичем просто, сжато, четко, в строгой и стройной последовательности и в определенной системе. Читатель не может не отнести все это к числу неоспоримых достоинств книги.

Наконец, рецензируемая книга И. Ю. Крачковского является настольным справочником. Для этих целей она нужна не только русскому, но и иностранному читателю, тем более, что подобных работ нет в научной литературе.

Труд И. Ю. Крачковского состоит из введения и пяти глав. К нему приложен обстоятельный библиографический список книг по Абиссинии и Южной Аравии. Следует отметить, что работы по Южной Аравии привлекаются лишь в той мере, в какой они содержат абиссиноведческий материал. Библиография на русском и арабском языках включает 198 названий, а библиография на иностранных языках — 766 названий. Если в первом списке автор стремился к возможной полноте, то второй список включает, как правило, лишь ту литературу, которая имела наибольшее значение в развитии абиссиноведения. Кроме того, приложен именной указатель.

В первой главе — „Библиография“ — дается критический разбор как общих, так и научно-популярных работ по абиссиноведению. Автор

подробно разбирает исследования русских и советских ученых, оценивая их очень высоко, особенно труды Б. А. Тураева, своего учителя, которому И. Ю. Крачковский посвятил эту книгу.

В этой же главе он рассматривает „Библиографию библиографий“, т. е. все имеющиеся библиографические обзоры по абиссиноведению. Критерием их оценки является не только библиографическая точность, но и основательность имеющихся в них аннотаций.

Во второй большой главе изложена не только история изучения эфиопского языка, но сообщаются и сведения о семитических языках Абиссинии вообще, о чем писал сам автор (стр. 9). Рассматривается схема классификации всех семитических языков с особым вниманием к южносемитической группе. Обширная, подробно аннотированная библиография по сравнительной грамматике семитических языков и хамито-семитическим языковым связям доведена почти до наших дней.

Весьма интересен здесь краткий экскурс в древнейшую культуру Абиссинии, аксумскую культуру (стр. 32—34), и ее связи с Южной Аравией. Автор, несомненно, прав, указывая, что „ранняя аксумская культура ничего или почти ничего не была должна своим соседям за пределами Аравии, откуда она вышла“ (стр. 33). Следует указать, что и стелы-обелиски из Аксума не заимствованы из Египта, как полагает И. Ю. Крачковский, а также являются отражением памятников южноаравбской архитектуры.¹

Во втором разделе этой главы говорится о значении эфиопского языка и филологии как для семитского языкознания, так и для всеобщей литературы, в особенности христианско-арабской. Рассматривается вопрос о значении эфиопских памятников для истории Ближнего Востока. Обращено внимание на исторические связи Абиссинии с Индией и Ираном (стр. 42—43). Подвергаются критическому анализу книги, авторы которых пытались доказать наличие прямых связей между Эфиопией, Южной Аравией и Китаем.

Третья глава, как и вторая, не вполне соответствует своему названию: „История изучения эфиопской филологии на Западе, в арабских странах и в Абиссинии“. Она гораздо шире; в ней говорится об абиссиноведении вообще. И. Ю. Крачковский внимательно следит за первыми работами научного абиссиноведения на Востоке, отмечая с радостью культурное развитие народов Востока. Говоря о западноевропейских ученых и объективно оценивая их вклад в развитие абиссиноведения, И. Ю. Крачковский всегда с уважением упоминает об их информаторах-абиссинцах, которым эти ученые были обязаны значительной долей своих знаний в указанной области.

---

¹ См. В. А. Крачковская. Историческое значение памятников южноаравбской архитектуры. Советское востоковедение, т. IV, М.—Л., 1947, стр. 105—128.

Глава четвертая — „Абиссиния и эфиопская филология в России и в СССР“ — содержит подробную характеристику тех путей, по которым с давнего времени проникали в нашу страну сведения об Абиссинии. Изложение начинается с первых известий об Эфиопии, имеющих в „Повести временных лет“, почерпнутых из средневековой византийской литературы. Далее излагается как история связей России с Абиссинией, так и история проникновения сведений по абиссиноведению из других стран. Особое внимание уделено деятельности крупнейших русских и советских абиссиноведов: В. В. Болотова, Б. А. Тураева, Н. В. Юшманова. Двумя, тремя скупыми, но меткими штрихами И. Ю. Крачковский дает выразительные и запоминающиеся литературные портреты этих ученых. Характеристика их основных трудов дана с точки зрения современного состояния абиссиноведения.

Для специалиста-востоковеда, желающего составить представление о современном уровне развития эфиопистики, наиболее интересна последняя, пятая глава книги: „Состояние материалов по эфиопской филологии и задачи дальнейшей разработки“. Она разделяется на восемь небольших разделов.

Первый раздел этой главы — „Рукописи“ — дает описание наиболее крупных и важных собраний эфиопских и амхарских рукописей. Иногда И. Ю. Крачковский касается истории создания некоторых сокровищниц рукописей. Читатель находит здесь также глубокие и всесторонние характеристики Игнатия Юлиановича отдельных каталогах рукописей.

Второй раздел — „Издание памятников“. В нем подробно описаны и снабжены библиографией издания эфиопских исторических хроник. Здесь же помещен экскурс по абиссинской нумизматике (стр. 122—123). Отметим, что, кроме двух аксумских монет, изданных Б. А. Тураевым, собрание Государственного Эрмитажа обладает еще абиссинскими монетами IV—VI вв., до сих пор не изданными и в ряде случаев уникальными.

Обширную библиографию и критическую оценку трудов по истории эфиопской литературы содержит третий раздел — „История литературы“. Особенно подробно автор останавливается на трудах Б. А. Тураева и на „Истории эфиопской литературы“ Литтмана,¹ по мнению И. Ю. Крачковского, лучшей из всех ныне существующих.

Истории Абиссинии посвящен четвертый раздел — „Исторические своды“. Центральное место в ней занимает разбор книги Конти Россини „История Эфиопии“.²

---

¹ E. Littmann. Geschichte der äthiopischen Litteratur. Geschichte der christlichen Litteraturen des Orients, Leipzig, 1907, стр. 185—270.

² C. Conti Rossini. Storia d'Etiopia. Parte prima. Dalle origini all'avvento della dinastia Salomonide. Bergamo, 1928, (1—33) + 343 стр.

В следующем, пятом разделе — „Эфиопский язык“ — приводится библиография имеющихся пособий, в первую очередь грамматик и словарей, как научных, так и учебных. Уделено некоторое внимание и более специальным вопросам, как например вопросу о традиционном эфиопском произношении или фонетике. Автором дана развернутая критическая оценка существующих работ, имеющая важное научное значение, и четко сформулированы задачи дальнейшего изучения.

В разделе шестом — „Эфиопское письмо“, — кроме аннотированной библиографии имеется характеристика эфиопской письменности, обрисована история ее возникновения и развития. Это представляет значительный интерес и для истории южноарабской письменности, тесно связанной с эфиопской.

Семитическим языкам Абиссинии — амхарскому, тигре, тигринья и другим — посвящен седьмой раздел.

И, наконец, последний, восьмой раздел — „Сопредельные области эфиопской филологии“ — имеет аннотированную библиографию по археологии, материальной культуре и искусству, а также по вопросам обычного права и народной медицины. Последние вопросы этого раздела, далекие от собственных интересов автора, в библиографии отражены не полностью.

И. Ю. Крачковский, закончив полностью работу над текстом книги, не успел довести до полного завершения библиографию. Эта часть работы выпала на долю редактора Д. А. Ольдерогге и его помощников (см. предисловие редактора). В отдельных случаях редактор снабдил текст подстрочными примечаниями. Нельзя не пожалеть только об отсутствии предметного указателя, необходимого для удобства пользования книгой И. Ю. Крачковского как ценнейшим справочным пособием каждому, кто будет заниматься теми проблемами, о которых в ней говорится. Однако следует отметить много незамеченных опечаток; примечания не всегда определены и точны (см. стр. 68, 149, 174 и т. д.).

В предисловии редактора сказано, что внезапная смерть И. Ю. Крачковского помешала чтению предполагавшегося курса „Введение в сабеистику“, аналогичного курсу „Введение в эфиопскую филологию“. Между тем этот курс был прочитан на восточном факультете ЛГУ в 1949/50 гг. и частично подготовлен к печати. Было бы очень желательно увидеть и эту работу И. Ю. Крачковского напечатанной.

И. Ю. Крачковский в один из последних дней своей жизни писал: „Мне хотелось бы думать, что книжка, материалы для которой накапливались у меня в течение нескольких десятилетий, явится звеном, связующим прошлое нашего абиссиноведения с его будущим, и предохранит от перерыва традиции, необходимой в каждой научной специальности“ (Предисловие, стр. 9—10). Мы выражаем надежду, что желание Игнатия Юлиановича осуществится в самое ближайшее время. Книга И. Ю. Крачковского служит надежным основанием для дальнейшего успешного развития этой области востоковедения в нашей стране.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Академик В. В. Струве. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине	3
П. В. Ернштедт. Из области древнейших египтизмов греческого языка	29
Л. А. Липин. Из истории социальных отношений в Ассирии	41
М. Я. Гельцер. Заметки по истории Финикии VIII в. до н. э.	58
С. П. Потоцкий. Сирийская серебряная монета Антиоха IV Епифана из клада монет на Украине	71
Н. В. Пигулевская. Сирийская легенда об Александре Македонском	75
А. Г. Лундин. К вопросу о хронологии хымьяритских надписей	98
М. Чураков. Завоевание Северной Африки арабами	107
П. Г. Булгаков. „Книга путей и государств“ Ибн Хордāдбеха. (К изучению и датировке редакций)	127
В. Я. Голант. Египет в экономико-географическом описании Наполеона Бонапарта	137
И. Г. Лившиц. Из истории русской египтологии. С. И. Коссаковский. Доклад о иероглифической системе Шампольона	151
И. Н. Винников. Словарь арамейских надписей	171

Р е ц е н з и и

В. В. Матвеев. Новые данные по арабской медицине	217
Н. В. Пигулевская. Археология сирийской деревни	220
А. П. Конаков, А. Г. Лундин. Еще один труд академика И. Ю. Крачковского.	223

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК, ВЫП. 3

*

Утверждено к печати Российским палестинским обществом АН СССР

*

Редактор издательства А. П. Конаков

Технический редактор А. В. Смирнова

Корректоры О. Б. Ближнис и А. А. Гельфанд

*

Сдано в набор 28/VIII 1957 г. Подписано к печати 9/I 1958 г. РИСО АН № 6—111В. М. 01508.
 Бумага 70×108^{1/16}. Бум. л. 7^{1/2}. Печ. л. 14^{1/4}=19.52 усл. п. л. + 1 вкл. Уч. изд. л. 16.75 + 1 вкл.
 (0.13 уч. изд. л.). Изд. № 500. Зак. № 83. Тираж 1800. Цена 10 р. 15 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

10 руб. 15 коп.